Георгий Кублицкий

Фритьоф Нансен

Издательство „Детская литература"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Этот человек стал гордостью своей страны. Его молодые годы были наполнены необыкновенными приключениями. Они начались на зверобойном судне «Викинг», затертом льдами. В 28 лет к Фритьофу Нансену пришла слава знаменитого путешественника: он первым в мире на лыжах пересек ледяной купол Гренландии. Затем последовала всемирно известная эпопея «Фрама», поход вдвоем к Северному полюсу, полярная робинзонада на неведомой Белой Земле…

О Нансене говорили, что он велик, как арктический исследователь, более велик, как ученый, и еще более велик, как человек. Он был другом нашей страны, помогал голодающим в Поволжье. На пятом году Октября съезд Советов выразил глубочайшую признательность норвежцу Фритьофу Нансену и заявил, что русский народ сохранит в памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина.

Эта книга впервые была издана несколько лет назад после поездки автора в Норвегию. С тех пор писатель продолжал поиски документов, встречался с людьми, знавшими Нансена, а в 1965 году снова проехал по «нансеновским местам» норвежского Севера, чтобы дополнить книгу о человеке, имя которого навсегда останется в истории исследования планеты Земля.

Для среднего и старшего возраста.

- Георгий Кублицкий
  -
  - «ВИКИНГ» УХОДИТ В МОРЕ
    - Единственный пассажир
    - «Льды по курсу!»
    - Предок и потомок
    - Корабль-легенда
    - Стуре-Фрён
    - Обломок сибирской сосны
    - Наконец-то тюлени!
    - Так вот где залежка!
    - Стрелок большой лодки
    - За белым бродягой
    - В опасных водах
  - ГОДЫ ТЕРПЕНИЯ
    - Дождливый Берген
    - Над микроскопом
    - Несколько газетных строчек

- Опасная прогулка
- Золотая медаль
- Решение принято
- У «старого Норда»

○ ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЙ ЛЕДНИК
- Первая неудача
- На волосок от гибели
- Мосты сожжены
- На ледяной купол
- В век мамонта
- Берег Доброй Надежды
- Среди эскимосов

○ «ФРАМ» БУДЕТ ТВОЕ ИМЯ!
- Ева Нансен
- Крючок в губе
- Новогодняя ночь на скале Норе
- Пути, которые избирались
- «Бессмысленный проект самоубийства»
- Корабль и его команда
- Начало
- Откуда пошла Норвегия

○ НАВСТРЕЧУ НЕВЕДОМОМУ
- У края Евразии
- Год уходит…
- Новый план
- Розовые чайки
- Кто второй?
- В опустевшем доме

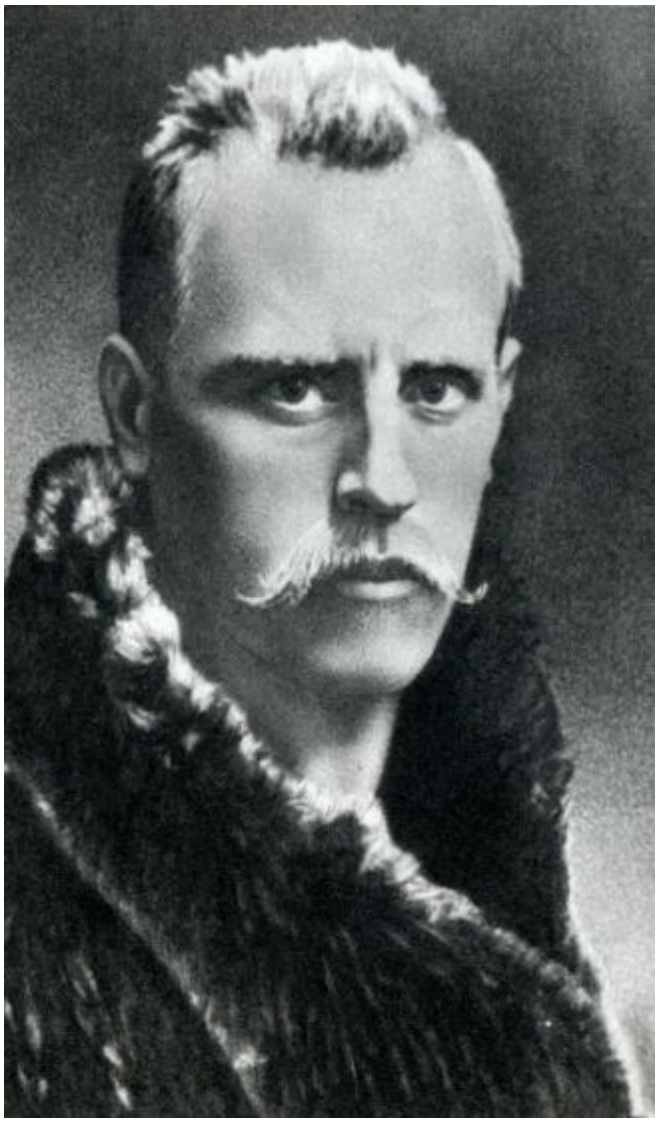
○ ВДВОЕМ К ПОЛЮСУ
- Дело, начинавшееся трижды
- По большому льду
- Но где же земля?
- Без Нансена
- «Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать»
- Белая Земля

○ ВО МРАКЕ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ
- Хуже, чем у Робинзона
- Неразгаданная загадка
- Каяки уносит!
- Неожиданное
- «Вот кого я ценю выше всех!»
- Существует ли Земля Санникова?

○ ЛИНИЯ ОТСТУПЛЕНИЯ

        - Штурман с «Бельгики»
        - «Город, суматоха и пустота…»
        - В горном доме
        - «Возьмите руль, Фритьоф Нансен!»
        - Республика или монархия?
        - Дипломат
        - Пепел, развеянный бурей
    - ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
        - Северный и Южный…
        - Снова палуба под ногами
        - Труженики моря
        - Знакомой дорогой
        - Сибирь проснется, проявятся скрытые силы…
    - У ПОРОГА НОВОГО МИРА
        - Когда бушует пожар…
        - «В страну будущего»
        - По ту сторону Атлантики
        - Штормы, потрясшие мир
        - У большевиков
        - Вызов
        - Женева говорит: нет!
        - Скорбь бесконечная…
        - Гражданин Нансен
        - Чугунные сердца
        - «Я верю в великую будущность России»
        - Голубой океан
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Георгий Кублицкий
ФРИТЬОФ НАНСЕН
Его жизнь и необыкновенные приключения

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ

ФРИТЬОФ НАНСЕН

Его жизнь и необыкновенные приключения

РИСУНКИ Е. ВАНЮКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Москва · 1967

«ВИКИНГ» УХОДИТ В МОРЕ

Единственный пассажир

— А-а… Похоже, что это и есть тот самый молодчик!.. — Рулевой Кристиан Баллон подтолкнул стрелка Оле Могеруда. К «Викингу», стоявшему на якоре у причала, шел высокий юноша со связками книг и чемоданом. На нем был длинный серый сюртук со множеством мелких пуговиц и узкие штаны, сильно раздувшиеся в коленках.

— Ишь, красавчик долговязый! — усмехнулся Оле. — Так и есть, идет сюда.

— Провалиться мне на этом месте — шесть футов два дюйма! — промолвил Баллон.

Оле смерил глазами фигуру, поднимавшуюся по трапу «Викинга»:

— Даже на шесть не вытянет.

— Я бы хотел видеть капитана Крефтиига, — с вежливым поклоном произнес молодой человек.

— Он на берегу, сударь, — церемонно раскланялся рулевой.

— А штурман Ларсен?

Рулевой снова отвесил поклон и показал рукой на старика с окладистой седой бородой. Тот стоял поодаль, у борта, и с тоской смотрел на берег, где красовалась вывеска хорошо ему известного питейного заведения; багровый нос штурмана Ларсена доказывал, что обществу трезвости до сих пор не удалось завлечь этого достойного моряка…

Молодой человек подошел к штурману и, заглядывая сбоку, представился:

— Фритьоф Нансен, студент Кристианийского университета.

Старик, не поворачивая головы, что-то буркнул в бороду.

— Простите?..

— Я говорю, что на месте капитана взял бы не господина студента, а лишнего зверобоя.

Кто-то фыркнул за спиной молодого человека. Студент покраснел, но сдержался. Молча прошел он к корме и уселся на свернутый канат.

Команда, как видно, была уже в сборе. Многие явно под хмельком: тяжеловесные шутки и дружеские подзатыльники так и сыпались. Грубоватые, рослые парни — они были тут как дома и, конечно, видели в пассажире чужую птицу, залетевшую в их гнездо.

Наконец на берегу показался капитан Аксель Крефтинг. Студент живо поднялся навстречу рослому моряку с черными, необыкновенно пышными усами. Молодцы на палубе прекратили

возню, а кое-кто даже почтительно снял шапку.

Капитан пожал студенту руку и попенял Ларсену за то, что тот не отвел гостя в каюту. Старик проворчал, что нанимался на корабль штурманом, а не нянькой. Крефтинг сам проводил студента к каюте на корме у левого борта.

— Как раз напротив моей, — сказал он. — А сколько вам лет, господин Нансен?

— Уже двадцать.

— Отличный возраст!.. — Капитан покрутил пальцами кончики усищ. — Ну, устраивайтесь, располагайтесь…

В каюте — койка, привинченный к стене столик, на котором едва умещаются локти, шкаф для платья — и ничего больше. Втроем тут, пожалуй, не повернешься.

«Вот она, новая жизнь», — подумал Фритьоф, тщетно пытаясь запихнуть чемодан и книги под койку.

Отход «Викинга» из Арендаля, маленького портового городка на юге Норвегии, задержался. Другие зверобойные суда покинули родные гавани и уже ушли на промысел в Северный Ледовитый океан, а на «Викинге» все еще стучали молотками, грузили какие-то бочки и ящики, выверяли компасы. Еще бы, ведь судно было новехоньким и готовилось к своему первому полярному рейсу!

Но вот назначен день отхода. Еще накануне студент вывел на чистой странице дневника: «11 марта 1882 года, борт „Викинга“».

Спал он плохо, поминутно чиркая спичкой возле положенных на столике часов. Наконец-то стрелка доползла до пяти. Пора. Он застегнул на все пуговицы сюртук, пригладил торчащие русые волосы.

На палубе еще пусто. С берега легкий утренний ветерок несет запахи талой земли. Скоро начнут лопаться почки, нежными клейкими листочками оденутся березы. Весна…

А Фритьоф ничего этого не увидит — незнакомое холодное море будет качать его корабль…

Вскоре на судне поднялась нервная суета, за которой один скрывает горесть разлуки, другой — нетерпение, третий, новичок, — страх перед опасным плаванием.

Команда «Викинга» собралась со всей Норвегии.

Здешних, из Арендаля, в ней было мало. Провожать корабль пришли несколько случайных моряков, загулявших до утра, да старуха, кутавшаяся в черный платок. Тем не менее с «Викинга» громыхнули на прощание такое «ура», что в домах возле набережной захлопали окна и появились заспанные физиономии.

Дул свежий ветер, и на «Викинге» подняли паруса, помогая машине: надо было спешить.

Студент полдня провалялся на койке в своей каютке, похожей на клетку. Он не мог смотреть в иллюминатор: неустанно катившиеся друг за другом волны вызывали противную тошноту. Бедняга завидовал нырявшим в недра водяных гор дельфинам: им-то что — их не мутит… Нет, море не для него. Вряд ли он когда-нибудь сроднится с ним.

«Свободное, могучее море», — говорят поэты. Могучее — это верно, но как подавляет оно своим однообразием! И это чувство тошноты! А матросы спокойно и невозмутимо возятся со сломанной реей на палубе, через которую катятся сине-зеленые волны с белыми пенящимися гребнями.

«Льды по курсу!»

На шестой день плавания Нансен проснулся бодрым и свежим. Что — стих ветер? Нет, судно по-прежнему кладет с борта на борт. Студент долго смотрел в иллюминатор — хоть бы что! Пошел на палубу, стоял у борта, пока не промок до нитки от брызг, — ни следа морской болезни!

Все радовало его в этот день. Он с интересом присматривался к жизни судна. Посередине палубы были свалены в кучу непромокаемые куртки, сапоги, фуфайки. Зверобои толпились вокруг, примеривая, выбирая, прицениваясь. Тут же стоял боцман и записывал, кто что взял.

— Но ведь все это можно было купить на берегу, до отхода судна? — Нансен подошел к рулевому Баллону, которого запомнил с первой встречи у трапа.

— На берегу? — ухмыльнулся Баллон. — Эх, сударь, у нас ежели кто получит сапоги на берегу, то, пожалуй, их потом найдешь разве что под стойкой у портового кабатчика! Половина молодчиков явилась к отходу с похмельной головой и без медяка в кармане. А вы как, запаслись всем теплым?

— Телогрейку взял бы, пожалуй. Да и брезентовую куртку… Не поможете ли выбрать?

— Отчего же нет?

И оба пошли к груде одежды.

— Куртку и штаны вам лучше сшить по мерке у нашего парусного мастера. А вот вшивку…

— Как?!

— Я хотел сказать — телогрейку.

Штурман Ларсен, стоявший подле, прошелся насчет молодчиков, тратящих денежки на одежду, которая им вовсе ни к чему. Нансен пропустил слова старого ворчуна мимо ушей.

— А что, господин Нансен, — спросил Баллон, перебирая «вшивки», — верно ребята говорят, что вы, когда вы учитесь, попом будете?

— С чего вы взяли? — удивился Нансен.

— Да как же! У нас вон в деревне сын лавочника учился в Кристиании,[1] а потом вернулся и…

— Послушайте, он же, наверное, учился на богослова. А я зоолог.

— Зоолог?

— Это такая наука о животных. На «Викинге» я буду изучать тюленей.

— Да чего же их изучать? — изумился Баллон. — Бей да

шкуры снимай!.. — Он протянул студенту телогрейку: — Эта, пожалуй, будет впору.

Весь день студент слонялся по палубе и смотрел на море, на волны, мчащиеся словно кони с развевающимися пенистыми гривами. Многие поколения норвежцев воевали с этой первобытной стихией и в конце концов сроднились с ней. Воображение рисовало Фритьофу корабли древних викингов, искателей приключений и жестоких воинов.

Спать в эту ночь Фритьофу не хотелось. Он набивал голландским табаком трубку с чубуком, купленную перед отходом, и почти до утра читал немецкий разбойничий роман. В нем описывались добродетельные девицы, и, разумеется, разбойники на последних страницах оказывались благороднейшими личностями.

Морская болезнь не вернулась ни назавтра, ни послезавтра. Значит, отныне у студента «морские ноги»!

Теперь пора закаляться. Ранним утром, оставив телогрейку на крюке, Нансен в одной фуфайке вышел на палубу. Ого, ветерок кусачий! Все, кроме вахтенных, попрятались в каюты и кубрик. А он, с посиневшим носом, засунув руки в карманы, стал прохаживаться по палубе. Подошел капитан Крефтинг и заметил, что, конечно, это не его дело, но он посоветовал бы господину Нансену не ухарствовать и одеваться, как все.

— Да ведь всего несколько градусов мороза! — заупрямился тот.

— По вашему сухопутному градуснику! — отрезал Крефтинг. — А в Северном Ледовитом океане, не мешало бы вам это знать, каждый градус мороза раза в четыре крепче. Схватите воспаление легких — что тогда? Доктора у нас нет: зверобоям болеть не полагается.

— Господин студент изучает, каково тюленю, с которого только что сняли шкуру! — сострил незаметно подошедший Баллон. — Пойдемте, сударь, к нам в кубрик, у нас как в бане.

В кубрике — общей каюте в носовой части судна, где жили пятьдесят матросов и зверобоев, — запахи жареного сала, дешевого табака, пота и мокрой одежды были замешаны так густо, что Фритьоф закашлялся. Для него очистили место у длинного деревянного стола, заваленного обглоданными рыбьими костями и грязной посудой. Зверобои играли в карты, валялись на койках, подвешенных в два яруса вдоль стен, — попросту говоря, били баклуши, отдыхая перед промыслом.

Баллон начал было рассказывать об одном смекалистом шкипере, который заставил ребят из команды во время плавания мастерить резные перила и другие украшения для своего дома.

— Это не стоило ему медяка, а его дом в Сандефиорде получился…

Страшный рев прервал рассказчика. Какой-то парень, сдернутый с койки, жабой шлепнулся на пол. Рыжий зверобой с туповатым лицом изо всей силы принялся дубасить по столу железными кружками. Оказалось, что весь этот шум подняли для побудки тех, кому надо было сменять вахтенных!

В дверях показался старый Ларсен:

— Эй, бездельники, марселя вытягивать! Пошел наверх! Живо!

Не его это дело — подгонять людей вместо боцмана, но старик всегда искал случая, чтобы покричать, а то и пустить в ход кулаки.

Студент тоже выскочил на палубу и, ухватившись за обледенелую снасть, принялся тянуть изо всех сил. Простуженные глотки подхватили излюбленную матросскую песенку:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен.
Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла,
Тра-ла-ла-ла, охой!

Нансен подпевал, притопывая ногой, и ему было легко и весело.

Вечером, когда студент сидел в каюте за книгой, на палубе закричали:

— Льды по курсу!

После света лампы глаза едва различали нечто, сверкающее призрачной белизной во мраке. Нансен вздрогнул, необъяснимое волнение охватило его.

Эта льдина была вестником незнакомого полярного мира. За ней белели другие. С шелестом и хрустом плыли они мимо. Слышались глухие удары в борта. Судно вздрагивало. Странные блики дрожали на парусах, и горизонт светился как-то необычно и жутко — это низко плывущие облака отражали блеск ледяных полей. А потом в той стороне, где бесконечно далеко в ледяном безмолвии стынет загадочный и притягательный полюс, вспыхнуло северное сияние.

Предок и потомок

Каждый капитан промыслового судна мечтает найти во льдах детную залежку — место, где самки гренландского тюленя приносят детенышей. На таких залежках — ледяных полях — обычно собираются стада в сотни тысяч тюленей. Звери залегают густо, тесно. У детенышей — так называемых бельков — до первой линьки очень красивые белые «шубы». В эту пору бельки малоподвижны, еще не умеют плавать, и поэтому на них легко охотиться.

Для зверобоев обнаружить детную залежку — значит поймать свое счастье. Но найди-ка ее в океане, попробуй! Можно пройти возле самой залежки, не заметив ее, и вернуться в порт с пустыми трюмами.

Залежка, залежка… На судне только и разговору что о ней. А ну как другие суда уже нашли ее? Бывалые зверобои вспоминают разные случаи, спорят, ссорятся. По ночам матросам чудится писк тюленьих детенышей, обещающий сытую зиму, достаток в семье, лишнюю кружку грога в воскресенье.

Если бы удалось заметить гребущие тюленьи косяки, то можно было бы пробиваться во льды следом за ними: большей частью эти косяки направляются как раз к залежке. Но тюленей нигде не видно.

Капитан велел поднимать на мачту дозорную бочку, которую моряки прозвали «вороньим гнездом». Однако Ларсен, сердито тряся бородой, запротестовал: ведь сегодня воскресенье и люди должны молиться, а не работать. Завтра понедельник — тяжелый день, но почему бы и не подождать до вторника? Капитан вспылил и приказал крепить бочку.

— Теперь не жди добра! — бормотал Ларсен. — Ох, не жди добра!

Из «вороньего гнезда» капитан не спустился даже к обеду. Длинная подзорная труба все время описывала круг над краем бочки: Крефтннг высматривал тюленей.

Но ни в этот день, ни на следующий звери так и не показались.

Капитан созывает на совет штурманов и самых опытных зверобоев: где искать залежку? Нансен тоже втискивается в уголок. Судят, рядят, многозначительно хмыкают, коптят каюту дымом трубок и решают… да, в сущности, ровно ничего не решают! Сходятся на том, что лучше подождать, может, появятся какие-нибудь приметы.

Когда все расходятся. Крефтинг задерживает Нансена.

— Да, такова наша жизнь! — говорит капитан со вздохом, — Гадаем, ищем — и не находим. Вы, наверное, слушали и думали: «Что за пустомели, толкут воду в ступе!» А вот посмотрите…

Капитан достает с полочки свернутую в трубку карту и расстилает ее на столе, прижимая по краям книгами. Это карта тех вод, где находится «Викинг».

— Вот остров Ян-Майен. Вокруг него обозначены льды. Они дрейфуют, передвигаются с места на место. Что мы знаем о них? Да ровно ничего! Одни догадки. А ведь чуть не каждый год эти льды ведут себя по-разному. Тут, конечно, влияют ветры и течения. Вот изучить бы все это! Я пробовал отмечать на карте, где в разные годы находили самые богатые детные залежки. Получается, что чаще всего в центре Большой ледяной косы. Вот ее язык. — Капитан отчеркнул ногтем. — Кажется, чего бы проще — иди прямо к косе и ищи. Но беда в том, что коса каждый год оказывается в новом месте. Меняется, что ли, течение, которое выносит в море ее льды? Как вы думаете?

Студенту, конечно, лестно, что капитан говорит с ним как с равным. Однако что он может ответить? И, покраснев, Нансен начинает объяснять, что он, собственно, зоолог и в морских течениях разбирается плохо, но, насколько ему известно, ученые собираются…

Крефтинг, не дослушав, с досадой скатывает карту трубкой и берет книгу, которая придерживала ее край.

— Кстати, я давно хотел спросить вас, — он протягивает Нансену книгу, — это не ваш родственник?

Книга старинная, пахнущая кожей и плесенью. У все необыкновенно длинное заглавие: «Краткое описание всего мира, где даются понятия о небе, Солнце и Луне купно с другими планетами и звездами, об их движении и направлении, а также о четырех стихиях и их свойствах, и о царствах и государствах земных с их достоважнеишими городами. К сему присовокупляется нечто о море и мореходстве и о воспомогательных к оному науках, извлеченное из различных книг и составленное и написанное Гансом Нансеном. Отпечатано в Копенгагене Андерссм Кохом в 1633 году за счет бухгалтера Педера Андерсена и продается у него».

— У нас дома есть такая же, — говорит студент. — Ганс Нансен — мой предок.

— Вот как! — Капитан явно обрадован. — Так в вас морская кровь! Он, должно быть, много путешествовал, ваш предок?

— Да, и притом, как и вы, на севере. Служил матросом, зимовал у берегов России, научился говорить по-русски, и русский царь поручил ему обследовать берега Белого моря. Потом

восемнадцать лет он плавал шкипером на судах исландской компании.

— Смотрите-ка! Я так и думал, что такую книгу мог написать только настоящий моряк. Мой дед не расставался с ней, а отец очень берёг ее и подарил мне, когда я пошел в первый рейс… Ну, а ваш отец — он тоже моряк?

— Увы… Адвокат, секретарь суда.

Крефтинг разочарованно свистит.

— Ну, из вас-то мы, пожалуй, попробуем сделать моряка, — говорит он так, что можно понять: «Несчастье еще поправимо, не унывайте». — И вот что: давайте обедать вместе.

Нансен благодарит.

А тюленей все нет…

Нансен слонялся по палубе, следя за ледовыми чайками. Красивые птицы: незапятнанная белизна, легкий полет! А бросьте-ка за борт какую-нибудь дрянь, объедки — и с хриплым криком ледовая чайка кинется вниз, будет рвать мясо, жадно глотать куски. Зато как милы весело чирикающие пуночки, напоминающие норвежских воробушков!

Ничто не предвещало в этот день шторма. Но к вечеру сильно упала стрелка барометра. «Викинг» находился у кромки льдов. Крефтинг, отчаянная голова, направил судно прямо в их гущу. Маневр рискованный, зато «Викинг» не унесет так далеко, как в открытом море.

Шквал, еще, еще… Закачались льдины, пошла волна, а когда стемнело, сквозь свист ветра, треск и грохот ломающегося льда едва улавливались слова команды.

Крефтинг был на шканцах. Странное дело — он повеселел и, казалось, отлично чувствовал себя:

— Лево руля! Круче!.. А-а, Нансен! Держитесь, волна не отдает то, что взяла… Вас не мутит?.. Я же говорил, что из вас получится моряк… Еще лево, лево, черт возьми! «Когда-нибудь да будет этому конец», — как сказала одна лисица, когда с нее…

Пренеприятиейший треск помешал Нансену дослушать любимую поговорку капитана — на палубу рухнула часть фальшборта, лопнула обшивка шканцев. Ларсен — он стоял рядом с капитаном — торопливо зашептал:

— Господи помилуй! Я говорил, я говорил… Бочку — в воскресенье…

Но недаром Крефтинга считали одним из самых отчаянных полярных мореходов. Другой бы смалодушествовал, попытался выйти изо льдов, а этот, веря в себя и в свой корабль, пошел в самую гущу. И ведь в конце концов выбрал местечко, где волна

ослаблена льдами и «Викинг» мог спокойно переждать шторм. Конечно, он рисковал — но чего же можно добиться без риска в полярных морях!

— Ну, вот вам и морское крещение! — сказал Крефтинг студенту. — А что, если мы с вами спустимся вниз и выпьем по чашке горячего кофе, а?

Корабль-легенда

Хотя команде роздали ножи, точильные бруски и багры для промысла, дозорный по-прежнему впустую вертелся в бочке — за все время попались лишь одиночные тюлени. Зато далеко над линией льдов заметили мачты сначала одного промыслового парусника, а потом и другого.

Пошли к ним: надо было узнать новости. Баллон старался угадать по оснастке, что это за корабли.

— Ну да, двойные марса-реи, лопни мои глаза! — рассуждал он. — Такие были у «Лабрадора», но только он не заходит теперь в здешние воды. «Вега» это, вот кто!

— Та самая «Вега»? — усомнился Нансен.

— Та самая. Эх, как встречали ее, когда она вернулась! Королей так не встречают. Пальба, флаги, фу-ты ну-ты!..

Вечером суда сблизились. Нансен смотрел на корабль. Три года назад Адольф Эрик Норденшельд прошел на нем вдоль берегов Европы и Сибири с запада на восток, одолев Северо-восточный проход в полярных морях. Да, «Вега» прогремела на весь мир. А теперь она снова простой промысловый парусник и ищет во льдах все ту же детную залежку.

С утра свежий бриз наполнил паруса «Викинга» и шедшей впереди «Веги». Нансен поднялся в дозорную бочку. Встреча с «Вегой» взволновала его, надо было честно в этом признаться. Вот Норденшельд — он боролся и победил. Сколько людей завидуют ему! И он, Нансен, тоже завидует. Разве можно сравнить жизнь такого героя, как Нордсншельд, с прозябанием зоолога? Препарирование, микроскопы, пробирки, мензурки, запах лабораторных спиртовок вместо запахов моря…

Он бы и сейчас сидел не в дозорной бочке, а за столом библиотеки, над атласом моллюсков и инфузорий, если бы не профессор Коллет. Добрый, чуткий Коллет! «Видите ли, одна зверобойная компания просит меня сделать рейс на ее судне и подумать, как лучше искать лежбища тюленей; но я полагаю, что вы справитесь с этим не хуже меня». Наверное, добряк Коллет просто заметил, что студента тянет на вольный воздух, и устроил эту поездку.

Размышляя таким образом, Нансен снова и снова спрашивал себя: не вышла ли у него вообще ошибка с выбором профессип? Чего ему, в сущности, хочется? На что способен господин студент Фритьоф Нансен?

В школе он наиболее успевал в естественных науках: и математике. Сейчас, пожалуй, его больше всего интересуют

физика и химия. Если говорить начистоту, то зоологию он выбрал потому, что она, казалось, сулила приятную жизнь среди природы, каким-то образом связывалась с охотой, с блужданием по лесам. Горький самообман!

И уж если на то пошло, то годен ли он вообще для занятий наукой всерьез, по-настоящему? Есть ли в нем, например, упорство, усидчивость? Упорство, пожалуй, есть — ведь удалось же ему так натренироваться в беге на коньках, что чемпион мира Аксель Паульсен признал себя побежденным на дистанции в одну милю. Несколько призов за лыжи — это тоже чего-нибудь да стоит, это тоже завоевано упорной тренировкой.

Да, но усидчивость?.. Отказаться от всего ради корпения над микроскопом? Вот, допустим, завтра все уйдут на промысел, а он, значит, должен с утра до вечера потрошить на палубе тюленей и перетряхивать содержимое их желудков? Нет, он не способен на такие подвиги. Из него никогда не выйдет ученого. В науке он так и останется студентом, притом студентом ни на что не годным, кроме, может быть, спорта.

Тут размышления Нансена были прерваны самым неожиданным образом: он почувствовал, что бочка валится куда-то вбок, и судорожно вцепился в окованный железом край, по которому обычно скользит подзорная труба.

Внезапно налетевший шквал согнул мачту. От напора ветра перехватило дыхание. Внизу что-то кричали, реи гнулись дугой, мачта раскачивалась. Нансен был слишком неопытным моряком, чтобы оценить опасность, а внизу никому и в голову не приходило, что почти на вершине мачты сидит господин студент…

Выждав, пока порывы ветра, как ему показалось, ослабли. Фритьоф вылез из бочки и стал спускаться, цепляясь окоченевшими, негнущимися пальцами за перекладины.

Внизу мелькали чьи-то удивленные и испуганные липа, качалась мокрая палуба, кипело море…

Весь синий, дрожащий, он сполз наконец с мачты.

— А парень, видно, не из маменькиных сыночков, — сказал кто-то из зверобоев за его спиной.

…И снова дни без событий, разговоры о залежке, совещания в штурманской каюте, из которой не успевал выветриваться запах крепчайшего табака. В такие дни Нансен старался заполнять пробелы в программе своих научных наблюдений. С примерным рвением и тщательностью принялся он измерять температуру морской воды на разных глубинах. Результаты показались ему интересными, и с самоуверенностью молодости он уже мечтал в пух и прах разбить шведского физика Эдлунда, утверждавшего,

что морской лед образуется не на поверхности, а в глубине, куда опускается переохлажденная вода.

Фритьоф представлял себе, как он выскажет шведу свои возражения: «Нет, господин профессор, в период образования первых тонких пластинок „блинчатого“ молодого льда вода на больших глубинах теплее, чем на поверхности моря, и вовсе не переохлаждена — вот таблицы моих ежедневных регулярных наблюдений, доказывающие это!»

Увы, до составления подобных таблиц дело так и не дошло, хотя, как показало время, Нансен был на более верном пути, чем Эдлунд. Один день пришлось пропустить, потому что на «Викинг» пожаловал капитан Гай с парусника «Новая Земля» и так интересно рассказывал о китах и белых медведях, что просто невозможно было уйти из каюты. Потом Крефтинг взял студента с собой на шотландский парусник (в море стало тесно — пять судов в поисках залежки сошлись с «Викингом», где гостей угостили отличным ростбифом и пудингом. На судне оказался даже традиционный камин, и было очень приятно болтать, протянув ноги к огню.

Затем состоялось большое совещание капитанов и штурманов. Грех было не послушать, что скажут о детной залежке такие опытные зверобои, как капитан «Беги» Маркуссен или капитан «Гейзера» Иверсен. Однако каждый из опытных зверобоев высказывал свое мнение, и оно было не более доказательным, чем противоположное мнение его соседа…

Но внезапно ударивший мороз прервал споры и, быстро цементируя льдины, поставил капитанов перед выбором: либо надолго остаться среди сплоченных льдов в надежде, что залежка где-нибудь рядом, либо пробиваться к открытой воде.

Крефтинг, больше других убежденный в близости залежки, тем не менее первым надумал уходить из этих мест: его деятельная натура не мирилась с мыслью о беспомощно вмерзнувшем в лед корабле. Можно ведь будет попытаться зайти с другой стороны.

Подняли паруса, запустили машину — «Викинг» ни с места: мороз уже припаял судно к ближайшему полю. Тогда Крефтинг попросил соседей раскачать его корабль. По льду и на шлюпках привалили молодцы с других судов, и на палубе «Викинга» стало тесно. Капитан гаркнул:

— На-а-а правый борт!

Сотня людей с топотом бросилась выполнять команду.

— Левый борт!.. Правый борт!.. Левый!..

Молодцы носились туда и обратно, раскачивая судно.

Затрещал лед, зазмеились по нему трещины и вскоре

освобожденный «Викинг» крепким форштевнем стал пробивать себе дорогу. Он то разбегался, то пятился назад. Машина на нем была довольно сильной, да и капитан удивительно ловко угадывал самые проходимые места в ледовом кольце. Другие суда пробовали идти за «Викингом» — но куда там!

К вечеру корабль вошел в разреженный лед. Было полнолуние. Свет скользил по полыньям. Небо, желтовато-белое от лунного сияния, отраженного ледяными полями, лишь на западе рдело темным пурпуром догорающей зари.

Нансен нашел капитана на шканцах. Крефтинга мучили сомнения: правильно ли он сделал, не оставшись со всеми?

— Ведь залежка-то, наверное, там, сзади, — уныло кивнул он за корму. — Мы всё удаляемся от нее.

Сколько моряков мечется во льдах, так же как Крефтинг, и наука ничем не может помочь им! Кто скажет — встретит ли «Викинг» разреженный лед, чтобы снова приблизиться к тем местам, где Крефтингу мерещится залежка? Все неясно, все гадательно.

— Вот попусту ломаешь голову, — как бы продолжая мысли Нансена, сказал Крефтинг. — Удача в нашем деле — игра случая. Самые опытные капитаны иногда возвращаются ни с чем, а новички набивают трюмы доверху.

Ребята совсем извелись. Если нам нынче не повезет, они вернутся домой нищими.

Нансен уже знал из разговоров с Баллоном, что даже когда зверобоям везет, они возвращаются с промысла не бог весть какими богачами. Те, у кого большая семья, считают каждый медяк, чтобы дотянуть до следующего рейса. Так что же влечет их на корабль? Работа тяжелая, заработок неверный, а между тем каждый год в океан уходят одни и те же люди. Неужели труднее заработать свой кусок хлеба в порту или на ферме?

Крефтинг, которого он спросил об этом, уставился на него:

— Ну, знаете!.. Вот не ожидал от вас такого вопроса! А еще потомок моряка! Стыдно, стыдно! Люди любят море. Просто любят, без корысти. К берегу их не привяжешь, нет!.. Да и вы полюбите морскую соль на губах, помяните мое слово!

Полюбить море? Едва ли. Он вырос в лесах, его влекут горы, но не ледяные. Однако он не сказал об этом Крефтингу: подобное признание вряд ли помогло бы их сближению. А Нансену так хотелось подружиться с капитаном.

Стуре-Фрён

Нансен, в сущности, все еще чувствовал себя не в своей тарелке среди нескольких десятков собравшихся на корабле людей. Моряков и зверобоев связывало общее дело, жизнь на «Викинге» была их привычной жизнью, а он, кажется, всё бы отдал, чтобы очутиться на часок-другой в сыром ельнике, где сейчас, в эту весеннюю пору, носятся вальдшнепы и вечерними сумерками поет красношейка. Вдохнуть бы хоть разок полной грудью, до опьянения, аромат пробуждающегося леса, прелых листьев, первой травы…

Должно быть, Крефтпнг понял, что чувствует студент, или, может быть, у него самого было тяжело на душе; и, как-то зазвав Нансена в каюту и усадив его на потертый диван, капитан неожиданно принялся рассказывать о себе.

Да, первый раз он ушел в океан на промысловом судне давно, когда был еще совсем парнишкой. Руки у него были крепкие, голова, говорят, тоже варила — и вскоре стал он стрелком тюленей, а потом штурманом. Капитаном начал ходить как раз тогда, когда ему было столько лет, сколько сейчас Нансену. Судовладелец сначала не хотел брать его, находя слишком молодым. Но он, Крефтинг, заметил хозяину, что если нет других препятствий, то молодость — это такой порок, который с годами проходит сам собой. Странно — судовладельца это почему-то убедило.

В первом же рейсе Крефтинг полез в самую гущу льдов, изрядно поцарапал судно, но вернулся с полными трюмами.

Несколько лет ему везло. Но однажды судно сильно потрепало. Открылась такая течь, что команда решила бросить и корабль и добычу, — к чему, мол, торопиться на небо! Капитан не спорил, не уговаривал. Зверобои погрузили свои сундучки и стали садиться в шлюпки, готовые к спуску на воду. Тогда капитан взял топор и принялся рубить поддерживавшие их тросы: раз, мол, команда бросает судно, то ему, капитану, остается только помочь в этом.

Ребята, конечно, повыскакивали обратно на палубу проворнее зайцев: кому охота вместе со шлюпкой с высоты нескольких метров шлепнуться в воду, когда тросы будут перерублены.

— Тут я сказал молодцам: «Бежать вы всегда успеете. Повозимся лучше несколько дней с помпами и, верьте мне, благополучно доползем. Тогда и другим морякам не стыдно будет в глаза смотреть. Сейчас, говорю, трудно, но „когда-нибудь да будет этому конец“, как сказала одна моя знакомая лисица, с

которой охотник не спеша сдирал шкуру. Ребята пошумели, потом пошли к помпам, стали откачивать воду. Мы дотянули до порта. И был же на нашей улице праздник! Каждый славно заработал, а судовладелец нажил целое состояние. Что же из того, что судно текло, как решето? Жизнь — это борьба. Надо рисковать!»

Капитан замолчал и, дымя трубкой, поглядывал на своего собеседника. Тому ничего не оставалось, как отплатить откровенностью за откровенность.

Конечно, сказал Нансен, у него в жизни еще не было настоящих приключении. Это ведь первый его дальний рейс. А до того… И он не знает даже, с чего начать рассказ. Может, с детства?

Крефтинг кивнул.

Тогда пожалуйста. Только это совсем не интересно.

Так вот, он родился и вырос в маленькой усадьбе Стуре-Фрён.

Стуре-Фрён — это возле самой Кристиании, но какой лес начинается там сразу за оградой! А речка Фрогнер! Райское место. Он и его брат Александр не сидели в комнатах ни летом, ни зимой. Коньки, лыжи, ружье, удочки…

— После смерти матери отец продал усадьбу и поселился в Кристиании. Но, поверите ли, я до сих пор помню каждую трещинку на стене нашего старого дома.

Помню и первые свои лыжи, кое-как выструганные из сломанных больших лыж. А мне так хотелось иметь настоящие! Дядя Фабрициус — был у нас такой знакомый, он работал в типографии — пообещал подарить новые. Я ему после этого проходу не давал: «Что же лыжи-то, а?» Мы привыкли верить взрослым, отец и мать никогда нас не обманывали, я и осаждал дядю Фабрициуса. Однажды старшая сестра ка-ак закричит на весь дом: «Фритьоф, тебе посылка!» И смеется: «Из Парижа!» Разрываю оберточную бумагу, а там новехонькие лакированные лыжи, красные с черными полосками. И погонял же я на них!..

А летом! Поспишь часа три в избушке лесника, и задолго до рассвета — к реке. Камни холодные, стоишь босиком, ноги сводит, а тут самый клев форели…

Вольная жизнь в лесу — что может быть лучше! С братом Александром они пропадали там до глубокой осени. Мать, бывало, жалуется: дети совсем отбились от рук. А как усидишь дома, если подошла пора охоты на зайцев! Спишь в шалаше, жуешь одни картофельные лепешки, что напекла на дорогу Марта. Марта Ларсен считалась в доме экономкой, но была как родная… Так вот, доешь ее лепешки и, если ничего не настрелял, сиди на пище святого Антония. Зато уж и аппетит разыгрывается,

когда в какой-нибудь крестьянской избе тебя посадят за стол да угостят горячими ржаными лепешками со свежим молоком!

Крефтинг слушал, но перебивая.

Правда, продолжал студент, кое-кто злословил, что, мол, адвокат Нансен растит дикарей. Но отец только посмеивался. Нет, уж лучше вырасти дикарем, чем паркетным шаркуном, чем быть похожим на всех этих бледных немощных мальчиков, гуляющих под зонтиком за ручку с гувернером! Что смыслят они в жизни среди природы?

— Вы очень верно говорите, — задушевно сказал Крефтинг. — Вот именно так!

Нансен осекся: кажется, он разболтался. И, чего доброго, Крефтинг сочтет его хвастуном: «Я такой, я сякой». Закашлявшись в смущении, он принялся разжигать давно погасшую трубку.

Обломок сибирской сосны

Настало 3 апреля. По закону с этого дня можно было начинать массовый промысел молодых тюленей. Но где они, эти тюлени? Неужели другие зверобои, заблаговременно подойдя к детной залежке, сегодня положили первые сотни шкур в трюмы, в то время как «Викинг» впустую жжет уголь и треплет паруса? Старый Ларсен ворчал с утра до вечера:

— А что я говорил? Бочку — в воскресенье! Скверный рейс, скверный рейс!..

Теперь к его словам прислушивались. Может, Крефтингу в самом деле изменила удача? Настроение у команды было такое, что из-за каждого пустяка дело доходило чуть не до потасовки. И, конечно, это настроение не улучшалось оттого, что «Викинг» то и дело застревал во льдах, а те уносили его все дальше от места, где Крефтинг думал найти залежку.

Нансен иногда спускался на лед, чтобы размять ноги. Сбивая на лету чаек, он пристреливал свое новое ружье.

Как-то с ним пошел Баллон. Они забрели довольно далеко и, когда повернули назад, наткнулись на полыньи: лед успел разредиться. Одна из них темнела широкой полосой.

— Э-э, не беда! — Баллон выбрал небольшую льдину и, опираясь на багор, с которым не расстается настоящий зверобой, легко перескочил на нее. — Прыгайте, господин студент, в мою «лодку».

Нансен прыгнул. Льдина сильно качнулась. Они поплыли, гребя багром. Двоим на льдине было тесно. Нансен неловко повернулся, ноги у него заскользили и…

А позже он увидел сцену своего купания в недурном исполнении Баллона. Собрав на палубе праздных матросов, тот показывал им, как господин студент балансирует на льдине и как потом господин студент с вытаращенными от испуга глазами цепляется за ее края.

— У него была довольно-таки глупая рожа, разрази меня господь! — закончил Баллон под общий хохот.

Конечно, это было обидно и, кроме того, несправедливо: он ведь не испугался, попав в воду, а спокойно выкарабкался на льдину. Ну и враль этот Баллон! Нансен хотел подойти к рулевому и хорошенько отчитать его, но вовремя одумался: что скажут тогда эти парни? Вот, мол, барчук, не тронь его даже словом, разобиделся… Нет, на шутку можно ответить только шуткой. Однако, как на грех, ему ничего не приходило в голову.

А зверобои затеяли новую потеху. Двое парней натянули

фуфайки самым нелепым образом, продев ноги в рукава, набили всякой всячины, чтобы получилось брюхо, приклеили усы и принялись изображать важных господ.

Тот, который был «бургомистром», орал на матросов и совал им в нос кулаки, требуя уплаты податей.

Затем началась игра в «рукошлепки». Один, заложив руки за спину, клал голову на колени другому, а сзади по очереди подходили молодцы и шлепали кто рукой, кто ладонью, а кто и сапогом или старой калошей. Попробуйте-ка угадать ударившего! Зато уж если опознан — прячь голову в колени и получай увесистые шлепки…

Нансен побоялся, что, если он войдет в игру, с ним выкинут какую-нибудь штуку. Даже Баллон за глаза потешался над ним, — что же говорить о других? Крефтинг как-то сказал ему, что Ларсена смолоду разорил судовладелец и с тех пор штурман ненавидит всех, кто, по его мнению, принадлежит к «белой кости». Даже к Крефтпнгу старик относится с недовернем, находя у него барские замашки. Нансена штурман невзлюбил сразу, твердя, что все студенты — безбожники и что посторонний человек на корабле только всем в тягость…

В начале апреля держалась морозная ветреная погода. Нансен, заслышав топот матросских ног по палубе, бросался из каюты, чтобы вместе со всеми ставить паруса, когда льды разрежались и можно было идти по чистой воде. Но куда идти? В том направлении, где на горизонте рисуются мачты каких-то неведомых промысловых судов? Или в противоположную сторону? Нет, лучше к судам. Это «Магдалена», на которой когда-то начинал плавать Крефтинг, и «Язон». Новости? Да никаких новостей. О залежке ничего не слышно. И все три судна идут туда, где мираж заставляет льдины как бы парить в воздухе.

Купание и шутки Баллона не отбили у Нансена охоты к прогулкам, и, когда «Викинг» снова застрял в смерзающемся льде, он спустился за борт, чтобы пострелять чаек.

На одной из льдин студент еще издали заметил что-то серое. Пошел туда. Серое на льдпне оказалось плавником — остатками оббитого волнами, истертого льдами дерева. Такие деревья выносятся в океан реками; иногда на побережье скапливаются целые горы плавника.

Нансен склонился над обломком и принялся его рассматривать. Сосна? Да, пожалуй. Откуда она попала сюда — из Америки? Впрочем, тут и гадать нечего: Крефтинг ведь говорил ему, что к Гренландии часто выносит сибирский лес.

Нансен попытался мысленно представить себе путь обломка сибирской сосны — огромный путь в тысячи километров сквозь

льды океана. Вернее, не сквозь льды, а вместе со льдами!

Вместе? Конечно.

Но не значит ли это, что существует постоянное движение, настоянный дрейф льдов, который начинается в море возле берегов Сибири и продолжается где-то здесь, у берегов Гренландии? Чего доброго, бесформенный кусок плавника побывал куда ближе к полюсу, чем это удавалось до сих пор человеку. Вот бы использовать это движение льдов для какой-нибудь экспедиции…

Наконец-то тюлени!

На палубе шум, оживление: кто точит нож, кто чистит винтовку, кто считает патроны, — наконец-то появились стада тюленей. Все ждут сигнала к «хозу». «Хоз» — это вылазка для добычи зверя.

Нансен впервые видел такое множество тюленей. Издали казалось, что на льдины насыпано что-то черное. Гладкие блестящие головы мелькали в волнах. Косяк за косяком плыл к северу.

Сигнал! Нансен торопливо напяливает жесткий, коробом торчащий парусиновый костюм. На студента не обращают внимания — всем не до него. Только Ларсен, отправлявший людей, ворчливо советует ему остаться на «Викинге» и подождать, пока зверобои вернутся с добычей: «хоз» — дело серьезное; лишний человек на шлюпке — обуза.

Вскрывать тюленей, которых добыли другие? Ну уж нет! И студент, к досаде Ларсена, просится в лодку лучшего стрелка Оле Могеруда. Оле мнется, но отказать неловко. Нансен занимает место гребца.

Шлюпки, лавируя между льдинами, пробираются к лежбищу; каждой указан свой маршрут, чтобы зверобои не мешали друг другу.

Погода тихая, ясная. Издали слышно урчание. В глазах пестрит от черно-белых тюленьих шкур. Лежебоки блаженствуют на солнце. Над льдинами струится, трепещет нагретый их телами воздух.

Оле придирчиво поглядывает на студента. Тот гребет изо всех сил, снял шапку, от волос — пар. Шлюпка подходит к лежбищу. Хотя тюленей и много, но это еще не значит, что они только и стараются попасть на мушку. Тут нужны осторожность и сноровка. Оле поднимает руку: тише! Четверо гребцов и рулевой застывают, чтобы Оле было удобнее стрелять. Слышно, как с весел капает вода. Оле широко расставляет ноги, медленно поднимает ружье. Два выстрела — и два тюленя остаются на месте. Остальные скользят по льду и бултыхаются в воду. Шлюпка подходит к застреленным зверям. Зверобои мигом свежуют туши. Оба тюленя убиты меткими выстрелами в голову.

— А если попадешь в другое место? В туловище, например? — спрашивает студент.

— Парню, который не умеет держать ружье, сподручнее ходить со скрипкой и играть на свадьбах! — высокомерно отвечает Оле. — Лучше совсем промазать, чем попасть в

туловище.

Оле не снисходит до дальнейших разъяснений. Этот парень знает себе цену. Один из гребцов вполголоса говорит Нансену, что, если тюленя не убить сразу, он будет биться, дергаться и распугает все стадо. Ну, а когда голова зверя поникнет мгновенно, остальные иногда остаются лежать возле убитого, обманутые его спокойной неподвижностью.

— Хватит болтать! — обрывает Оле. — Спустите-ка меня на лед.

Оле собирается стрелять тех тюленей, к которым нельзя подойти на шлюпке.

— Можно с вами? — просит Нансен.

Оле сердито хмурится: этого, мол, мне еще недоставало! Потом усмехается:

— Ну что ж… Только, чур, не жаловаться.

Он соскакивает на лед, Нансен — за ним. До ближайшего тороса они бегут пригнувшись, затем Оле ложится и ползет. Студент тоже ползет, но не так легко и ловко. Через четверть часа у него уже болят локти, он весь взмок. Похоже, что Оле нарочно старается измотать его. Оле бегает, ползает, стреляет: уже шесть туш неподвижно лежат на льдинах.

— Не мешало бы вам научиться свежевать зверей, если вы хотите ходить в «хоз», — говорит Оле.

Нансен пробует, но у него не получается. Серый брезентовый костюм покрывается пятнами крови и жира.

— Эх!.. — В голосе Оле столько презрения… Он берет нож, делает один надрез во всю длину туловища, потом другой — вокруг головы, еще несколько надрезов — и снимает шкуру с подкожным жиром, словно перчатку. Тушу Оле оставляет чайкам, которые тотчас слетаются отовсюду и с яростными криками начинают пир.

Справа, слева гремят выстрелы — это действуют стрелки с других шлюпок. Потом стрельба стихает: должно быть, почти все тюлени ушли в воду. На мачте «Викинга» поднимается сигнальный флаг: капитан приказывает шлюпкам возвращаться.

«Хоз» длился несколько часов. С непривычки все устали. Судно погружается в сон. Храп сотрясает переборки кубрика. Нансен тоже растягивается на койке, несколько минут лежит в блаженной истоме, потом заставляет себя подняться.

Нет, он не будет спать! Он не имеет права спать. Нужно измерить зверей, поднятых на борт неосвежеванными. Надо вскрыть их желудки. У каждого на судне свое дело: он не вправе забывать о том, зачем его послали в рейс. И студент одевается, идет на опустевшую палубу. Сначала зарисовывает, потом измеряет туши. Делает все тщательно, не спеша.

«Викинг» лежит в дрейфе: прекрасный случай заодно измерить температуру глубинных вод. И, хотя глаза его слипаются, хотя белая ночь давно дремлет над океаном в зареве пылающего за горизонтом солнца, он терпеливо опускает прибор, следя за убегающим в глубину тонким пеньковым линем, снова вытаскивает, снова опускает…

Зато, когда все кончено, он возвращается в каюту гордый и удовлетворенный.

Так вот где залежка!

Все, кто ходил в тот год на «Викинге», хорошо запомнили 25 апреля.

С утра сквозь туман и снег дозорный заметил вдруг мачты нескольких судов, по-видимому лежащих в дрейфе. «Викинг» повернул к ближайшему. Что такое? Этот парусник сидит так глубоко в воде, точно его забпля шкурами по самую палубу! Парусник опознан: это «Кап-Норд». А дальше — «Вега», «Новая Земля», «Хекла» — вся компания, оставшаяся во льдах, после того как «Викинг», раскачанный командами других судов, вырвался к чистой воде.

— Милые люди, куда же это вы запропастились? — кричит с кормы толстенький капитан «Кап-Норда». — А мы тут без вас славно обработали залежку…

Крефтпнг побелел. Его усы как-то обвисли, обмякли. А безжалостный капитан «Кап-Норда» продолжал:

— Мы взяли шесть тысяч шкур, «Хекла» — двенадцать тысяч, «Альберт» — четырнадцать.

Четырнадцать тысяч! С такой добычей не возвращался еще ни один норвежский парусник.

— Где же она была, эта залежка?

— Да там, где вы и предполагали, Крефтпнг. Всего в нескольких милях к западу от нашей стоянки. Зря вы тогда ушли, зря!..

На Крефтинга жалко смотреть. Он ведь угадал, чутье не обмануло его, однако он рассчитывал, что к залежке можно будет пробиться с другой стороны. Когда остальные суда, тоже пошедшие за «Викингом», застряли во льдах, в этом было счастье их команд. Девять дней спустя льды неожиданно разредились, и промысловики мигом добрались до близкой залежки. Такова судьба зверобоя: недуй ветер с другой стороны, и вся флотилия так и сидела бы в еще более сплотившихся льдах, а «Викинг» взял бы славную добычу.

Нансен думал, что зверобои ополчатся на своего неудачливого капитана. Но странное дело: хотя у всех были такие физиономии, будто на судне покойник, никто не упрекнул Крефтинга ни единым словом. Напротив, никогда еще его распоряжения не выполнялись так быстро, с такой готовностью; у этих грубоватых парней оказалось куда больше душевного тепла и чуткости, чем предполагал Нансен.

Капитан «Викинга» был слеплен не из того теста, которое быстро прокисает. Время еще не ушло, и, хотя на богатую добычу

рассчитывать уже не приходилось, кое-что можно было наверстать, охотясь за тюленьим молодняком.

«Викинг» вошел во льды. Крефтинг дневал и ночевал в дозорной бочке.

Найдя тюленей, он сам повел первую шлюпку, посадив за руль Баллона, а на весла — Нансена и еще троих молодцов. Им пришлось здорово поработать в свежем ломком льду, треск которого вспугивал тюленей.

Наконец капитан приложил приклад к щеке. Нансен смерил взглядом расстояние — слишком далеко. Но тюлень после выстрела остался на месте. Второй — тоже. Пожалуй, Крефтинг стрелял не хуже Оле Могеруда. Баллон сопровождал каждый выстрел шуткой, стараясь развеселить капитана.

— А ну попробуйте! — предложил капитан Фритьофу, когда шлюпке удалось довольно близко подойти к льдине с нежащимися тюленями.

У студента учащенно забилось сердце. Наконец-то! К ружью его приучали с детства. Теперь он покажет, на что способен…

Что такое? Тюлень соскользнул в воду.

— Этот от дополнительной пульки не отказался бы! — с плутовским видом заметил Баллон.

Нансен тщательно прицелился во второго. Но и он после выстрела бултыхнулся в полынью.

— Ишь ты, скалит зубы, посмеивается! — притворно вздохнул Баллон.

…Несколько следующих дней никто уже не предлагал студенту пробовать силы, хотя он, садясь на весла, каждый раз прятал вод скамейку свой охотничий штуцер. И лишь стрельба в цель, затеянная Оле Могерудом, позволила Нансену поднять себя в глазах зверобоев настолько, что, когда 13 мая капитан впервые разрешил ему занять на одной из шлюпок место заболевшего стрелка, запротестовал только старый Ларсен. Он сказал, что Крефтинг слишком потакает пассажиру, своему любимчику. У господина студента, наверное, водятся денежки в кармане, промысел его не кормит, и он может мазать по тюленям. Но почему из-за плохой стрельбы этого молодчика должны страдать другие?

Уходя в каюту, старик попросил, чтобы его разбудили, когда шлюпки будут возвращаться. После подъема сигнального флага он, сонный и недовольный, вылез на палубу. Подошла шлюпка Оле Могеруда. Девять тюленей. Гм, не густо. Карл Андерсен добыл шесть. А-а, вот наконец и шлюпка господина студента…

— Тринадцать! — прокричал Баллон.

Старик остолбенел. Этот шут гороховый Баллон, наверное,

врет. Ларсен сам пересчитал шкуры, когда их сваливали на палубу. Тринадцать! Тут что-то нечисто. Не иначе, как этому безбожнику студенту известно какое-то заветное слово, наговор…

Оле сказал, что Нансену повезло случайно; так бывает и при игре в карты, когда новичок неожиданно обыгрывает опытных игроков.

Закрепить удачу Нансену не довелось: тюлени снова исчезли, и студент принялся за измерения температуры воды — совмещать их с охотой ему удавалось, увы, не часто.

В часы вынужденного безделья зверобои обычно толпились на камбузе, выдумывая себе всякие немыслимые блюда. Обжорство не доводило до добра, и многие шли потом к капитану с жалобой на «боль в груди». Капитан посылал их ко всем чертям. Это средство, как видно, помогало; по всяком случае, повторных больных на приеме у капитана не было…

Кроме упражнений в искусстве кулинарии, «рукошлепок» и ловли прожорливых буревестников на крючок с куском тюленьего сала, зверобои развлекались игрой в «лисий капкан». В других странах эта игра называется иначе, но, конечно, всюду знают ее. Двое ложатся на пол рядом, головами в разные стороны. Сцепляются правыми руками, а затем, поднимая правую ногу, стараются зацепить поднятую ногу противника и перекувырнуть его.

Так вот, когда на палубе «Викинга» стали играть в «лисий капкан», Нансен неожиданно для всех перевернул самых сильных парней.

Капитан долго смотрел на потеху, смеялся, а потом не выдержал и сказал, что тоже хочет помериться ловкостью с Нансеном.

Нога конькобежца и лыжника оказалась сильнее ноги моряка. Секунда — и капитан покатился но палубе.

— Э-э, неправильно! — сказал он, поднявшись, отряхнув пыль и расправив усы. — Вы поторопились. Я не успел собраться с силами.

Они сцепились снова. Что за наваждение — сколько ни тужился Нансен, капитан прирос к палубе, будто его налили свинцом! Матросы гоготали во всю глотку.

Капитан-то, оказывается, незаметно зацепился другой ногой за скобу в палубе. Нансен мог бы перекувырнуть его, разве только разорвав пополам.

Стрелок большой лодки

Последние дни мая.

Для охоты на крупных тюленей-хохлачей Крефтинг привел «Викинга» в воды Датского пролива, разделяющего Исландию и Гренландию. Капитан считался одним из лучших знатоков этого промысла и надеялся, что тут дела пойдут у него успешнее, чем с поисками детной залежки.

Вдоль окованного края «вороньего гнезда» медленно описывают круг подзорная труба и пушистые усы. Стоп! Труба застыла в одном положении: значит, капитан увидел сверху что-то заслуживающее внимания. А это «что-то» могло быть только хохлачами.

Так и есть — из бочки послышались частые удары колокола. Это сигнал в машину: полный ход.

Зверобои, с самым живым интересом следившие за капитанской трубой, готовятся к «хозу». Вся команда — на палубе.

…Если бы адвокат Бальдур Нансен оказался в эти минуты на судне и попытался найти сына, это удалось бы ему далеко не сразу. Он искал бы знакомый серый сюртучок Фрптьофа где-нибудь в стороне от буйной толпы: ведь его Фритьофу, который готовит себя к карьере ученого, важнее всего спокойное, углубленное раздумье над книгой и дневником наблюдений.

Но каково было бы Бальдуру Нансену опознать сына в здоровенном детине, одетом в перепачканную, как у мясника, одежду зверобоя! Каково было бы ему узнать, что его Фритьоф вместо усиленных занятии зоологией постигает тайны промысла на тюленей и преуспел в этом настолько, что теперь назначен стрелком одной из больших шлюпок с «Викинга»! Даже сам Оле Могеруд перестал относиться к нему с презрением…

А «Викинг» на всех парах несется туда, где капитан заметил хохлачей. Крефтинг ловко гонит судно в узкие проходы между льдинами. Он то и дело кричит сверху мокрым от пота рулевым:

— Лево руля! Так держать! Круче! Еще круче! Отдай!

Хохлач — один из самых крупных тюленей Севера. Промышлять его куда труднее, чем гренландского тюленя-увальня. Хохлач облюбовывает тяжелые льды, малопроходимые для судна. Он великолепно плавает и еще лучше ныряет. На своих врагов сильный хохлач-самец в воде нападает первым. Хохлачом или колпачником зверобои прозвали его потому, что у этой породы тюленя на голове похожий на колпак кожаный хохол, который, раздуваясь, придает зверю странный воинственный вид.

Сигнал!

Шлюпки быстро спущены на воду. Зверобои болтают, перебрасываются шутками, гребут шумно, ничуть не боясь вспугнуть хохлачей. К гренландскому тюленю нужно подползать, сливаясь с торосом; на хохлача же можно идтл открыто. Пусть он издали заметит шлюпку. Так лучше. Внезапность ее появления может напугать зверя; приближающийся же издалека незнакомый предмет уже не кажется ему страшным.

Нансен ведет шлюпку к льдине, на которой лежал матерый зверь. Время от времени приподнимая голову, хохлач таращит на людей глаза, потом косится на воду: ладно, мол, еще успею нырнуть, торопиться особенно некуда. Шлюпка все ближе. Зверь на всякий случай пододвигается к краю льдины. Нансен кивает головой — и гребцы дружно рявкают. Казалось бы, хохлач должен испугаться и немедленно уйти в воду. Но нет, этот сильный зверь лишь удивлен: звук для него нов и незнаком. Пока хохлач прислушивается, гребцы не жалеют сил, чтобы подогнать лодку как можно ближе к нему. Зверь готовится нырнуть. Рев гребцов — дикий, протяжный, жуткий — удерживает его еще на несколько секунд, нужных Нансену для того, чтобы прицелиться.

— А-а, шут в колпаке, прилег отдохнуть! — радостно кричит Баллон и соскакивает на льдину свежевать добычу.

Но тут раненый тюлень дергается, собирает последние силы — и бултых в воду!

На дальней льдине замечен еще хохлач. Он лежит спокойно, тихо. Нансен прицеливается, но медлит спустить курок: уж очень странный тюлень…

— Ребята, — вскрикивает, давясь смехом, Баллон, — да ведь это уже освежеванная туша!

Вот был бы конфуз, если бы Нансен влепил в нее пулю! Зато с каким удовольствием несколько дней спустя со шлюпки наблюдали, как Улавес, один из опытных охотников, долго крался на цыпочках к убитому Нансеном, но еще не освежеванному тюленю, потом сделал скачок, которому позавидовал бы тигр, и вонзил багор в неподвижную тушу…

Во второй половине нюня люди работали почти без отдыха. Как-то шлюпка Нансена вернулась на корабль лишь в четыре часа утра, а в шесть снова раздался свисток к «хозу». Красные, воспаленные глаза зверобоев слезились, им некогда было даже умываться. Охотничий азарт захватил всех.

— Сколько? — кричал еще издали Оле Могеруд, когда зверобои возвращались к судну.

— Двадцать девять! — с торжеством отвечал Баллон, неизменный рулевой на шлюпке Нансена. — А у тебя?

— Тридцать четыре! — И Оле успокаивался до следующего «хоза». Крепко наседал на него этот Нансен.

Подробности каждой охоты обсуждались за едой. Ели наспех, всухомятку. После утомительного дня Фритьофу казалось, что он никогда не пробовал ничего вкуснее ржаных галет с салом.

— Слушай-ка, Нансен! — кричал Баллон, набивая рот. — Ты все-таки скажи, за что рассердился на тебя тот колпачник? Он бы цапнул тебя, да промахнулся. Укусил, понимаешь, край шлюпки. А какой прыжок сделал, фу-ты ну-ты! Как акробат на ярмарке.

— А как ты после купания? Не хочешь повторить?

Днем Баллон в пылу азарта вывалился из шлюпки в воду и, булькая, кричал: «Чего засуетились! Надо мной не каплет, а над вами и подавно». Умора с этим Баллоном!

— Да, глотнул водички. Спасибо, напомнил — надо разбавить ее пивом… Дай-ка, Нансен, бочоночек!

Баллон припадал к пиву и тянул из бочонка до тех пор, пока другие не отнимали.

Славные были дни! И Нансен чувствовал бы себя совершенно счастливым, если бы… Если бы кто-то другой вел за него наблюдения или если бы в сутках было часов тридцать, не меньше. Как объяснить профессору, составившему для него инструкцию, что она не выполнялась по вине капитана Крефтинга, который, когда есть хохлачи, не дает людям спать по трое суток подряд! Поймет ли профессор, как трудно размышлять над движением льдов, если гребцы в твоей лодке засыпают на веслах, а сам ты устал до такой степени, что отупело целишь багром в попавшего в полынью матроса, как в тюленя! И разве

усидишь в каюте за дневником, когда Оле вчера добыл на двенадцать хохлачей больше и в твоей голове одна мысль — как обогнать этого Оле!

Правда, когда не было хохлачей и зверобои отдыхали, инструкция профессора, заложенная между страницами дневника, час-другой изучалась весьма прилежно. Но потом что-нибудь случалось — например, появлялись акулы.

Прожорливые твари рыскали в полыньях вокруг судна; как-то акула отхватила своими страшными зубами кусок толстой шкуры хохлача, которую зверобои буксировали за шлюпкой к «Викингу».

Нансен наловчился убивать акул ударом багра в голову. Их вытаскивали на лед, вспарывали брюхо и вынимали самое ценное — печень. Студент находил оправдание этой охоте и с точки зрения натуралиста: попутно он заглядывал в акульи желудки. Чего только там не было — клочья тюленьего мяса, скаты, треска, камбала, куски жира, вырванного акулой из тела спящего кита!

Привлеченные запахом тюленьей крови, акулы иногда неподвижно стояли в воде у борта, будто дожидаясь, когда в них вонзят багор. Энергичный Нансен не заставлял хищниц ждать этого слишком долго…

За белым бродягой

В конце июня «Викинга» зажали крепкие ледовые тиски. Сколько ни смотрел капитан из бочки — всюду торосились льды. Это, конечно, уменьшало надежды на дальнейший промысел. Но Нансен в душе ликовал: теперь-то уж наверняка исполнится его заветная мечта — убить хотя бы одного белого медведя. Не может быть, чтобы тут не шлялись эти бродяги.

Об охоте на белого медведя студент мечтал так страстно, что частенько видел себя во сне всаживающим пулю прямо в сердце зверя. Ему как раз снился этот сладкий сон, когда медведь вдруг заговорил человеческим голосом: «Скорее! Не мешкайте!»

— Скорее! Медведь!

Открыв глаза, Нансен видит склонившегося к койке второго штурмана Орана.

Одеться было делом минуты. Фрнтьоф вылетает на палубу.

Так вот он, белый великан! Нансен, сжимая ружье, пожирает зверя глазами. Ну, держись!

И вдруг зверобой Ханс, этот несносный Ханс, стреляет в медведя. В «его» медведя! Все пропало — зверь, конечно, убежит! Нет, он спокойно шагает, но обращая внимания на такой пустяк, как свист пулы.

Нансен вихрем слетает на лед. Медведь замечает его и взбирается на торос, чтобы получше разглядеть странного двуногого тюленя.

Пуля попадает зверю в грудь. Медведь падает навзничь, но тут же вскакивает и бежит. Еще выстрел! Еще…

Подоспевшие матросы поздравляют счастливо и глуповато улыбающегося охотника с первой удачей.

Ну что ж, тут есть с чем поздравлять. Белый медведь — сильный и опасный зверь. Раньше против него отваживались выходить только хорошо вооруженные отряды. Одна из первых голландских экспедиций снарядила для охоты за зверем две лодки, битком набитые охотниками с ружьями, алебардами и секирами, причем медведю был дан настоящий морской бой по всем правилам стратегии и тактики, длившийся два часа.

Конечно, первые исследователи Севера сильно преувеличивали свирепость зверя, а главное — тогда еще не знали разрывных нуль.

Белый медведь — отчаянный бродяга. В поисках пищи он проходит по дрейфующим льдам сотни километров. Зверь проворен, неутомим. В беге по неровному льду он не знает соперников. Медведь охотится на тюленей, предпочитая взрослым

их детенышей — бельков. Его добычей может стать маленький китенок. Если ему удается накрыть в гнезде птицу, он проглатывает ее вместе с перьями. Птичьи яйца? Отлично!.. Не минует медвежьих лап и рыба на мелком месте. Если зазевается олень, медведь тут как тут. Щавель, морские водоросли, черника, голубика и, на худой конец, даже обычная трава тундры дополняют медвежье меню.

На охоте белый медведь терпелив, настойчив и быстр. Он умеет затаиться среди льдин и, как утверждают некоторые охотники, настолько хитер, что закрывает лапой нос — единственное черное пятно, которое может его выдать.

Нансен, прочтя много книг о белых медведях, теперь сам смог познакомиться с их повадками. Его наставником в охотничьих вылазках вокруг застрявшего во льдах «Викинга» был капитан Крефтинг. Он-то и придумал несколько приемов охоты — опасных, но зато сулящих почти верный успех.

Крефтинг говорил, что у белого медведя нет в Арктике сильных врагов, за исключением, пожалуй, моржа. Поэтому, завидев или почуяв человека, медведь думает о нем прежде всего как о вкусном завтраке. И пусть себе думает — не стоит до поры до времени разрушать его приятное заблуждение. Тогда охота будет взаимно острой: обе стороны до развязки сохранят уверенность, что жертвой падет противоположная.

Как только из дозорной бочки «Викинга» замечали вдалеке медведя, Нансен и Крефтинг, взяв по компасу направление, чтобы не сбиться с пути среди торосов, спускались на лед. Обычно за ними поспешал и Баллон.

Лучше идти так, чтобы ветер дул в сторону медведя и доносил до него незнакомый, но такой соблазнительный запах человека. Медведь спешит на этот запах, соблюдая, однако, осторожность. Охотники, оглядываясь по сторонам, продвигаются вперед все медленнее.

Ага, вот он!

Из-за тороса высовывается сначала черный пос, затем башка размером с чемодан средней величины. Охотники бросаются ничком на лед: так они несколько напоминают тюленей, и медведь вряд ли испугается их. Хорошо, если в этом месте лед не подтаял на солнце. Но если пришлось валиться прямо в лужу — терпи!

Теперь начинается самое интересное. Медведь поводит носом, фыркает, плотоядно глядя на «тюленей». Но его смущает открытое место. Пожалуй, пока будешь подбираться к этим лежебокам, они почуют опасность и соскользнут в воду. Башка исчезает.

Тут надо глядеть в оба. Бродяга хитрит, он выбирает местечко, откуда удобнее всего напасть на жертву. Но куда же он все-таки исчез?

Погодите-ка, что это за темное пятнышко появилось в полынье? Так и есть — сверкнул глазами из воды и тотчас скрылся. Медведь — хороший пловец, и, наверное, ему не понадобится много времени, чтобы подобраться к льдине с другой стороны.

Несколько минут напряженного ожидания — и морда показывается из-за ближайшего тороса. Медведь как бы в раздумье. Нет, опять не то — до «тюленей» слишком далеко.

Зверь скрывается снова — и надолго. Неужели совсем ушел? Тсс! Он, оказывается, уже сзади. Присматривается, принюхивается, потом выдвигается из-за тороса всей тушей с таким видом, будто ничто на свете его не интересует. Медленно переваливаясь, он отчаянно зевает.

— Покойной ночи, папаша! — не удерживается Баллон.

Капитан фыркает в усы, но свирепо смотрит на шутника. Медведь вразвалку идет прямо на охотников, как бы вовсе их не замечая. Но глазки его горят. Все ближе, ближе… Сжался, присел, чтобы прыгнуть на странно неподвижные туши. Если ружье даст осечку, то…

Выстрел! Зверь впивается зубами в рану, чтобы загрызть маленькое неведомое существо, которое жалит так больно. Он падает, вскакивает, бежит, но пули догоняют его…

Пока «Викинга» несло вместе со льдами к Гренландии, десятки огромных желтоватых медвежьих шкур были свалены в его трюм.

После одной охоты зверобои окончательно признали Нансена своим.

К «Викингу» подошел здоровенный медведь. Корабль ому не понравился: кусочек не по зубам. Постояв немного, зверь, оказавшийся осторожнее и умнее своих сородичей, затрусил прочь.

Нансен, боясь упустить добычу, побежал за ним налегке, без куртки. Свитер, полотняные брюки и сандалии — одеяние, не совсем обычное для Арктики; но зато оно не стало намного тяжелее после того, как охотник, поскользнувшись при прыжке, плюхнулся в воду. Выкарабкавшись, подобрав отброшенное на лед ружье, студент отряхнулся и, не теряя времени на выжимание одежды, принялся искать куда-то скрывшегося медведя.

Они едва не столкнулись, человек и зверь, притаившийся за торосом. Медведь оказался проворнее: Нансен выстрелил уже вдогонку погружавшейся в полынью туше.

Где зверь вынырнет? Скорее всего, у противоположного края полыньи. Надо перебраться туда. Вон как раз две маленькие льдины.

Сильно разбежавшись, Нансен перескочил на первую. Он качался, стараясь удержать равновесие, когда раненый медведь внезапно вынырнул рядом. Раскрыв пасть, он яростно вцепился лапами в край льдины.

Крефтинг, который бежал следом за Нансеном, видел все это издали. Он вскинул было ружье, но тотчас со стоном опустил его: ноги Нансена загораживали медвежью голову. Сейчас зверь сбросит человека со льдины, удар могучей лапы, вода, окрашенная кровью…

Если бы Нансен растерялся или замешкался, его жизнь оборвалась бы в следующие секунды. Но, качаясь на шаткой льдине, он успел прицелиться и выстрелил прямо в грудь приподнявшегося из воды зверя.

А потом, возвращаясь на судно, этот неистовый охотник встретил еще двух медведей и, как был, весь мокрый, погнался за ними. Одного он уложил пулей в голову, второго ранил.

Раненый, не дожидаясь новой пули, пустился со всех ног. Нансен — за ним. Медведь — в полынью. Нансен секунду помедлил, а потом тоже прыгнул туда и, загребая одной рукой, поплыл, держа ружье над водой.

Со льдины на льдину, из полыньи в полынью медведь и охотник уходили все дальше от корабля, команда которого облепила мачты: подобной охоты никто из зверобоев еще никогда не видел.

— Он с ума сошел, этот щенок! — негодовал Лар-сен. — У него подмокнут все патроны.

А у Нансена был один-едиственный патрон. Нагнав медведя, он послал ему пулю в голову. Случись осечка, охотнику оставалось бы только пустить в ход либо приклад, либо перочинный ножик.

На «Викинге» несколько дней только и говорили об этой погоне. Крефтинг немного поругал студента за легкомыслие, но остальные были другого мнения. Ай да Нансен, вот так Нансен! Плавает и ныряет не хуже медведя!

В опасных водах

Если медведи не появлялись, Нансен поднимался в «воронье гнездо» и подолгу смотрел на далекий берег Гренландии. «Викинга» несло вдоль неисследованного восточного побережья этого гигантского острова. В лучах солнца сияли его снежные горные вершины. Пояс густых движущихся льдов, среди которых виднелось несколько довольно крупных айсбергов, казалось, охранял подступы к острову, преграждая путь кораблям.

С каждым днем гренландское побережье все приближалось: «Викинга» несло туда, где синеватые ледники обрывались в море.

Прильнув к подзорной трубе, Нансен видел, как над горными цепями полярный мираж колыхал их опрокинутые отражения, похожие на дым вулканов. Ночью горизонт пламенел расплавленным золотом и пурпуром, и тогда остров казался непонятной, сказочной страной.

Но действительно ли непреодолим движущийся ледяной пояс, мешающий высадке на восточное побережье? Неужели горстка смельчаков, выносливых, неприхотливых, не сумела бы пробиться через него, чтобы, поднявшись на ледники, узнать наконец, что скрывается за горными цепями, в центре Гренландии?

Нансен поделился своими мыслями с капитаном.

— Опасные воды, — покачал головой Крефтинг. — Очень опасные! Возле этого восточного побережья однажды раздавило шесть промысловых судов. Говорили, что тогда погибло человек триста, если не больше. Только не напоминайте об этом ребятам. Скажу вам откровенно — не нравится мне наш дрейф, сильно не нравится. Как бы не затянулся он…

Нансен подумал, что в такой задержке лично для него но будет ничего дурного. Оказавшись в гуще полярной жизни, он незаметно свыкся с ней, она стала частицей его «я». Да, это и есть настоящая жизнь — грубоватая, простая, трудная, полная борьбы.

Вчера к нему подошли трое парней и дали свои адреса на случай, если на будущий год он снова пойдет в океан: они, оказывается, не прочь занять места гребцов в той шлюпке, на которую его назначат стрелком.

Он поблагодарил их, но сказал, что вряд ли сможет снова отправиться на промысел: ему надо учиться, много учиться… Один из парней почесал в затылке и произнес в раздумье, что ребята на корабле так и не могут понять, чему учится Нансен и чем он, собственно, занимается в свободные от охоты часы. Они видят, как он что-то пишет, измеряет, рисует, а то вскрывает

зверей — одним словом, тратит время на занятия совершенно никчемные. Или, может быть, прав судовой плотник, который смотрел, смотрел, как Нансен резал тюленьи желудки и кишки, да и заявил потом в кубрике:

— Я вам скажу, кем он будет, этот Нансен: скотским доктором! Уж больно ловко он, хе-хе, кромсает зверей!

Нансен посмеялся вместе с парнями, а потом хандрил весь вечер. Рейс скоро кончится, и он вернется к своим обычным занятиям. Вряд ли профессор Коллет будет удовлетворен. Наблюдений сделано немало, есть кое-какие интересные мысли о льдах, течениях, повадках тюленей, но все это разрозненно, отрывочно. Один день удавалось горы свернуть, зато потом несколько дней в дневнике не отмечалось ничего, кроме количества добытых тюленей или акул.

Когда в первой половине июля «Викинга» принесло к печально знаменитой Бухте Ужаса, где двенадцать лет назад закончила многомесячное плавание на льдине несчастная команда раздавленного судна «Ганза», Нансен не испытывал ни малейшей тревоги. От мысли, что команда «Викинга» тоже может потерпеть кораблекрушение, его сердце не сжималось, нет! Команда доберется по льдинам до берега Гренландии и станет там жить колонией полярных робинзонов. Тогда-то можно будет попытать счастья и проникнуть в глубь острова.

Эта мысль так захватила его, что он даже попросил у Крефтинга разрешения сделать небольшую разведку. Сейчас «Викинг» как раз недалеко от берега, и если взять шлюпку, то…

— Что за странные мысли приходят вам в голову! — оборвал его капитан. — Эх, молодость!..

— Да ведь, право, за несколько часов можно добраться до того вон мыса. Тут совсем близко.

— А если туман? А вдруг шлюпку затрет льдами или, еще хуже, раздавит? Наконец, к лицу ли вам это мальчишество?

Сколько ни упрашивал Нансен, Крефтинг был непреклонен, а под конец рассердился и буркнул что-то о фокусах «сухопутных крыс». Разве льды — игрушка? Потомок моряка должен был бы уже разбираться в этом. Сейчас они кажутся проходимыми, а через час все переменится.

И ведь прав оказался капитан Крефтинг. В ночь на 16 июля подул слабый ветер и сплотил ледовый пояс у берега до полнейшей непроходимости. Но этот же ветер разредил льды вокруг «Викинга», и корабль, на котором поговаривали уже о зимовке, неожиданно оказался на свободе.

Куда же теперь? Промышлять хохлача, пожалуй, ужо было поздно. Но капитан для очистки совести повел «Викинга» вдоль

кромки льдов. Хоть бы один зверь! Все мертво и пусто. А тут как раз подул ветер с норд-оста и разрешил последние сомнения: он готов был нести «Викинга» на всех парусах к берегам Норвегии.

Ну и покуролесили же зверобои, очутившись снова в бухте Арендаля! Полиция сбилась с ног, утихомиривая их, но потом поспешно отступила перед превосходящими силами противника. Дыша в лицо полицмейстеру винным перегаром, один из зверобоев доверительно говорил ему:

— Слушай-ка, полицмейстер, что я тебе скажу. Я видел, как Нансен в Ледовитом океане гонялся за белым медведем. Здорово мчался, а все же не угнаться бы ему за твоими полицейскими.

Высказав это, парень заорал:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен…

Друзья подхватили:

Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла,
Тра-ла-ла-ла, охой!

На следующий день Нансен распрощался со зверобоями. Ребята пошли его провожать и звали снова на промысел в океан. Теперь-то они уже но упустят детную залежку!

По дороге в Кристианию Нансену взгрустнулось. Что-то хорошее осталось позади. И кто знает, повторится ли оно когда-нибудь…

ГОДЫ ТЕРПЕНИЯ

Дождливый Берген

Пароход приближался к Бергену.

Фритьоф Нансен стоял на палубе. Темные береговые скалы блестели от дождя. Он накрапывал давно, не переставая и не усиливаясь. Вода, кишевшая студенистыми медузами, пузырилась.

— Впервые в Берген, молодой человек? — К Нансену подошел пожилой румяный господин. — Славная погодка!

Господин сказал это без малейшей иронии. Нансен вежливо заметил, что, пожалуй, несколько сыровато.

— Мы, бергенцы, не избалованы солнцем, — возразил господин. — Позвольте рассказать вам небольшую историю.

Один голландский капитан семь лет подряд плавал между Амстердамом и Бергеном и всегда заставал в нашей гавани дождь или туман. На восьмой год ему повезло: однажды он увидел Берген при солнечном свете. И, представьте, капитан не узнал города! Он принялся бранить лоцмана за то, что тот заблудился и привел корабль совсем не туда, куда нужно… — Господин весело рассмеялся, потом спросил: — Так вы в Берген надолго?

— Не знаю еще… Наверное, не на один год.

Фритьоф рассказал, что он получил приглашение занять пост консерватора, или, говоря другими словами, лаборанта Бергенского музея; однако у него нет уверенности, что эта должность будет ему по силам.

— Так, так… Если у вас нет в Бергене знакомых и родственников, можете поселиться у меня. Вам всякий покажет мой дом — спросите пастора Вильгельма Холд-та… Ну, пойду укладываться. До свидания.

Вот уж не подумал бы Нансен, что его собеседник — духовного звания!

Когда пароход причалил у бергенской набережной, дождь разошелся вовсю. Нансен прикрыл плащом деревянный ящик с микроскопом — отец подарил ему эту дорогую вещь перед отъездом — и, перепрыгивая через лужи, побежал к гостинице. Странно — на улицах этого города пахло так же, как на «Викинге»!

Гостиница оказалась маленькой, скверной и дорогой.

Развесив куртку на спинке стула, Фритьоф достал из кармана намокшую телеграмму: «Нансен должен прибыть немедленно. Даниельсен». Нельзя же, однако, пойти к директору музея в таком виде!

Когда ранним утром Фритьоф перешагнул порог музейного

дома, швейцар сказал с упреком:

— Господин профессор давно ожидает вас.

Фритьоф покосился на стоявший возле лестницы самострел чудовищных размеров, как видно смастеренный рыбаками для охоты на китов, и прошел в кабинет.

В кресле, за полированным рабочим столом, сидел старик в черной профессорской шапочке. Он что-то быстро писал, н длинная белоснежная борода его касалась стола.

— Господин Нансен, мой друг профессор Коллет, рекомендуя вас на должность консерватора этого музея, забыл предупредить меня, что вы склонны опаздывать, — холодно сказал старик. — Пароход из Кристиании пришел вчера. Я ждал вас весь вечер. Готовы вы, по крайней мере, приступить к делу немедленно?..

Фритьоф вышел из кабинета с пылающими щеками. Нельзя сказать, чтобы начало было удачным. Профессор, конечно, сердится на него за то, что он посмел просить об отдыхе после плавания на «Викинге», а не помчался тотчас в Берген. Шутка ли, ему, студенту без диплома, предложили идти лаборантом к самому Даниельсену, чтобы заниматься научной работой, а он…

Швейцар проводил Фритьофа в рабочую комнату музейного консерватора. У окна стоял деревянный некрашеный стол с бурыми пятнами от пролитых кислот, заставленный деревянными подставками для пробирок и стеклянными банками с заспиртованными рыбами. Острый ланцет, поблескивающий на столе, — вот отныне оружие бывшего «великого охотника на белых медведей»…

Профессор Даниельсен сразу же надавал новому консерватору множество поручений. Директор музея не терпел лентяев. Сын часовщика, ставший доктором медицины, крупным зоологом, почетным членом нескольких научных обществ, он умел и любил работать и такого же умения и любви требовал от окружающих.

Каждое утро Фритьоф рассказывал старику, что именно он успел и чего не успел выполнить из порученных ему дел. Чем меньше оставалось «не успел», тем заметнее добрел профессор. В конце второй недели Даниельсен спросил у Нансена:

— Вы еще не были на Флойене? Как, даже не знаете, что это такое? Гора, сударь мой, вон та гора, что видна из окна. Отправляйтесь туда. Сегодня чудесное утро… Нет, нет, в воскресенье может быть дождь, отправляйтесь сейчас же!

Дорога поднималась зигзагами. Башмаки скользили по мокрым от ночного дождя камням. Серые облака клубились над горами. Залив внизу был забит рыбацкими парусниками. Одни приходили с уловом, другие уходили в море, скользя по сине-

серой воде. Склон возле дороги зеленел садами; на других склонах росли лишь пучки жесткой травы.

Старая часть города с узенькими щелями улиц жалась к заливу. Из-за черепичных красных крыш, омытых дождями, выглядывали корабельные мачты.

Нансен прошел по каменистой дороге к старинной деревянной церкви, похожей на башню. Крутые ярусы крыши были покрыты как бы коричневой деревянной чешуей: наверное, церковь строили когда-то рыбаки. С коньков торчали во все стороны головы сказочных змеев; норвежские викинги украшали такими же свои корабли.

Пока он шел к развалинам древнего замка Хокона, тучи сгустились и хлынул холодный дождь.

Нансен побежал вниз. Пешеходов на дороге не было видно — одни черные зонтики…

Он бежал, вдыхая пахнущий водорослями сырой воздух, — и такими желанными, такими недостижимо далекими казались ему солнечная полянка в лесу под Кристианией, горячие камни знакомого пригорка, где в летний полдень так крепок аромат сосновой хвои.

Над микроскопом

Провожая сына в Берген, старый Бальдур Нансен вручил ему конверт:

— Здесь семьсот крон. Мне не нужны эти деньги, но я хочу, чтобы ты жил только своим трудом. И ты вышлешь мне всё обратно, как только заработаешь. И еще: ты ведь у меня честный мальчик, пиши мне правду, одну правду.

Но, получая теперь письма от сына, Бальдур Нансен не мог подавить сомнений. Фритьоф писал, что превратился в «заправского домашнего поросенка» и по двенадцать часов в день горбит спину над микроскопом. Не очень это было похоже на Фритьофа! Взглянуть бы хоть одним глазом на такую перемену! Но старик чувствовал себя слишком слабым для путешествия из Кристиании в Берген.

Бальдура Нансена радовало то, что сын его переехал из гостиницы к пастору Холдту: старый адвокат отличался набожностью и верил, что его Фритьоф найдет в священнике не только хозяина квартиры, но и духовного наставника.

Фритьофу исполнился двадцать один год. Он понимал, что следует определить свое место в жизни, выбрать цель, достижению которой стоило бы отдавать силы. Но пора исканий затягивалась.

Со страниц любимых книг перед ним вставали люди мужественные и трусливые, благородные и подлые, мятущиеся и уставшие от поисков. Пытаясь понять, что роднило тех людей, которые дарили человечеству великие открытия, он находил у них общее: несгибаемую волю, каждодневный упорный труд, верность выбранной цели, умение не отчаиваться при неудачах и не предаваться самоупоению при первом успехе.

В комнатке по соседству с кабинетом пастора Фритьоф читал «безбожного» Дарвина. Великому англичанину было двадцать два года, когда он отправился в кругосветное путешествие на корабле «Бигль». Но уже в эти годы Дарвин умел накапливать тысячи фактов, сопоставляя их, проверяя и перепроверяя себя. Фритьоф со стыдом вспоминал, как сам он на «Викинге» собирался ниспровергать научные истины, измеряя в перерыве между болтовней с Баллоном и охотой на медведей температуру морской воды.

Нансен помнил наизусть многие отрывки из драмы Генрика Ибсена «Бранд». Ибсен показал в ней Норвегию суровой и бедной страной. В его драме народ не только веселился и пел песни, как это бывает у некоторых поэтов, — нет, он боролся за

существование, воюя со скупой природой. Эта борьба одних закаляла, других надламывала, порождая угрюмость и жестокость, жадность и невежество. А сам Бранд, человек железной, несгибаемой воли, обладавший огромной внутренней силой, не способный ни на какие уступки совести, — как верно говорил он:

— Не будь одним вчера, другим сегодня,
а завтра, через месяц третьим. Будь
чем хочешь ты, но будь вполне; будь цельным,
неполовинчатым, нораздробленным.

Должно быть, главное — научиться всего себя целиком отдавать выбранному делу.

Теперь его дело — наука.

Бергенский музей не был мертвым собранием редкостей. Тут занимались научными исследованиями, известными далеко за пределами Норвегии. Отсюда вышло уже немало больших ученых.

Нансен намеревался заняться изучением тюленей или зародышей китов: в музее были необходимые коллекции. Но Даниельсен рассудил иначе. Найдя, что Фритьоф достаточно освоился с обязанностями консерватора, он пригласил его к себе и усадил на старый диван:

— Ну, я вижу, что мы созрели уже для настоящей, самостоятельной работы. Что вы думаете о мизостомах?

Мизостомы?! Крохотные черви, паразитирующие на морских звездах и лилиях? Фритьоф не мог скрыть разочарования. Даниельсен ласково положил ему руку на плечо:

— Да, мизостомы. Тут столько неясного. Ловэн, Семпор, Графф, наконец, русский биолог Мечников — вам, конечно, знакомы эти имена? — много занимались мизостомами. Но мы до сих пор не знаем их происхождения и функций некоторых органов. По-видимому, мизостомы сильно изменились за десятки тысячелетий паразитической жизни. Попробуйте — может, вам удастся дополнить чем-либо существенным работы ваших предшественников.

Дополнить Мечникова? Фритьоф с недоверием взглянул на профессора.

— Да, да. Но, конечно, от вас потребуется многое, — добавил Даниельсен.

После этой беседы Фритьоф и засел на долгие месяцы за микроскоп, став «заправским домашним поросенком». Как бы посмеялся Баллон, если бы узнал, что стрело́к большой лодки вместо тюленей «потрошит» червей, которых не сразу увидишь

глазом, да еще ищет, где у них глотка, и допытывается, какие у них «нервы». Уж Баллон отпустил бы по этому поводу соленую шуточку!

Фритьофу очень хотелось встретить кого-нибудь с «Викинга». Когда уставали глаза и начинала ныть спина, он уходил из музея к морю. Не спеша шел Фритьоф по Немецкой набережной мимо желтых трехэтажных домов, па которых сохранились еще, все в трещинах, резные деревянные гербы. Несколько веков назад в городе хозяйничала Ганза — Союз северогерманскнх городов. Норвежцы обязаны были привозить в Берген всю рыбу, выловленную вдоль северного побережья. Ганзейцы набивали ею трюмы своих кораблей.

Дома немецких купцов стояли на сваях. Из-под крыш торчали балки с блоками для подъема бочек. Прежде корабли подходили прямо к этим домам. Внутри было тесно, темно, душно. Какие-то галерейки, лестницы, каморки… Служащим ганзейцев, которые жили здесь, запрещалось курить, зажигать свечи: купцы боялись пожара. Приказчикам не разрешалось жениться: ганзейцы считали, что женатому человеку нужно много денег и он не удержится от соблазна обворовать своего благодетеля.

Нансен как-то подумал, что наука к своим служителям не менее требовательна и жестока, чем ганзейские купцы…

Возле набережной расположился рыбный рынок. На деревянных столах было все, что дает норвежцу море, — от жирной сельди и серебристой макрели до безобразных чудовищ, извлеченных из глубин. Какие формы, цвета, оттенки!

Нансен толкался среди кухарок, отбиравших рыбу в железные корзинки, присматривался к рыбакам. В кожаных штанах, клеенчатых плащах, черных просмоленных зюйдвестках, с гарусными шарфами вокруг шеи, они молча сидели возле своего товара, но среди них не было людей с «Викинга».

Несколько газетных строчек

На второй год жизни Фритьофа в Бергене Даниельсен однажды сказал ему, что, возможно, в ученых трудах музея со временем найдется место и для опубликования научной работы о мизостомах — разумеется, в том случае, если в Нансене не остынет жар и он доведет до конца свое исследование.

Фритьоф делал множество тончайших срезов. Каждый орган, каждая ткань крохотной мизостомы неделями изучались под микроскопом. Фритьоф мог уже доказать неопровержимыми фактами, что мизостомы — многощетинковые черви, а вовсе не родственники паукообразных, как предполагали некоторые исследователи. Это было всего лишь маленькое открытие в маленьком мире, но Фритьоф чувствовал себя теперь тверже, увереннее.

Первое время ему приходилось заставлять себя оставаться лишний час в лаборатории; постепенно пришло увлечение работой, и он перестал замечать время. Его заинтересовало строение центральной нервной системы червей, раков, низших позвоночных — тут не было недостатка в разных гипотезах, где произвольный домысел заменял прочную научную основу.

«Викинг» лишь начал формировать у Фритьофа черты исследователя, Берген продолжал шлифовку тех граней характера, которые приносят успех в науке…

До вечерам Фритьоф частенько заглядывал в дом молодого доктора Лоренса Грига. Григ отличался мечтательностью, любил книги и музыку; сестра его была певицей, в их доме часто собиралась молодежь. Спорили о науке, о новых пьесах и особенно много — о будущем.

В те годы Норвегия была связана союзом, или унией, со Швецией. Но отношения между двумя странами не были ни добровольными, ни равноправными.

Когда многие народы Европы ополчились против Наполеона, к ним присоединились и шведы. После победы над наполеоновской армией союзники надумали отблагодарить Швецию и отдать маленький норвежский народ под власть шведского короля.

Но не таковы были норвежцы, чтобы смириться с этим. В городке Эйдсволле 17 мая 1814 года они приняли конституцию независимой Норвегии. Норвежцы надеялись при этом, что в справедливой борьбе против навязанного «союза» им поможет Англия. Но Англия не помогла. Шведский король силой оружия заставил норвежцев принять унию.

Хотя с тех пор прошло немало десятилетий, глухая вражда между «союзниками» не утихала. Каждый год 17 мая норвежцы выходили на улицы — этот день стал их национальным праздником. Газеты и ораторы призывали бороться за расторжение унии.

Сколько Фритьоф слышал обо всем этом еще в детстве! Даже осторожный, тихий Бальдур Нансен, начитавшись статей в газете «Фрам», само название которой («фрам» — «вперед») звучало призывом к действию, принимался охать, что здоровье, наверное, не позволит ему взяться за оружие, если это потребуется. Но когда однажды Фритьоф пришел к отцу и сказал, что думает поступить в военное училище, чтобы потом сражаться за свободу Норвегии, Бальдур Нансен испуганно замахал руками и принялся отговаривать Фритьофа. Ведь если будет война, говорил отец, то Фритьоф может выполнить свой долг и как простой солдат. А разве будущей Норвегии ученые нужны меньше, чем офицеры?

Теперь в доме Григов Фритьоф слышал горячие слова о свободе и независимости. Лоренс великолепно читал стихи знаменитого поэта Бьёрнстьерне Бьёрнсона. Они волновали, в них слышался набатный колокол. А потом все стоя пели песню Бьёрнсона «Да, мы любим эти скалы», и она звучала как гимн новой, свободной Норвегии. Но Фритьоф уходил с этих вечеров со смутным чувством неудовлетворенности. Слов произносилось много, хороших, даже прекрасных слов. Однако у мечтателя Грига и его друзей что-то не было заметно желания действовать…

А Фритьоф знал и других людей. Иногда он уходил вдоль скалистого берега в рыбацкий поселок. Его, как хорошего гребца, охотно брали на промысел небольших сельдяных китов. Промышляли по старинке: увидав кита в узкой бухте, преграждали ему выход прочными сетями. Потом тащили на берег самострелы вроде того, который стоял у входа в музей. Стрелы со ржавыми железными наконечниками вонзались в животное и почему-то поражали кита вернее, чем самые крупные пули.

— Это не простое железо, парень, — однажды много значительно сказал Нансену старый рыбак. — Мы бережем эти стрелы. Может, пригодятся и для другой дичи. Мы-то готовы хоть сегодня…

У Нансена долго не выходил из головы этот разговор. Готовность к действию — не она ли отличает настоящего человека? Ему вспоминались любимые герои. Да, они действовали! Они проламывали в торосах дорогу на ледяной Север, прорубали заросли лиан в верховьях Амазонки, шагали через раскаленные пустыни Азии. Как далек был теперь от него

чудесный мир тревог и открытий!

Но однажды этот мир властно позвал Нансена.

Как-то в сумерках, когда по окнам бежали дождевые струи, Григ читал вслух газету, Фритьоф, забившись в кресло, рассеянно слушал его.

— Ничего интересного. Прения в стортинге… Премьера новой пьесы Стриндберга. О ней уже писали, опять спорят… Норденшельд вернулся из экспедиции в Гренландию. Он сообщает…

Нансен вскочил и не очень вежливо выхватил у друга газету:

— Где?

Он быстро пробежал глазами телеграмму на первой странице. «Знаменитый шведский путешественник Адольф Эрик Норденшельд, — говорилось в ней, — завершил свою десятую по счету экспедицию. Он снова посетил Гренландию, — уважаемые читатели нашей газеты, вероятно, помнят, что на берегах этого острова маститый путешественник уже был однажды, в 1870 году. Тогда ему удалось пройти внутрь страны немногим более 50 километров. Теперь Норденшельд и восемь его спутников пробились па пароходе „София“ сквозь плавучие льды к западным берегам Гренландии. Они прошли на лыжах по ее ледникам 117 километров и видели, что дальше простирается бесконечная снежная пустыня. Подробный отчет о путешествии, — говорилось в заключение, — будет печататься с продолжением в ближайших номерах „Бергенского вестника“».

Нансен опустил газету и невидящими глазами уставился в окно. Все вспомнилось разом: дрейф «Викинга» вдоль берега Гренландии, мечты о высадке на берег, о походе через остров.

— Что с тобой? — спросил Григ.

— На лыжах можно пройти Гренландию вдоль и поперек, — словно очнувшись, твердо, уверенно произнес Фритьоф.

— Уж не хочешь ли ты попробовать? — рассмеялся Григ.

— Поперек-то уж во всяком случае! — повторил Нансен.

Опасная прогулка

Январь 1884 года был похож на все бергенские январи: много дождя, еще больше слякоти. Когда Фритьоф хмурым утром пришел к Даниельсену и в нерешительности остановился у стола, старик, пристально взглянув на вошедшего, рассмеялся:

— Знаю, знаю. Вам, конечно, опять нужен отпуск на несколько дней для небольшой прогулки в горы. Ну что ж, вы хорошо поработали…

Холодный ветер с моря заставлял прохожих втягивать голову в плечи и защищаться зонтиком, как щитом. Фритьоф, шагая с лыжами за плечами, проклинал теплое морское течение, которому Берген был обязан столь бесхарактерной зимой.

До крыше вагона, в который сел Нансен, барабанил дождь. Поезд побежал вдоль Сор-фиорда. На островах зеленела осенняя трава. Не было снегу и в мрачной долине горной реки.

Поезд стал нырять в туннели. В вагоне зажгли свечи. Паровоз пыхтел все натужнее — начался крутой подъем.

Фритьоф вышел на небольшой станции и упрямо зашлепал по грязи. Его рыжий ирландский сеттер Джен, прилизанный непереставшим дождем, плелся сзади, Встречные косились па лыжи: при такой погоде правильнее было бы запастись лодкой. Но чем выше поднимался Фритьоф, тем холоднее становилось. Вскоре вдоль дороги забелели пятна снега. К вечеру совсем разъяснило.

Лыжник ночевал в горном селении. Первое, что он увидел утром, были стекла, разукрашенные морозом. Фритьоф подбежал к окну, подышал, протаивая глазок, — так и есть, солнце!

Как чудесно скользят лыжи, прорезая тонкий наст! А бедняга Григ, наверное, хлюпает сейчас по слякоти бергенских улиц.

Фритьоф наслаждался бегом, солнцем, воздухом. Устав, он спустился к крестьянскому хутору. Крестьянин, покуривая трубку, щурился на солнце.

— Здравствуйте! Как называется хутор? — спросил Фритьоф.

Крестьянин молча разглядывал лыжника. Тот повторил вопрос.

— Давно ходишь на лыжах, парень? — в свою очередь, спросил хуторянин.

— Да, с детства. А скажи-ка, далеко отсюда до Гудвангена?

Но крестьянин снова ничего не ответил, а помолчав, спросил:

— Откуда идешь, парень?

— Иду из Бергена, на восток. Как думаешь, достану я здесь молока?

— Стало быть, тебе надо через горы. — Крестьянин неторопливо выколотил трубку. — Славные у тебя лыжи!

Где такие добыл?

Вот и поговори с этим горцем! Нансен махнул рукой и пошел в дом. На нарах сидели и лежали старики, парни и девушки, а по полу вместе с поросятами и курами ползали ребятишки. Пахло чем-то кислым.

Выпив молока, Фритьоф заскользил по крутому склону. Далеко внизу, прыгая по черным камням, шумела речка. Со скал свисали снежные карнизы. Вспененная струя водопада срывалась в ущелье. Нансен пришел в те места, где снежные обвалы были так часты и грозны, что лыжники сюда почти не заглядывали.

Он выбрал склон покруче. Морозный воздух бил в лицо, слезы застилали глаза. Зигзаги, торможение, когда надо откидываться всем телом назад, налегая на палку, головокружительное скольжение по склонам… Мелькнула фигура крестьянина, со страху совсем вдавившегося в выступ скалы, — и раньше, чем пес Джен отважился начать спуск, лыжник уже закончил его.

Нансен добрался до ущелья Овечьей теснины. Завтракал он прямо на снегу, прислушиваясь к шуму водопада. Славно бы попасть сюда весной, когда дубы распускают листья и форель хорошо клюет на муху.

— Да ты в уме ли — уселся под самым обвалом!

Перед размечтавшимся Фритьофом стоял прохожий и показывал вверх, на скалу, откуда свисал тяжелый снежный язык. Нансен возразил, что шум обвала можно услышать и успеть скрыться.

— Эх, парень, да здесь при больших обвалах засыпает всю долину. А бегать от обвала — все равно что от пули, которая летит в тебя. Тут неподалеку лавина ухнула в фиорд, так, веришь

ли, чуть не потопила пароход. Хорошо, что капитан был не промах и успел свернуть.

— Вот видишь, успел же.

— Тьфу! Ну и упрям же ты, парень!

Одну ночь Фритьоф провел в горном селении, где его отругали за то, что он так поздно шляется в горах, другую — на заезжем дворе, среди шумных торговцев лошадьми.

Он все удлинял и усложнял дневные переходы. Пройти вдоль и поперек Гренландии — это легко сказать. А вот годен ли он сам для такого дела?

Фритьоф упрямо шагал по мокрому липкому снегу, гонял по скользкому льду озер и лишь там, где снежный покров сошел, пробирался на лошадях. Правда, последний перегон до Кристиании он ехал поездом: надо было спешить к началу лыжных состязаний на холме Хусебю.

Итак, Фритьоф пересек Норвегию поперек через труднопроходимые горы.

Соревнования начались — и о Нансене заговорили, как о самом выдающемся лыжнике.

Но поскольку приз получен за лыжную гонку, то не значит ли это, что и возвращаться с ним из Кристиании в Берген следует на лыжах? Разумеется, еще более трудной дорогой…

Никто из жителей гор не отважился ходить зимой через перевалы и гребни, которые выбрал Нансен для решительного испытания. Говорили, что давно, в XII веке, именно тут

заблудился со свитой король Сверре. Его отряд потерял в горах сто двадцать лошадей с украшенными золотом седлами и неделю жевал только снег.

Не было еще трех часов ночи, когда Нансен ушел с места ночлега. Он помчался так быстро, будто хотел перегнать собственную черную тень, метавшуюся по освещенным луной сугробам.

Звезды начали гаснуть перед рассветом, когда Фритьоф Нансен постучал в дверь одиноко стоявшего дома: ему сказали, что тут живет охотник за куропатками, которому знакомы горные перевалы. Охотник, как на грех, ушел к соседнему фиорду метить оленей. В доме оставались одни женщины.

— Обещай, парень, что ты не пойдешь один через горы, — потребовала самая бойкая из них.

— Нет, идти мне надо, — улыбаясь, ответил Фритьоф. — Но обещаю тебе быть осторожным.

И он отправился дальше незнакомой дорогой, зигзагами поднимаясь к перевалу.

Но что это с собакой? Почему шерсть дыбом? Нансен снял шапку с потной головы: из-за леса послышался волчий вой. Следы оленьего стада, на которые лыжник наткнулся немного спустя, показывали, что животные были чем-то испуганы и мчались, раскидывая снег. Вскоре рядом пошли следы трех крупных волков. Ну, стая слишком мала, чтобы преследовать человека. Однако на всякий случай он пощупал, на поясе ли нож.

За полдень Фритьоф повернул, как ему казалось, к Грендальскому озеру; там была небольшая альпийская ферма.

Но никакого следа ее он не нашел, хотя пересек не меньше десяти долин и озер, каждое из которых могло быть Грендальским. Уже замерцали в потемневшем небе зеленые звезды, когда Фритьоф должен был с неохотой признать, что сбился с пути.

Он пересек еще одну гору и соскользнул к озеру, возле которого что-то чернело. Неужели хижина? Он крикнул «ура» и примчался прямо… к большому черному камню.

Фритьоф не присел ни на минуту с трех часов утра. Он чиркнул спичкой: без четверти десять. Ветер раскачивал старые ели. Но разве в Гренландии ветры менее свирепы? И, черт возьми, там нет никаких ферм.

Он выбрал сугроб повыше, руками вырыл в нем пещерку, натянул на себя шерстяную фуфайку — единственное, что было у него из теплой одежды, и задремал рядом с измученной собакой.

Проснулся Фритьоф оттого, что заледенели ноги. Было уже за полночь. Взошла луна. Бр-р, до чего же холодно! Фритьоф что

было сил побежал в гору, стараясь согреться. Пес на трех лапах прыгал за ним.

Они быстро добрались до вершины. В лунном сиянии хребты казались застывшими белыми волнами, горизонт тонул в серебристой дымке. Ущелья зловеще чернели бездонными провалами. Пожалуй, лучше было дождаться дня. Нансен, согревшийся от бега, снова зарылся в снег и продремал на вершине до рассвета.

Утром он узнал местность. Теперь ему предстоял перевал через гребень Фоссе. Сон в снегу плохо освежил его, все тело ныло. Может быть, вернуться? С минуту он колебался, потом решительно повернул к гребню.

На круче снежные карнизы нависали кое-где так, что пес Джен начинал дрожать и выть, требуя помощи. Тогда Нансен ложился на живот и вытягивал собаку за собой наверх.

Джен был верным псом. Он смело карабкался за хозяином на обледеневшую скалу. Стоило заскользить, сорваться одной ноге, и от бедной собаки остался бы мешок с переломанными костями…

Ну и напугал же Фритьоф детвору на фермах горной долины Раундал! Ребята увидели вдруг, что по крутому склону к ним мчатся в облаках снежной пыли неведомый человек и какое-то животное. С этой стороны люди никогда не спускались зимой к их селению, и ребята бросились врассыпную, крича от страха: им почудилось, что за ними гонится волшебник-тролль со своим злым волком.

Золотая медаль

Вернувшись в Берген, Фритьоф нашел на столе конверт, надписанный мелким, аккуратным почерком. Он представил себе, как отец — невысокий, сгорбленный, тщедушный, — прижимая портфель, знакомой дорогой идет на почту.

«Дорогой мой сын! — писал Бальдур Нансен. — Когда я читаю твои письма, у меня часто навертываются на глаза слезы, только не от горя, а от тихой радости. Бог благослови твой труд и доведи его до хороших результатов».

Старик расспрашивал сына о том, скоро ли будет напечатана его научная работа, и советовал не разбрасываться.

Фритьоф пе любил писать письма. Но отцу он писал теперь особенно много, подробно и откровенно; и на этот раз тут же сел за ответ. Да, писал он, разбрасываться не следует. Но, когда узнаешь о каком-либо отважном путешествии или охотничьей удаче, тогда так и подмывает пуститься на поиски приключений. «Я тоскую, и желание испытать что-нибудь новое, путешествовать, не дает мне покоя. Оно волнует меня, это желание, и его так трудно подавить!»

Теперь, после горной прогулки, его беспокойство не улеглось, а усилилось. Исследование мизостом приближалось к концу. Возможно, что в начале 1885 года оно будет опубликовано; он почти достиг цели, которую поставил перед собой вскоре после приезда в Берген. Но именно теперь ему представлялось все яснее, очевиднее: исследовательская работа зоолога все-таки не сможет целиком наполнить его жизнь. Она пресновата, в ней нет захватывающего интереса борьбы, требующей напряжения всех духовных и физических сил.

И Фритьоф все чаще думал о Гренландии. Он изучал теперь тончайшее строение нервной системы низших разрядов позвоночных, но в окуляре микроскопа вместо окрашенных срезов возникали вдруг знакомые притягательные обрывы гренландских ледников.

Он перечитал десятки книг об этом самом большом и почти необитаемом острове земного шара.

Вот его карта: селеньица эскимосов, не щедро разбросанные по западному побережью, и огромное «белое пятно» неизвестности за тонкой полоской прибрежной линии. А ведь Европа узнала о Гренландии раньше, чем Колумб открыл Америку.

Да, это был еще X век, времена викингов, когда приговоренный за убийство к изгнанию Эрик Торвальдсен,

прозванный Рыжим, добрался до неведомого острова и поселился там. Холодную, голую землю он окрестил Гренландией — «Зеленой страной», и, привлеченные этим названием, потянулись туда через студеное море ладьи скандинавов. А потом пути викингов были забыты, и лишь в XVI веке воды у острова снова увидели парус.

А «белое пятно»? Датский купец Ларс Далагер первым вскарабкался на обрыв берегового ледника. Спутники Далагера несли рогатины на случай встречи с белыми медведями. Но они встретили лишь мертвое безмолвие ледяной пустыни.

Обморозив лица и руки, датчане скоро повернули назад. «Никто из смертных не сможет проникнуть в глубь материкового льда Гренландии», — объявили они. Это было в XVIII веке.

Штурм возобновился лишь много лет спустя: американец Хейс, английские альпинисты, потом Норденшельд, затем датчанин Изнсен, снова Норденшельд.

А результат вековых усилий? Первый отряд проник в глубь острова на 13 километров, последний — на 117. И до сих пор никто не знает, что скрывают гренландские ледяные барьеры: то ли ледяную пустыню, как думают одни, то ли защищенные от стужи хребтами зеленые оазисы, как предполагают другие. Разгадка тайны Гренландии — вот задача, действительно достойная исследователя!

В начале 1885 года Даниельсен торжественно вручил Фритьофу только что принесенную из типографии брошюру. Она называлась «Материалы к анатомии и гистологии мизостом». Наверху стояло имя автора: Фритьоф Нансен.

— Поздравляю! И не теряйте времени, беритесь за докторскую диссертацию. — Даниельсен отечески обнял Фритьофа. — Нам, старикам, пора передать руль молодым.

Собрались все работники музея, пришло семейство Григов, пастор Холдт, председатель союза охотников Фриле, художник Ширтц, у которого Фритьоф учился рисованию.

Виновник торжества благодарил поздравлявших, жал руки. Но раньше он представлял себе, что этот день будет для него более радостным, значительным, принесет ему большее удовлетворение.

И даже после того как труд о мизостомах был удостоен золотой медали и друзья стали пророчить Фритьофу блестящую карьеру ученого-зоолога, он лишь как-то странно улыбался, рассеянно повторяя: «Да, разумеется, зоология… Конечно, конечно…»

Решение принято

Фритьофа спешно вызвали в Кристианию. У Бальдура Нансена произошло кровоизлияние в мозг, и врачи опасались за его жизнь.

Отец лежал, обложенный подушками, — такой маленький, худенький, беспомощный. У изголовья сидел брат Фритьофа — Александр. Фритьоф стал на колени возле кровати, поцеловал дряблую старческую щеку.

— Похоже, скоро мы расстанемся, сынок, — Отец говорил шепотом, едва шевеля губами. — Я ничего не накопил вам, детки. Но, может, бог услышит мои молитвы и не оставит вас.

Фритьоф взял руки отца — тонкие, слабые. В комнате пахло лекарствами, окна были завешены. Фритьоф, боясь расплакаться, закусил губу.

Пришла Марта Ларсен. Для старой экономки Фритьоф и Александр все еще были взбалмошными детьми, за которыми нужен глаз да глаз. Она ласково поцеловала Фритьофа в лоб:

— Ну, ну, все будет хорошо.

После того как отец продал имение, Марта тоже поселилась в Кристиании и, хотя жила отдельно от семьи Бальдура Нансена, трогательно опекала его.

Немало дней она и Фритьоф провели у постели больного. Старик поправлялся медленно. Наконец врач разрешил ему ходить. Фритьоф звал отца с собой в Берген, но тот не хотел трогаться с места: «Вы, дети, похороните меня здесь, рядом с матерью».

Еще не совсем выздоровев, Бальдур Нансен стал требовать, чтобы сын скорое отправлялся в Берген: как можно надолго забрасывать работу?

Перед отъездом Фритьоф слегка повздорил с братом. Надо больше считаться с мнением общества, говорил Александр; нужно, например, больше следить за собой. Ну к чему эта невозможная спортивная куртка, вполне пригодная для лыжника, но, право, недостаточно приличная для прогулок по улицам Кристиании! Разве нельзя одеваться, как одеваются порядочные люди? Сейчас, например, в моде…

— Э-э, у меня своя мода! — прервал Фритьоф. — Что удобно и скромно, то и хорошо. И не будем больше говорить об этом.

Расстались братья довольно холодно.

Из Бергена Фритьоф написал отцу, что, наверное, скоро оставит музей ради путешествия с научной целью, что никакие трудности его не страшат, что он с величайшим терпением

сумеет мириться с самой скромной обстановкой: ведь умение ограничивать свои нужды помогает человеку вернее идти к цели.

Ответа на письмо он не получил. Пришла телеграмма: «У отца второй удар. Немедленно приезжайте».

В дверях отцовского дома Фритьоф столкнулся с человеком в черном цилиндре. Это был гробовщик…

В Берген Фритьоф вернулся мрачным, подавленным. Работа долго не клеилась.

Даниельсен предложил ему всерьез подумать о поездке за границу. Полезно будет ознакомиться с наиболее выдающимися трудами иностранных биологов; к тому же всякое путешествие — хорошее средство обретения душевного равновесия.

По просьбе Фритьофа вместо золотой медали за труд о мизостомах ему вручили бронзовую копию. Деньги, вырученные за золото, пригодились при поездке в Италию.

В Неаполе наставником Нансена стал Антон Дорн, видный биолог и человек редкой целеустремленности.

На знаменитой биологической станции Дорна Фритьоф пробыл недолго — весну и лето 1886 года, но успел сделать многое. Вернувшись домой, он быстро закончил обширную работу «Структура и связь гистологических элементов центральной нервной системы».

Этот труд обратил на себя внимание не только норвежских, но и зарубежных зоологов. Сияющий Даниельсен показал Фритьофу солидный журнал, где было написано:

> «Работа господина Нансена всегда будет занимать почетное место в научной литературе… Если бы господину Нансену представился побудительный повод продолжить свои исследования по методу Гольджи, то ему, несомненно, удалось бы еще больше содействовать тому разъяснению тонкого строения нервной системы низших позвоночных, которым занимались в последнее десятилетие ученые-специалисты».

— Успех, и еще какой! — радовался Даниельсен. — Ну, теперь диссертация, диссертация и еще раз диссертация, а все остальное гоните из головы прочь!

Но именно в это время, осенью 1886 года, телеграф принес известие, которое заметно охладило у Фритьофа интерес к продолжению исследований.

Нашелся на белом свете еще один человек, зараженный «бациллами полярной лихорадки» и тоже считавший Гренландию самой интересной из всех полярных земель. Это был американец Роберт Пири.

Он высадился на западном побережье острова и поднялся на его ледяное плато. То была лишь разведка, но все же Пири прошел в глубь Гренландии дальше, чем это удалось Норденшельду, и, судя по всему, намерен был предпринять новую экспедицию.

Фритьоф, прочитав об этом, не спал ночь. Бросить диссертацию и целиком отдаться подготовке похода через гренландский лед? Нет, это было бы слишком большой уступкой себе.

Значит, и диссертация, и экспедиция… Но тогда год-полтора ему придется рассчитывать каждый час, недосыпать, отказывать себе во многом.

И все-таки — только так. Не отступать. Не искать легкого пути.

С этого дня карта Гренландии получила равные права с черновиками диссертации. Книги об арктических экспедициях сильно потеснили на полке труды зоологов. Рядом с рисунками, изображающими открытые им разветвления нервных волокон в спинном мозгу морских животных — миксин, на столе Фритьофа появились чертежи саней, палаток, спальных мешков.

Но до поры до времени Нансен не делился своими планами даже с близкими друзьями.

Наступила осень 1887 года. Однажды, когда Лоренс Григ коротал вечер за интересной книгой, к нему пришел Нансен. Хозяин заметил, что гость настроен как-то странно: не раздеваясь, уселся на диван и довольно грубо прогнал прочь своего пса, который обычно устраивался у его ног. Пес обиделся и лег у порога, а Фритьоф выпалил без всяких предисловий:

— Помнишь, я тебе говорил о Гренландии? Ну, так я иду через Гренландское плато.

Григ с изумлением уставился на приятеля. Шутит? Нет, непохоже.

— Послушай, как это ты вдруг…

— Ну, не так уж «вдруг»… Скажи мне лучше: что ты думаешь об этом?

— Странный вопрос. Но прежде всего — очень рискованно…

Фритьоф рассмеялся:

— Да, я не жду легкого успеха. Но помнишь у Ибсена:

…Верь мне, краше
Дело, подвиг небывалый.
Лучше пить из жизни чаши,
Чем вкушать сон предков вялый.

Фритьоф принялся расхаживать по комнате:

— Уже взял отпуск. Еду в Стокгольм. У меня письмо к одному человеку, другу Норденшельда. Думаю, что «старый Норд» примет меня. Если бы только он поддержал…

Тогда защищу диссертацию — и в Гренландию. В Гренландию!

У «старого Норда»

Служитель доложил профессору Стокгольмского минералогического института Брёггеру, что рано утром его спрашивал какой-то долговязый белокурый господин, похожий на моряка.

— Одежда потертая. И без пальто, — многозначительно добавил служитель.

Без пальто! Наверное, «севший на мель» моряк, явившийся к земляку за помощью.

Брёггер уже забыл об этом визите, когда к нему зашел профессор Вилле и сказал, что в институте появился консерватор Бергенского музея, автор превосходных исследований нервной системы, которому вдруг пришла в голову нелепая мысль — бросить научные занятия и отправиться в Гренландию.

В Гренландию? Зачем же? Ах вот как, он думает пересечь остров поперек?! Не более, не менее! Приезжий бергенец, как видно, порядочный чудак.

В это время служитель нехотя впустил к Брёггеру «севшего на мель моряка». Вилле воскликнул:

— А вот и сам господин Нансен!

Брёггер несколько оторопело смотрел на «моряка»:

— Так это вы собираетесь перейти Гренландию?

— Да, предполагаю.

— Как же вы думаете это сделать?

Нансен рассказал. План понравился Брёггеру смелостью и необычностью.

— Знаете что, — предложил профессор, — отправимся сейчас же в академию к Норденшельду.

Не теряя времени, они зашагали по Дротнинггатан, одной из самых людных улиц Стокгольма. Был час гуляния. Белые попоны лошадей, запряженных в легкие санки, развевались на ветру. Франты в высоких блестящих цилиндрах оглядывали Нансена с ног до головы. В своей узкой легкой куртке он выделялся среди толпы тепло одетых, кутавшихся в меховые воротники господ. Должно быть, его принимали за акробата или канатного плясуна. Но улыбочки и косые взгляды ничуть не трогали Нансена.

Норденшельд, как сообщил его помощник, был очень занят. Однако Брёггер на правах друга прошел к нему в кабинет и представил своего спутника:

— Консерватор Бергенского музея господин Фритьоф Нансен. Он намерен пересечь материковый лед Гренландии.

— Вот как!

Норденшельд с живейшим интересом взглянул на взволнованного Фритьофа, как бы прикидывая, на что тот годен. Затем старик улыбнулся и весело сказал:

— Могу подарить господину Нансену пару прекрасных сапог. Да, я нисколько не шучу. В таких случаях крайне важно обеспечить себя обувью первейшего сорта…

Это могло быть насмешкой.

— Итак, я слушаю вас, господин Нансен. Какой же именно пункт западного побережья вы намерены взять за исходную точку?

— Я думаю начать с восточного…

«Старый Норд» в изумлении вскинул голову. Пенсне соскользнуло с носа и повисло на черном шнурке. Что за странный субъект! Все исследователи Гренландии — все до единого — пытались проникнуть в глубь острова с западного побережья, омываемого теплым течением и более доступного для кораблей. Кроме того, именно там, на западе, находились селения, куда можно было бы вернуться в случае неудачи.

— Я немного знаю Гренландию… — «Старый Норд» добродушно улыбнулся. — Да, я немного знаю ее. Господин Нансен, запомните: идущий с восточного побережья отрезает себе всякий путь к отступлению. Если обстоятельства вынудят его повернуть назад, он найдет на востоке ледяную пустыню и… смерть. Да, смерть.

Фритьоф выслушал это довольно спокойно.

— Вы правы, господин профессор. Но именно поэтому я и выбрал восточное побережье. Тот, кто начнет с западного, должен, дойдя до восточного побережья, вернуться назад на западное, к кораблю. Значит, ему нужно пересекать Гренландию дважды. Тот же, кто пойдет с восточного, должен пересечь ее ледники лишь в один конец.

Да, вы правы — идущий с востока не может возвратиться с полпути: это смерть. Но я хочу с самого начала выбросить из головы всякую мысль о возвращении. Только вперед, никакого отступления. Я и тот, кто пойдет со мной, должны либо пересечь Гренландию, либо погибнуть.

«Старый Норд» снова внимательно посмотрел на Фритьофа. Решительный, спокойный тон молодого норвежца понравился ему. После долгого молчания он сказал:

— Смелость делает вам честь. Но гибель нескольких храбрецов без пользы для науки была бы лишь бессмысленной жертвой. Подумали ли вы о снаряжении? Как вы будете варить пищу? Как вы поступите, если в пути кто-либо заболеет?

Нансен отвечал уверенно и твердо. «Старый Норд» то

скептически улыбался, то одобрительно кивал головой. Он задавал всё новые и новые вопросы и в конце концов хотя и не похвалил план, но и не отверг его как вздорный или невыполнимый. Это уже кое-что значило! Видимо, «старый Норд» хотел собраться с мыслями. Он попросил Нансена навестить его в другой раз.

Поздно вечером Нансен сидел дома у профессора Брёггера, сильно заинтересовавшегося молодым норвежцем, как вдруг раздался звонок и явился Норденшельд. Хотя и на этот раз он не сказал окончательно ни «да», ни «пет», но много рассказывал о Гренландии, а в заключение пригласил Фритьофа отобедать у него.

Со следующего дня Нансен уже кружился в водовороте встреч. Его знакомили с исследователями, с журналистами, с предпринимателями. Ему нужны были деньги, советы, снаряжение. Чаще всего его выслушивали с холодным любопытством, иногда — с непонятной враждебностью. Одна из газет, сообщив о его плане, высказала мнение, что вообще не следует помогать частному лицу «провести отпуск в Гренландии». Другая писала, что люди тогда могут идти за своим руководителем на рискованное дело, когда у того есть надежная линия отступления, а поскольку у Нансена таковой нет, его план безрассуден, дик и опасен.

Нансен возвращался в дом к старой Марте Ларсен, где нашел приют и участие, злым, взвинченным. Чтобы успокоить себя, он ходил вечерами на каток — в Бергене коньки только зря ржавели.

Однажды Фритьофа заинтересовали трое конькобежцев. Высокий господин в очках, такая же высокая, худощавая дама и другая, пониже, в меховой жакетке и широкой юбке с меховой опушкой, остановились в стороне от катающихся. Господин что-то чертил прутиком на льду, а дама в меховой жакетке, засунув руки в муфту, спорила с ним. Другая рассеянно смотрела по сторонам.

Когда Нансен оказался ближе, то увидел на снегу, тонко покрывавшем лед, нечто очень похожее на математические формулы, В этот момент господин поднял глаза и дружески улыбнулся Нансену. Фритьоф узнал профессора Гёсту Миттаг-Леффлера, с которым познакомился на обеде у Норденшельда.

— Позвольте представить вам господина Нансена, — сказал профессор. — Моя сестра Анна-Шарлотта. Мой друг Софья Ковалевская.

Дама в меховой жакетке — Софья Ковалевская! Фритьоф читал и слышал об этой русской, первой в мире женщине-профессоре, писательнице, выдающемся математике. Ведь это о ней недавно писали в газете, что женщина на профессорской

кафедре в Стокгольмском университете — явление чудовищное, непонятное…

Фритьоф осторожно взял маленькую руку. Они легко заскользили по льду.

— Как хорошо вы катаетесь! — Она вздохнула. — А я вот чувствую себя на льду ужасно неуверенно, хотя и брала уроки.

Лед звенел под коньками. В желтом свете фонарей кружились снежинки. На помосте королевский военный оркестр играл вальс, и хотелось плавными большими шагами нестись далеко-далеко, туда, где в тумане темнел залив.

Нансен провел долгий вечер в гостиной на улице Стурегатан. Старинная резная мебель, на которой уже протерся красный атлас, была расставлена как попало. Видимо, хозяйке некогда было думать об уюте. Они сидели на диване с вдавленными, звякающими пружинами, занимавшем всю стену, и Фритьоф рассказывал о «Викинге», о Бергене, Гренландии. Он обещал прислать подробный план своей экспедиции, говорил о том, как ненавистна ему сама мысль о «линии отступления». Человек должен идти напрямик к избранной цели. Никаких, никаких уступок себе! Сделай одну уступку — за ней потянется вторая, третья, воля уснет, совесть спрячется, дело погибнет.

Ковалевская слушала не перебивая, кивала головой, глаза ее блестели. Фритьоф смотрел на руки с синими жилками, на густые каштановые волосы, на черную бархотку вокруг тонкой шеи.

— Я завидую вам и верю, что вы перейдете Гренландию, — сказала она, когда Фритьоф спохватился, что ему давно пора уходить.

Вскоре после этого вечера Нансен уехал из Стокгольма. Правительство не дало ему денег на экспедицию, хотя он просил совсем немного. Если бы Норденшельд не только сочувствовал плану Нансена, но и упорно, открыто защищал бы его, — кто знает, может быть, это изменило бы все. Но «старый Норд» помог лишь советами да прислал вместо сапог темные очки — свои отличные очки, через которые он разглядывал ледники Гренландии. Норденшельд был знаменит, осторожен, а план Нансена казался чересчур смелым и необычным, чтобы сразу решиться на его безоговорочную поддержку.

В Берген Фритьоф вернулся полным энергии. Что же, он снарядит экспедицию и без помощи академии. Нашелся человек, не швед, не норвежец, а датский коммерсант, который пообещал деньги. Больше всего ему не хватало сейчас теплого дружеского участия: слух о неудачах в Стокгольме дошел до Бергена и изменил отношение кое-кого из знакомых…

Фритьоф не знал, что женщина, которая, как он говорил

потом, могла бы оказать влияние на всю его последующую жизнь, в эти зимние дни писала своей подруге:

> «Я нахожусь в настоящую минуту под влиянием самого увлекательного и возбуждающего чтения, какое мне когда-либо случалось встречать. А именно, я получила сегодня от Н. небольшую статью его с изложением плана предполагаемой поездки по льдам Гренландии. Прочитав ее, я совершенно упала духом. Теперь он получил от датского коммерсанта Гамеля 5000 крон на это путешествие, и, конечно, ничто на свете не в состоянии будет заставить его отказаться от этой поездки… Сегодня я разговаривала о нем с Б., который находит также, что работа Н. просто гениальна, и уверяет, что Н. слишком хорош, чтобы рисковать своей жизнью в Гренландии».

Нансен узнал об этом письме лишь после внезапной смерти той, которая его написала…

Теплыми ночами Фритьоф сидел над диссертацией, а холодные коротал на скале возле Бергена, испытывая спальный мешок или палатку. Он брал уроки эскимосского языка, учился перевязывать раны, варить обед, штопать одежду. Внезапно Фритьоф исчезал из города и двое-трое суток пропадал в горах, приучая себя к дальним переходам без питья и пищи.

У него едва хватало времени, чтобы заглянуть в газеты, которые то объявляли его план легкомысленным, не стоящим того, чтобы тратить чернила на его опровержение, то принимались доказывать, что не найдется ни одного безумца, который пошел бы с Нансеном в Гренландию.

> «Внимание! — жирным шрифтом печатала одна газетка. — В июне текущего года консерватор музея Фритьоф Нансен даст представление — бег на лыжах с препятствиями по материковому льду Гренландии. Лучшие места для зрителей — трещины. Обратных билетов можно не брать».

Но каждая почта приносила ему вместе с газетами конверты со знакомыми и незнакомыми марками. Уже около сорока человек — норвежцы, шведы, датчане, голландцы, англичане, французы — соглашались пойти с ним через Гренландию.

Отобраны пять спутников, готово снаряжение, окончательно уточнен маршрут. За четыре дня до отъезда Нансен поднялся на кафедру Кристианийского университета. В его диссертации были

новые, оригинальные идеи, в которых почтенные жрецы науки просто не стали разбираться. Они единодушно присудили Нансену докторскую степень: все разно этот молодой безумец, вероятно, погибнет во льдах Гренландии, и, в конце концов, безразлично, будет ли в некрологе высказано сожаление о безвременной смерти просто Нансена или доктора Нансена.

Перед отъездом Фритьоф обошел всех друзей. Был он и у исследователя Гренландии датчанина Ринка, который давал ему уроки эскимосского языка. Жена Ринка, провожая Нансена до дверей, со смехом сказала ему:

— Надо вам когда-нибудь отправиться и к Северному полюсу!

— Так и будет! — промолвил Нансен, исчезая в дверях.

Госпожа Ринк не поняла — пошутил молодой норвежец или сказал это всерьез.

ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЙ ЛЕДНИК

Первая неудача

Давно уже не было в водах возле Гренландии такого трудного ледового года, как 1888-й. И не следует особенно винить капитана Мауритца Якобсена в том, что он не сумел пробиться на «Язоне» поближе к берегу. Впрочем, Крефтинг бы, наверное, пробился! Но отчаянный капитан «Викинга» схватил в одном из плаваний неизлечимую болезнь, и вот уже два года, как его не стало…

Нансен и Якобсон были старыми знакомыми. Ведь «Язон» вместе с «Викингом» тоже метался во льдах в поисках детной залежки. Сколько лет прошло с тех пор? Неужели уже шесть? Но в представлении молчаливого, флегматичного Якобсена Нансен остался взбалмошным юнцом, способным лишь гоняться за медведями. В голове Якобсена никак не укладывалось, что теперь этот юнец — начальник серьезной и опасной экспедиции.

Впрочем, опасной — да, с этим можно не спорить, а вот насколько она серьезна? Капитан помнил, что, когда в Гренландию собрался «старый Норд», у того был свой пароход. А господин бывший студент и его компания сели на «Язон» простыми пассажирами. Он, Якобсен, сразу сказал, что не берется доставить их на восточный берег Гренландии; он обещал лишь высадить Нансена на дрейфующий лед как можно ближе к этому берегу; и капитан ясно оговорил, что займется «всей этой канителью» лишь попутно со своим главным делом — промыслом тюленя.

Первый раз «Язон» подошел к кромке льдов в июне. Это время было бы самым подходящим для высадки. Но оно было не менее подходящим для промысла хохлача. И капитан Якобсен повернул прочь от берега Гренландии. Целый месяц команда «Язона» била тюленей. Фритьофу оставалось только взяться за ружье и вспомнить старое; но он с тревогой считал бесполезно уходящие дни и недели короткого лета.

Наконец в середине июля «Язон» снова подошел к берегам Гренландии. В бинокль можно было различить черные, угрюмые скалы, громоздящиеся над фиордом Сермилик, который Нансен наметил для высадки и откуда предполагал начать пересечение острова. Пояс движущихся льдов отделял берег от «Язона». Льды не были особенно тяжелыми. Крефтинг бы повел в них судно без колебания. Но Якобсен качал головой, и Нансен поторопился сказать ему, что экспедиция высадится здесь, чтобы не подвергать судно риску.

Воздух напитан дождем, строчки последних торопливых писем расплываются на влажной бумаге. Фритьоф заклеивает толстый пакет: в плавании ему удалось дописать работу по анатомии угря. Запечатав письма, он поднимается в «воронье гнездо».

До берега километров двадцать, не меньше. Все пространство рябит разреженным льдом. Кое-где темнеет чистая вода. У далеких береговых гор тускло светится гигантский ледник, ползущий к морю.

Нансен осторожно развертывает карту; дождевые капли гулко стучат по плотной бумаге. Он засекает компасом направление. Уже семь вечера. С мокрой палубы «Язона», задрав голову, на него вопросительно поглядывают спутники.

Что они чувствуют сейчас? Капитан Отто Свердруп дымит трубкой как ни в чем не бывало. Улуф Дитриксон тоже спокоен; этот пехотный лейтенант — сама дисциплина и воля. Кристиансен Трана, кажется, насвистывает что-то; вероятно, для того, чтобы скрыть волнение. Тране двадцать четыре года, и он

провел их в деревне за плугом. Но Трана вынослив, не боится никаких лишений, у него золотые руки.

Что касается Балто и Равны… Да, вчера оба лопаря откровенно сознались, что отчаянно трусят. Их маленький народ много веков кочует по горной тундре на крайнем севере Норвегии. Лопарю нипочем снега и морозы, но море для него — чужая, враждебная стихия.

Тщедушный Равна задрал голову в четырехугольной лопарской шапке. Он морщит свое круглое, безбровое лицо, и в глазах его надежда — может быть, начальник там, на мачте, одумается и не заставит бедных лопарей лезть в эту ледяную кашу?

Однако пора! Сердце Фритьофа сжимается. Такой милой, надежной кажется пропитанная ворванью дощатая палуба «Язона» — и так зловеща в вечерний этот час толчея равнодушных ко всему на свете мертвых льдин.

Быстро спустившись с мачты, Фритьоф натягивает коричневый непромокаемый костюм, прячет под остроконечный капюшон коротко остриженные русые волосы. Равна никак не может застегнуть пуговицы: дрожат руки.

Две лодки спущены за борт. Зверобои молча толпятся на палубе.

— Ну, желаю вам долго здравствовать! — говорит капитан Якобсен.

Нансен благодарит и первым спускается в лодку, к рулю. Тут кто-то спохватывается, раздается «ура», но какое-то невеселое. Коротко бьют корабельные пушки — прощальный салют…

С мачты «Язона» капитан Якобсон долго смотрит, как шесть фигурок, похожих в своих капюшонах на монахов, то гребут, то перетаскивают лодки через льдины.

Потом с береговых ледников наползли тяжелые тучи. Ночь обещала быть угрожающе мрачной. Капитан потерял лодки из виду. Теперь он корил себя за то, что но рискнул пойти во льды. Каково-то там Нансену на его скорлупках! Не послать ли лодку с матросами ему на помощь? Нет, пожалуй, Нансен скоро сам убедится, что поспешил, и вернется назад, к кораблю. А завтра, если льды позволят, старый «Язон» все-таки попробует пройти ближе к берегу.

Капитан сидел в «вороньем гнезде» до тех пор, пока далеко над ледяной глыбой не поднялся едва различимый флаг: это Нансен давал знать, что у него все в порядке.

— Отчаянный парень! — И повеселевший Якобсен приказал поднимать пары.

А Нансен тем временем с трудом пробивался к берегу. Лодки

попали в сильнейший водоворот. Одну из них чуть не раздавило между столкнувшимися льдинами. Всю ночь шестеро работали ломами и топорами, гребли веслами, отпихивались баграми.

Под утро дождь перестал. Темные зигзаги чистой воды тянулись к берегу, теперь уже недалекому. Равна, прищелкивая языком, советовал пристать возле отмели, на которой можно было бы мигом сварить кофе.

Тут сильное подводное течение неожиданно снова сплотило льдины. Обе лодки тотчас были вытащены на ледяное поле, но одна попала в узкую трещину, и острый обломок прорезал ее борт.

— Э-э, пустяки! Я сейчас! — И Кристиансон Трана достал свой плотничий топорик.

Свердруп взялся помогать ему. Вскоре свежая заплата надежно легла на поврежденный борт.

— Я же говорил — пустяки! — Трана любовался делом своих рук.

Но, пока стучали топоры, снова полил дождь, и берег заволокло. Благоразумно ли наобум пробиваться к земле после пятнадцати часов тяжелого, изнурительного плавания во льдах? Нансен распорядился поставить иа льдине палатку. Во время отдыха, думал он, туман, наверное, рассеется. И мгла действительно поредела, но не со стороны берега, а со стороны моря. Зоркий Равна разглядел дымок «Язона», который на всех парах уходил прочь от Гренландии.

— Ах, как мы глупы! — воскликнул донельзя опечаленный лопарь. — Вон судно уходит, а мы остались в великом море. И я чую — тут наша могила.

Он вытащил евангелие и принялся шептать молитвы. Равне было сорок шесть лет; но смекалистый лопарь прикидывался стариком, сообразив, что это дает ему немалые выгоды в обществе более молодых и крепких участников экспедиции.

Нансен посмеялся над пророчеством Равны, однако признался себе, что положение может стать серьезным.

Да, им оставался какой-нибудь час спокойной работы веслами — и они были бы на берегу. Поломка задержала их, а ничтожная задержка иной раз обходится в Арктике дороже дорогого. И вот теперь в треске и звоне ломающихся льдин, в потоках холодного дождя неведомое течение стремительно отбрасывает их от места предполагаемой высадки. Оно гонит льдину с лодками на юг и одновременно в сторону от берега. Пока еще земля не так далека, но быстро несущийся поток, где льдины переворачиваются, круша друг друга, где хрупкие лодки немедленно будут раздавлены и перемолоты, делает ео

недоступной.

Неужели ледяная ловушка захлопнулась?

На волосок от гибели

Земля уходила за горизонт дальше и дальше.

Два дня льдину с лодками течение упрямо и все быстрее подталкивало к наружной кромке дрейфующих льдов, прочь от берега, в открытое бушующее море.

Утром на третий день льдина треснула возле самой палатки. Они поспешно перебрались на другую. Они пытались затем переволакивать лодки на санях через ледовое месиво, но бросили эту затею. А меж тем уже слышался рев близкого прибоя. Было видно, как у кромки льдов взлетают хлопья пены.

Льдина, обломанная и обкусанная волнами, неумолимо приближалась к кромке. В любую минуту течение могло вытолкнуть, вытеснить ее прочь из ледового пояса. Если их не раздавит при этом, если не опрокинет, если им удастся пробиться через прибой, — тогда впереди, в лучшем случае, долгое скитание в открытом бушующем море.

— Жаркое это будет дело! — сказал Фритьоф Свердрупу. — Но не отдавать же дешево жизнь! А для борьбы нужны силы. Сейчас — всем спать!

Спать в этом аду? Нет, Равна не такой безумец. Пусть другие делают что хотят, а он будет молиться. Лопарь забрался в лодку, подпер голову кулаками, положил на колени евангелие, бормотал, бормотал и… заснул первым. Постепенно задремали и остальные. Только Отто Свердруп, как самый опытный моряк, остался на вахте. Засыпая, Нансен слышал успокоительно-равномерное похрустывание льда под его тяжелыми башмаками.

Ночью Фритьоф проснулся от сильной качки. Прибой грохотал совсем рядом. Вода бурлила уже возле палатки. Но, прислушавшись, Нансен различил знакомое равномерное похрустывание, представил себе крепкую, плотную фигуру Свердрупа, руки, глубоко засунутые в карманы куртки, и задумчивое, невозмутимое лицо. Если Свердруп не будит всех — значит, положение еще терпимо. И Фритьоф заснул снова.

Спал он довольно долго, а проснувшись, подумал, что сон еще продолжается — так тихо было вокруг. Выглянув из палатки, Нансен увидел Свердрупа, спокойно жующего табак. Что за чудеса: ни открытого моря, ни волн, а прибой — как отдаленная гроза!

— Было плохо, — сказал Свердруп. — Вынесло к самой кромке. Хотел будить, да подумал: подожду еще. Потом льдину совсем залило. Я боялся за лодки. Пошел будить — смотрю, нас втискивает обратно.

Такова Арктика: одна неожиданность за другой. В том, что ночью словно невидимая рука в самую опасную минуту снова втолкнула их льдину в гущу других, Равна усмотрел награду всевышнего за молитвы, которые он с таким усердием бормотал вчера.

Опасность отодвинулась, но не миновала. Их быстро несло на юг, далеко от земли, близко от кромки.

Прошел еще день, два, пять. И стало ясно, что если не произойдет перемен, льдину с лагерем может пронести мимо оконечности острова в безбрежный океан.

В лагере несли круглосуточную вахту. Когда приходила очередь Равны, вздохи и бормотание не смолкали ни на минуту. Он плохо разбирался в часах и, боясь разбудить сменщика раньше срока, иногда с чисто ангельским терпением простаивал на ветру вдвое больше, чем нужно. Но сколько горьких сетований уносил за это время ветер!

Сдал и Балто. Нансен, пытаясь подбодрить его, сказал, что все будет хорошо, что даже от самого южного конца Гренландии они, хорошо потрудившись, успеют подняться вдоль берега назад, чтобы пересечь материковый лед и со славой вернуться домой. Но Балто с грустью покачал головой:

— Ах, не говори так. Мы никогда не будем на берегу, нас унесет в океан. Мы с Равной молимся только о прощении наших грехов.

— Но разве в грехах каются лишь перед смертью?

— Нет, — в глазах Балто забегали лукавые огоньки, — поп говорит, что каяться нужно всегда. Но обычно-то можно не спешить с этим…

Балто добавил, что если он спасется, то будет вести жизнь праведника.

— А водка? — не отставал Нансен.

— Водка? Я брошу пить водку, — ответил Балто не особенно твердо и при этом испытующе посмотрел на начальника: может, тот как раз намерен предложить стаканчик? — А если буду пить, то совсем-совсем немного.

Фритьоф, угадав его мысль, рассмеялся:

— Мы не взяли с собой ни капли, ты избавлен от искушения.

Под вечер одиннадцатого дня дрейфа густой туман вовсе скрыл берег. Наутро Фритьоф, проснувшись, увидел озабоченно заглядывавшего в палатку Равну. Пощипывая реденькую бороду, лопарь о чем-то напряженно размышлял — наверное, о том, не пора ли будить следующего вахтенного. Еще бы не пора — Равна мерз уже четыре часа вместо двух! Нансен потянулся так, что затрещали кости, и спросил в шутку:

— Ну что, Равна? Тебе, наверное, удалось увидеть землю?

— Да, да, — залопотал тот. — Земля совсем близко.

Фритьоф насторожился:

— Что? А лед?

— Да, да, лед совсем редкий.

Фритьоф вскочил так порывисто, что чуть не повалил палатку.

Земля была почти рядом. В тумане их принесло к внутренней, прибрежной кромке ледового пояса.

— Эй, вставайте! Мигом! — закричал Нансен.

Свернув палатку, они побросали всё в лодки и принялись грести к чистой воде. Нансен воткнул на носу и корме большой лодки норвежский и датский флажки: ведь Гренландия принадлежала Дании. Для шведского флага места не нашлось…

Берег, берег! Чайки срывались со скал, вспугнутые возбужденными голосами. На обрыве бурели пятна мхов. Лодки скользнули в тень береговой кручи и заскребли днищем по отмели.

Какое блаженство — стучать каблуком по прочнейшему, надежнейшему камню так долго ускользавшего гренландского берега! А это что? Неужели комары, настоящие комары? Нет, жизнь все-таки прекрасна!

Впервые за двенадцать дней они могли напиться горячего шоколаду. Равна влил в себя столько кипящего божественного напитка, что едва мог приподниматься на локтях.

— Ладно, отдыхай, старина. Может, еще кружечку? — Нансен был в превосходном настроении. — Но с завтрашнего дня и до конца мы должны спать как можно меньше, есть мало и быстро, а работать как можно больше. Галеты, сушеное мясо, вода — вот и все, старина, что я могу тебе обещать.

— А суп? А кофе? — простонал Равна.

— Боюсь, что нам некогда будет их варить.

Нансен напомнил огорченному донельзя лопарю, что со всеми передрягами они и так потеряли целый месяц. Лодки унесло далеко к югу. Теперь надо снова подняться вдоль побережья, туда, где их высаживал «Язон». А оттуда они пойдут поперек Гренландии.

Отступления не будет.

Мосты сожжены

Лодки, держась берега, поползли на север, против ветра и течения.

На привале Фритьофу в гомоне чаек послышались вдруг голоса. Он подумал, что начинают сдавать нервы; но на всякий случай, сложив руки рупором, крикнул как можно громче.

Сначала ответило эхо. Потом раздался странный возглас. Две черные точки замелькали между льдинами.

Балто сказал, что побаивается этих неведомых созданий. Разве в таких местах могут жить люди? Ох, лучше бы избежать встречи!

Между тем точки превратились в легкие эскимосские каяки — обтянутые кожей лодки. Через несколько минут гости — впрочем, на этом берегу правильнее было назвать их хозяевами — причалили к скале и, приветливо улыбаясь, пошли навстречу Нансену.

Наконец-то пригодятся уроки, взятые у Ринка! Фритьоф торопливо вытащил из кармана изрядно потрепанные бумажки и обратился к темноволосым юношам, как ему казалось, на хорошем эскимосском языке.

Но эскимосы ровно ничего не поняли. Нансен, косясь на бумажки, старался выговаривать слова как можно отчетливее. Тот же результат. Заговорили эскимосы — теперь ничего не мог понять Нансен. Уж лучше объясняться жестами!

Изображая на лице то озабоченность, то ужас, то облегчение, эскимосы, как видно, хотели предупредить, что лодкам не следует приближаться к огромному леднику, спускавшемуся в море севернее места встречи. Это опасно, очень опасно! Особенно если смотреть на ледник, или смеяться, или нюхать табак. Ледник этого не любит, он забросает тогда нечестивцев своими обломками.

Дав столь ценные советы, эскимосы сели в каяки и легко понеслись между льдинами. Легкие двухлопастные весла мелькали мельничными крыльями.

Когда Свердруп повел лодки вдоль голубых стен льда, Равна и Балто, рискуя свернуть шею, упорно смотрели только в открытое море. Они ничуть не одобряли Нансена, который посмеивался над ними и приглашал хоть краешком глаза взглянуть на страшный ледник.

За ледником гостей уже ожидало много эскимосов. Стоя на выступах скалы, они кричали, размахивая руками, а многочисленные псы вторили им громким лаем и воем.

Зайдя в большую палатку из шкур, Нансен оказался посреди полураздетых охотников, их жен и детей. Было жарко. В нескольких каменных светильниках, где фитилями служил сухой мох, потрескивал чадный жир.

Эскимосы дарили гостям лучшее из того, что имели, — упругие ремни из тюленьей кожи. Они были поразительно бескорыстны и вовсе не думали о том, чтобы получить какую-то вещицу взамен.

А когда на другой день норвежцы погрузились в лодки, чтобы плыть дальше на север, эскимосы тоже свернули свой лагерь — ловко, быстро, без суеты. За полчаса они были готовы к далекому пути. Фритьоф представил, какая бывает суматоха, когда европеец переезжает всего-навсего из одного дома в другой…

После этой встречи и разлуки — у эскимосов был свой путь — норвежцы еще десять дней тащились вдоль побережья. Августовскими ночами небосвод уже светился легким пламенем северного сияния. Фритьоф читал где-то, что, по эскимосскому поверью, это души умерших детей весело играют на небе в мяч. Но у Равны и Балто северное сияние вызвало, как видно, более прозаические образы: они принялись ныть, что зима совсем близко, а лодки всё плывут и плывут невесть куда.

— Эскимосы хорошие люди, можно было бы остаться с ними и прожить зиму, — сказал Балто.

Нансен разругал его за малодушие. Тогда оба лопаря разразились потоками жалоб. Где кофе? Где похлебка? Они голодают, они ни разу не были сыты. И разве те жалкие крохи, которые они получают, — достаточная награда за труд с рассвета до ночи? Если бы они знали, что так будет, то продали бы всех своих оленей и сами заплатили бы много, много денег, чтобы только остаться дома.

Что мог ответить на это Нансен? Только то, что дальше вряд ли будет лучше. Он не хотел лгать. Да, пищи мало. Он и сам всегда голоден. Разве не делится каждый кусок поровну, по-братски между всеми? Если они станут сейчас есть досыта, то окажутся без еды как раз посередине Гренландии. Что тогда?

Лопарей эти доводы мало убедили и, уж конечно, не утешили.

До места высадки с «Язона», откуда Нансен намеревался пересекать остров, оставалось еще свыше сотни километров, а дни ранней осени летели с непостижимой быстротой. И что это были за дни! Временами поднимался ветер, который, несмотря на все усилия гребцов, отбрасывал лодки назад. Однажды с ледяной горы, которую они только что миновали, сорвался огромный кусок льда, и гора, потеряв равновесие, перевернулась. Если бы это произошло чуть раньше, то…

И Нансен понял, что нельзя больше рисковать, нельзя откладывать дальше штурм материкового льда. Что же, они попытаются начать его здесь, не доходя до ранее намеченного места.

Утром 10 августа он объявил, что здесь их последняя лодочная стоянка. Это было возле фиорда Умивик.

Лодки вытащили на берег. Из них вынули пять саней. Лопари и Трана, соскоблив ржавчину с полозьев, принялись укладывать груз. Дитриксон занялся составлением карты побережья. Нансен и Свердруп пошли на разведку, Фритьофу хотелось посоветоваться с этим молчаливым моряком, которого он с каждым днем ценил все больше и больше.

Свердруп вырос на Севере и лыжами владел так же хорошо, как ружьем. Жизнь сильно терла его: он знал бедность, был закален лишениями. Поработав сплавщиком леса на горной реке, Свердруп ушел в море, начал с матроса, а теперь, в 33 года, считался одним из самых опытных и хладнокровных капитанов.

Никакие опасности не пугали его. Именно он вызвался провести через океан подводную лодку одного изобретателя, который долго не мог ни за какие деньги подыскать человека для этого рискованного дела.

Свердруп редко смеялся, но никто не видел его и мрачным. Он постоянно был ровным, приветливым, а главное — непоколебимо спокойным.

Теперь, когда они, связавшись длинной веревкой, переползали через снежные мосты над трещинами ледника, Фритьоф откровенно рассказал Свердрупу обо всем, что его тревожило: хуже всего без ездовых собак — все придется тащить самим, а Равна, кажется, не очень работящ, да и Балто…

— Ничего, нагрузим побольше на свои сани, — сказал Свердруп.

Плоховато и с горючим, продолжал Нансен, они ведь сильно запаздывают, погода может быть холоднее, чем рассчитывали.

— Будем греть друг друга в мешках, — невозмутимо отозвался Свердруп. — Работа тоже греет. А есть можно и холодное.

Они вернулись только под утро, разведав сносную дорогу для подъема на ледник. Вернулись друзьями, хотя ни одного слова о дружбе сказано не было.

В ночь перед началом похода все спали, забившись в крохотную палатку. Лодки были вытащены на берег и перевернуты, пять саней с кладью стояли наготове. Оставалось только впрячься в них.

Сном праведника заснул и Фритьоф. Он был молод, здоров, верил в свои план — отчего бы ему и не поспать спокойно в эту ночь!

По обыкновению, он проснулся первым. Сегодня горстка людей сожжет за собой мосты. Они пойдут через ледяную пустыню к людям, к победе. Или… к гибели.

У них нет пути назад. К черту «линию отступления» —

ловушку для тех, кто действительно хотел бы любой ценой достичь цели! Когда позади сожжены мосты, в твоей голове не должно быть мысли о возвращении с полпути.

Не слишком ли тяжела его ответственность за тех, кого он поведет? В сотый раз принялся Нансен пересчитывать в уме килограммы продовольствия, километры пути. Килограммов было мало, километров — много. Но отступления не будет!

Нансен разбудил товарищей: пора собираться в путь.

На ледяной купол

Итак, за краем обрыва перед ними на сотни километров простирался материковый лед Гренландии. Никто не мог сказать, как высок и крут его гигантский купол, изрезан ли он трещинами, метет ли неистовая пурга снег по его поверхности или там в неподвижности стынет морозный воздух; а может, где-то в еще не доступных человеку долинах Гренландии действительно таится зеленый оазис? Они пойдут и узнают. Они увидят то, что еще никто ни видел.

Начало похода за разгадкой тайн острова Нансен назначил на 15 августа.

День был теплым. Мокрый снег прилипал к полозьям. Втроем по очереди впрягались в каждые сани и, подняв их немного по крутому склону, возвращались за следующими.

Сначала закапал, а потом разошелся вовсю дождь. Он лил и лил не переставая. Свердруп сказал, что Нансен, наверное, невзначай прихватил с собой бергенскую погодку.

За первые трое суток они прошли так мало, что можно было впасть в отчаяние. Мокрая одежда на ветру облепляла тело, через палатку бежали ручьи. Чтобы вода не залила сшитые из оленьих шкур спальные мешки — их было два, и в каждом помещалась половина экспедиции, — на пол клались лыжи и палки.

Потом похолодало. Идти стало легче. Но кто бы мог подумать, что их будет мучить жажда! Люди просыпались с пересохшими ртами и с мечтой о кружке крепкого чая. Но горючее берегли для худших дней. Жаждущие жевали снег; отчаянно ныли зубы, а пить хотелось по-прежнему.

Днем, разгоряченные ходьбой, они клали набитые снегом жестяные фляжки за пазуху, прямо к потному телу, чтобы скорее освежить рот несколькими глотками талой воды. Но и вода не утоляла постоянную жажду, которая в арктической пустыне мучила, как в пустынях юга.

В те годы мало задумывались о том, почему снегом не напьешься. А ведь жажда ощущается не только из-за того, что человек, потея, теряет воду; он теряет при этом нужные организму соли. Пот-то соленый! А в снеговой и ледниковой воде солей нет.

Вволю попить горяченького им удалось только раз, на девятый день похода. Они поднялись к этому времени высоко на купол. Снег уже не прилипал к полозьям. Прихваченный морозцем, он скрипел и похрустывал. Непромокаемые промасленные чехлы от спальных мешков стали лишними. Их

разорвали на тонкие полосы и жгли под набитой снегом большой жестянкой. Из подтекавшей жестянки с шипением падали в костер капли. Чад и хлопья сажи наполняли палатку. Вода не закипала очень долго.

Нансена и его спутников сажа превратила в негров. Пробовали мыться снегом — только размазали копоть. По-настоящему они не умывались уже много дней. Фритьоф утешал чистоплотного Свердрупа:

— Право, черный цвет идет к твоей физиономии. Нет, дружище, если человека мучит жажда, он не будет колебаться в выборе между мытьем и питьем. Вряд ли найдется чистюля, который попытался бы соединить то и другое, то есть сначала вымыться, а потом выпить эту воду.

На одиннадцатый день похода Фритьоф занес в дневник: «Мы провели приятное воскресное утро с кофе в постели».

Накануне они плелись, увязая в рыхлом снегу. Дышалось трудно: за эти дни непрерывного подъема в гору их маленький отряд почти достиг высоты двух километров над уровнем моря. Плечи, стертые лямкой, горели, будто их обварили кипятком. Сильный ветер дул прямо в лоб. Чтобы не терять времени, пищу варили на ходу. Фритьоф поставил печку со спиртовой лампой на сани, потом бросил в воду кусок «колбасы» из сушеных бобов.

Когда путники расселись с ложками на полу парусиновой палатки, кто-то задел кипятильник — и варево вылилось, смешавшись с талой водой, комками снега и горящим спиртом.

— Хватай за углы! — крикнул Фритьоф.

Они вскочили, приподняли парусину, слили жижу в кастрюлю и… бережно поставили ее на огонь: пусть доваривается.

Набив животы этой смесью — назвать ее супом было бы вопиющим преувеличением, — они снова потянули сани навстречу метели и поставили палатку лишь тогда, когда ноги отказались служить.

Ветер вдувал в щели снег. От входа тянулись белые полосы. Утром Фритьоф не мог сразу всунуть ноги в башмаки: в них было полно снега. Чертыхаясь, он принялся варить кофе, потом тщательно разделил на маленькие кучки ломтики жесткого, как подошва, сушеного мяса.

Над ледником вставал мутноватый рассвет, когда Фритьоф разбудил товарищей. Каждый из них получил прямо в обледеневший мешок по дымящейся кружке. Все это, вместе взятое, по его мнению, вполне давало основание записать: «Мы провели приятное воскресное утро с кофе в постели»…

Пока каждый глотал свою порцию, Фритьоф, глядя, как ветер вдавливает стены палатки, сказал в раздумье:

— А что, если на санях поставить паруса?

Равна и Балто возмутились. Равна сказал, что он родился и вырос в тундре и весь его народ тоже живет в тундре, где ветры дуют посильнее, чем тут, но ликакой лопарь еще не додумывался до такой чертовой ерунды, как парусные сани.

Фритьоф рассмеялся. Чертова ерунда? Вот так бывает частенько в жизни: старое противится свежей мысли. Вековые привычки цепки, но зачем же быть у них в плену? Почему бы не посмотреть на вещи с разных точек зрения, иногда с самых неожиданных, вместо того чтобы полагаться только на чужое мнение и чужой опыт?

Ворчавшим лопарям пришлось вместе со всеми потрудиться над устройством снежных паромов. Между собой связали двое и отдельно трое саней, поставили на них бамбуковые шесты от палатки. Палаточный пол и куски брезента заменили паруса.

Если бы еще попутный ветер! Но он дул сбоку. После совета со Свердрупом Нансен решил взять более южное направление, чем намечал сначала. Ведь было неизвестно, сколько еще им карабкаться в гору и на какой высоте начнется желанный спуск к западному берегу. От этого берега их отделяли сотни километров, а погода становилась все хуже и хуже. Взяв курс южнее, на селение Годтхоб, можно было немного сократить путь и, «поймав ветер» в паруса, сделать его седьмым работником в санных упряжках.

Несколько следующих дней метель подгоняла «паромы» по глубокому переметенному снегу. Ход ускорился немного, но облегчился труд тянувших сани.

В век мамонта

Труд этот был тяжел и удручающе однообразен — труд вьючных животных, которых кормят не досыта и которые никогда не отдыхают как следует.

Утром, днем, вечером только снег, лед и небо. Одно и то же неделю, вторую, третью. Время остановилось для них. Казалось, сколько ни ползи по ледяной пустыне, все тот же белый саван будет стелиться под твоими ногами, пока однажды ты не упадешь, чтобы уже не встать больше.

Люди почти не говорили друг с другом. Ими постепенно овладели безразличие и отупение. Неутолимая жажда, поскрипывание снега под ногами, мертвецкий сон в холодной палатке — так вчера, так сегодня, так завтра.

Иногда они мечтали. Не о славе, не о доме — о еде: обильной, сытной, а главное — жирной. О горах масла и сала. Однажды Свердруп, смущаясь, спросил Фритьофа:

— Если я съем сапожную мазь — в ней ведь вареное льняное масло, — не будет это вредно?

Нансен осторожно сказал, что это вряд ли было бы благоразумным. Свердруп огорчился.

— Я голоден как волк, — сознался он.

Налегая на лямку, Нансен и Свердруп жевали щепки. Это освежало и даже как будто утоляло жажду. За две недели они сжевали сделанные из горьковатых черемуховых прутьев плетения запасных лыж канадского типа.

Чем выше поднималась экспедиция, тем холоднее становилось. Мороз подмораживал пятки. Сверху сыпался мельчайший снег, похожий на замерзший туман. Он был жестким, твердым, и сани скользили по нему немногим лучше, чем по песку. В небе сквозь морозную пыль тускло мерцали пятна ложных солнц: солнечный свет преломлялся в мельчайших ледяных кристалликах, которыми был насыщен воздух.

Казалось, машина времени перенесла шестерых современников паровой машины и телеграфа в ледниковый период истории Земли, который старушка Европа пережила многие тысячелетня назад. Фритьоф представлял себе, что бесконечный гренландский ледник полз уже в те давние времена, когда пещерные люди охотились па мамонта. Теперь их далекие потомки, вырванные из условного круга цивилизации, испытывают все тот же первобытный голод и так же жмутся к огню.

11 сентября у термометра, лежавшего на полу возле

спального мешка, столбик спирта спустился ниже последней черточки. Больше 40 градусов мороза. И это «дома», в палатке, согретой дыханием шести человек! Было похоже, что возле вершины гренландского ледяного купола находился еще один полюс холода Северного полушария.

И не здесь ли, в Гренландии, рождаются холодные бури, вторгающиеся на материк Европы? Не здесь ли нужно искать причины многих особенностей климата не только в полярных странах, но и на огромном пространстве далеко от Гренландии?

Впрочем, мысли об огромной ценности метеорологических наблюдений в центре острова мало согревали Нансена и Дитриксона, когда они возились на морозе со своими инструментами — небольшим теодолитом, карманным секстантом, гипсотермометром. Попробуй-ка тщательно вести наблюдения, если отросшая борода смерзлась с капюшоном в одну ледяную маску и мешает поворачивать голову, если мороз склеивает заиндевевшие ресницы, а на металлических винтах теодолита остаются примерзшие к ним белые лоскутки кожи с пальцев.

В эти мучительные дни лопари открыто роптали, и даже двужильный Кристиансен Трана в разговоре с Дитриксоном пожаловался, что не может понять, как это люди добровольно обрекают себя на такие муки. Один Свердруп молча сносил невзгоды.

Фритьофу было тяжелее других. Он брал на себя вину за все. Это он не заметил при сборах, что в сушеное мясо положили мало жира. Это он не настоял, чтобы капитан Якобсен попытался пробиться на «Язоне» ближе к берегу, — тогда они, возможно, не потеряли бы месяц. Это он плохо позаботился о запасах табака и должен теперь мучиться, глядя, как курильщики набивают трубки волокнами просмоленной веревки.

Был ли Фритьоф начальником экспедиции? Да, когда дело шло об ответственности. Нет, если считать, что начальник должен пользоваться какими-либо благами и преимуществами по сравнению с остальными.

Неизменно, с первого дня похода, Фритьоф вставал раньше спутников. Высунув голову, белую от инея, он выползал из мешка к кипятильнику и, стуча зубами, наливал спирт в «кусающуюся» металлическую лампу. Замерзшие фитили долго не разгорались, снег таял в кастрюле невыносимо медленно.

Дав завтрак «в постель» своим товарищам и наскоро поев, он шел вместе с ними соскабливать снег, примерзший к полозьям. Потом впрягался в самые тяжелые сани и тянул до привала. У других сани становились легче, у него — тяжелее: он переложил к

себе часть груза Равны.

Когда другие валились на привалах в снег, Фритьоф развешивал на точных весах порции сушеного мяса. Вечером ему же, как самому сильному, приходилось больше всех возиться с палаткой. Он утешал себя любимой поговоркой капитана Крефтинга о лисице, с которой сдирали шкуру. Все на свете проходит, должен же быть когда-нибудь конец и этой муке.

Однажды Нансен и Свердруп, со свистом дыша, вытягивали вдвоем на ледяной бугор тяжелые сани. Ноги подгибались от усталости, противная вялость расслабляла мускулы.

— А к полюсу? — прохрипел Нансен, останавливаясь. — Ты думаешь, к полюсу идти легче?

Свердруп покосился на него:

— Ты к чему это?

Но Фритьоф уже снова навалился на лямку.

Берег Доброй Надежды

Фритьоф считал, что 4 или 5 сентября экспедиция была на самой высокой точке своего пути: 2720 метров над уровнем моря. Значит, скоро должен начаться заметный уклон к западному берегу — к берегу, где тепло и крыши Годтхоба, люди, обильная еда. Подбадривало уже само название поселка — в переводе с датского обо означало «Добрая надежда».

И настал час, когда сани как будто полегчали, хотя на глаз ледник все еще казался ровным. 17 сентября — это был шестидесятый день с того хмурого вечера, как «Язон» скрылся на горизонте — первый привет с желанного западного берега принесла пуночка. Она покружилась над палаткой, где по случаю конца второго месяца похода каждый наслаждался праздничной порцией масла и куском сахара. Вместе с приветом птичка принесла и попутный ветер.

Подгоняемые им санные паромы понеслись под уклон. Свердруп управлял первым снежным кораблем. Он бежал на лыжах впереди парома, а Фритьоф поспешал сзади.

— Идет дело! — восклицал Свердруп, прибавляя ход.

Сани подскочили на снежном гребне, и с них свалился ледоруб. Нансен наклонился на ходу, задел лыжами за сугроб и растянулся в снегу. Снежный корабль тем временем летел дальше с возрастающей быстротой, теряя на ходу всякую всячину: меховую куртку, жестяные ящики, запасные лыжи. Свердруп, не оглядываясь, покрикивал:

— Эх, хорошо! Совсем хорошо!

Но Нансен, который, как думал Свердруп, сидел на санях за парусом, почему-то отмалчивался. Капитан снова гаркнул что есть мочи:

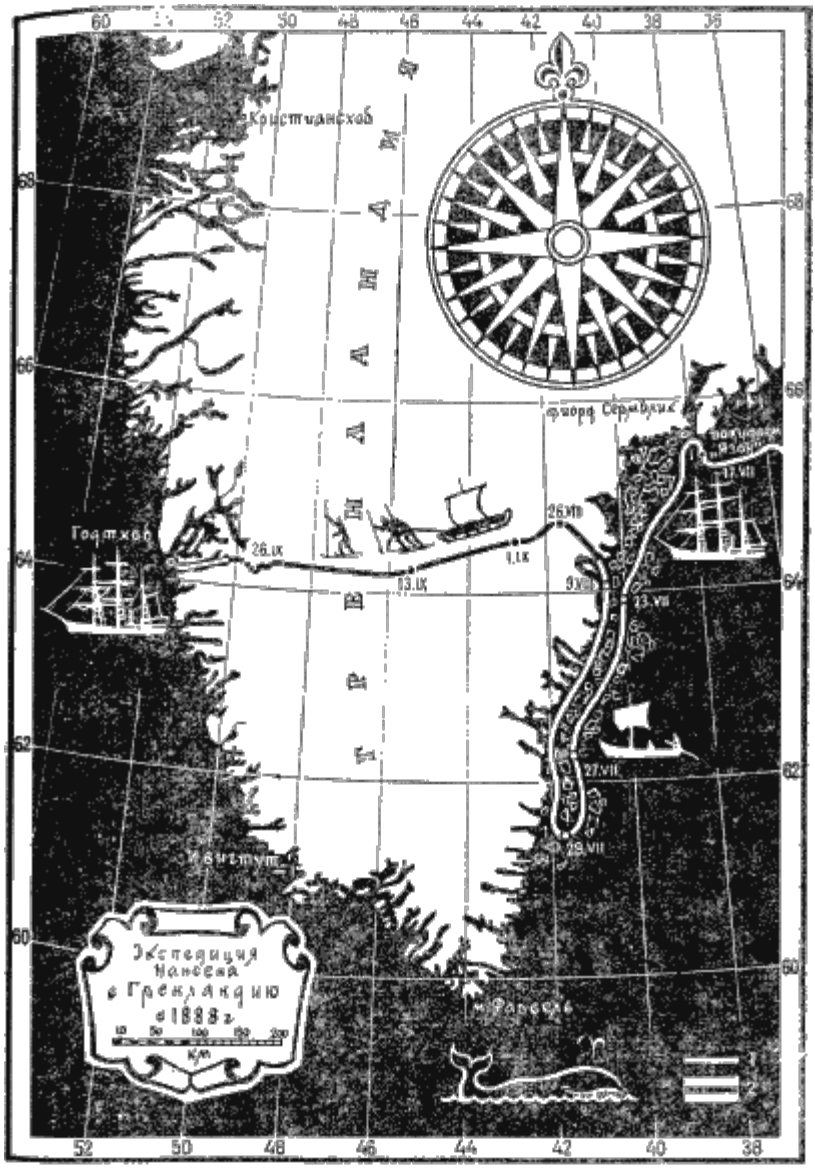
— Право же, дело идет отменно!

Никто не откликнулся. Заподозрив неладное, Свердруп остановил сани и оглянулся: далеко сзади еле различались черные точки. Капитан поспешно спустил парус…

Увязав сани покрепче, они в свисте метели понеслись дальше. Склоны становились все круче, движение — все бешенее.

— Земля! Земля! — по-корабельному закричал вдруг Балто.

Сквозь снежную мглу темнели две горные вершины.

1. — Путь Нансена в дрейфующих льдах. *2.* — Маршрут перехода через Гренландию.

Хребты западного побережья! Цель, теперь уже близкая, видимая!

Конечно, никто не думал об отдыхе. Хотя начался лед, весь исполосованный трещинами, сани при свете луны продолжали нестись мимо черных провалов. Темная полоска хребтов заметно приподнялась над ледяным морем.

Великий ледник кончался!

Ночью в палатке Фритьоф долго лежал с открытыми глазами,

прислушиваясь к храпу товарищей. Нестерпимо болели обмороженные пальцы, а в голове стучало: «Победа, победа, победа!»

Утром были ясно видны горы, похожие на хребты Норвегии. Равна уверял, что он своим носом старого горного лопаря чует запах обнаженной земли и мха.

И, хотя на их пути попались скользкие гребни голого льда, хотя бурю с градом сменил мокрый снег, прикрывший трещины ледника, — все было теперь нипочем.

Боже мой, вот и предмет долгих, страстных желаний: лужа! Большая лужа талой воды. Припав к ней, они пили, пили, пили. Им казалось, что они способны выпить все до дна. Балто еле встал, прошел несколько шагов и снова вернулся к луже.

Утром 24 сентября Нансен, шедший впереди, очутился у края кручи. Серый лед с разбросанными по нему камнями обрывался у небольшого озера, а дальше была земля — настоящая, черная, со слабой зеленью на холмах. Ветер доносил из долины запах мокрой травы, раскачивал чахлый ивовый куст, вцепившийся в расщелину.

Страшный материковый лед был пересечен.

Подбежали остальные. Никто не поздравлял друг друга, не обнимался. Всякие торжественные слова были тут лишними.

Через два дня экспедиция спустилась к синему фиорду Амералик. Из палаточной парусины, лыжных палок и ивовых ветвей смастерили легкую лодчонку. Нансен и Свердруп поплыли на ней к Годтхобу, чтобы потом вызволить остальных.

Лодка протекала. Каждые десять минут воду из нее вычерпывали кружками. Гребцы сидели па узких бамбуковых палках. После нескольких часов плавания известная часть тела ныла нестерпимо…

Последнюю ночь перед встречей с цивилизованным миром Нансен и Свердруп коротали у костра на одном из островков.

— Чудесный вечер! Посмотри, какие звезды. — Нансен лежал на спине, вдыхая запах увядающих трав. — Да, приходилось тяжело, но дело наше сделано. И знаешь, Свердруп, очень странно, но мне не хочется спешить в этот Годтхоб. Пожалуй, наибольшую ценность жизни придает борьба за достижение цели, а не само ее достижение. Как ты думаешь?

Свердруп молча кивнул.

— Слушай, пошел бы ты со мной к Северному полюсу? — неожиданно спросил Нансен.

— Отчего бы нет? — Свердрун сказал это совершенно спокойно, как будто речь шла о прогулке в воскресный день. — Я понял: ты неспроста заговаривал о полюсе там, на леднике.

— Знаешь, у меня даже есть план…

То, что услышал Свердруп, показалось ему крайне странным, несуразным и, уж во всяком случае, совершенно необычным. Он не мог сразу собраться с мыслями и лишь пробурчал в замешательстве:

— Ну, это ты, пожалуй, того…

— Ладно, не торопись с ответом. И пока — никому ни слова. Спокойной ночи.

Они завернулись в балахоны, залезли в заросли под скалой и проспали до рассвета.

На следующий день возле Годтхоба их встретила толпа эскимосов и молодой чиновник. Он принял Нансена и Свердрупа за потерпевших кораблекрушение английских матросов и растерялся, услышав норвежскую речь. Чиновник растерялся еще больше, когда узнал имена бородатых бродяг:

— О, так вы господин Нансен!.. Мы недавно получили газеты из Норвегии, и я рад поздравить вас с присуждением докторской степени.

От волнения чиновник забыл поздравить Нансена с пересечением Гренландии…

— Скажите, когда уходит судно в Европу?

— О, господин Нансен, последний корабль ушел из Годтхоба несколько месяцев назад. И, насколько я знаю, на острове нет сейчас ни одного корабля. Впрочем, извините, может быть, «Фокс» задержался в Ивигтуте. Но это в четырехстах километрах отсюда. Я думаю, что вам придется зимовать у нас. Я так рад, так рад…

Но чиновник поперхнулся, увидев, как вытянулись лица у Нансена и Свердрупа.

Среди эскимосов

Эскимосы привезли в Годтхоб четырех товарищей Нансена. Все снова собрались под одну крышу — вернее, под две, потому что губернатор счел решительно неприличным пребывание в одном доме доктора зоологии и «невежественных лопарей».

Балто и Равна заинтересовали эскимосов куда больше, чем Нансен: на европейцев они насмотрелись достаточно, лопари же казались им пришельцами из другого мира. Балто это даже вскружило голову. Почти каждую фразу он не без высокомерия начинал словами: «Мы, лопари… У нас, лопарей…»

Нансен не терял надежды, что «Фокс» завернет из Ивигтута в Годтхоб и возьмет экспедицию. Но нарочный, посланный туда с письмом Нансена, застал корабль поднимающим якорь. Капитан «Фокса» в короткой записке ответил, что не знает фарватера возле Годтхоба и не рискнет идти сюда темными осенними ночами. Письма же, которые послал Нансен, он обещал доставить лично, едва «Фокс» достигнет берегов Европы.

Фритьофу и его товарищам предстояло зимовать в Годтхобе. Нансен находил лишь один плюс в гренландской зиме: ее можно было использовать для тренировки к новому походу в Арктику, план которого он обдумывал и так и этак. Эскимосы отлично чувствуют себя на своей суровой земле. Приблизиться к их образу жизни — значит развить в себе качества, очень полезные при арктических путешествиях.

Фритьоф не предполагал тогда, что гренландская зима быстро пролетит для него, что, рассказывая потом о жизни в Годтхобе, он будет говорить о шести счастливых месяцах.

Да, он был по-своему счастлив в построенных из камня и торфа эскимосских хижинах, где бывал чаще, чем в просторных комнатах губернаторского дома. Фритьоф охотился с эскимосами, с ними веселился, ел то, что с аппетитом уплетали они, — сырой тюлений жир или мерзлые ягоды.

Язык эскимосов за полгода стал ему понятным так же, как и их обычаи. Он привык откликаться на прозвища. Одно из них в переводе означало «большой человек», другое — «предводитель длиннобородых», хотя бороду тут, в поселке, не остриг только Свердруп.

На рождество «предводитель длиннобородых» затеял елку для эскимосских детей и с увлечением отплясывал вокруг деревянного кола с привязанными к нему зелеными ветками можжевельника. Он играл с детворой в эскимосскую игру, похожую на футбол, удивляясь, что игроки, в отличие от

европейских ребят, почти не спорят и не ссорятся на поле.

За одну зиму Фрптьоф приобрел среди эскимосов, наверное, больше друзей, чем все живущие в Гренландии европейцы, вместе взятые.

Фритьоф учился владеть каяком. Плавание в этой крохотной кожаной лодочке, такой легкой, что охотник может много миль протащить ее на плече, — искусство, в котором достигает совершенства далеко не всякий эскимос. О европейцах же и говорить нечего.

Каяк и человек должны стать одним целым. Втиснув нижнюю часть туловища в круглое отверстие кожаного верха лодочки, эскимос надевает непромокаемую одежду с капюшоном и нижние края ее завязывает вокруг деревянного обруча над отверстием. После этого внутрь не может попасть даже капля воды. Но, если каяк перевернется, человеку очень трудно вынырнуть из-под него. Неопытный гибнет. Опытный самостоятельно или с помощью товарищей ухитряется вернуть каяк в прежнее положение.

Фрптьоф не рисковал затягивать одежду вокруг обруча. Он не раз вываливался из каяка возле берега, прежде чем лодчонка стала слушаться его. Но потом начал на каяке выходить в море вместе с эскимосами, охотившимися на хохлачей или ловившими рыбу. Он смотрел и не мог насмотреться на эту игру с морем и со смертью.

Налетел шторм — и, как черные буревестники, понеслись эскимосы к берегу сквозь волны, обрушивающиеся на них. Весла мелькают то в воде, то в воздухе, тело наклонено немного вперед. Сколько отваги! А если из бушующих волн вынырнет тюлень, эскимос молниеносно выхватывает гарпун — и потом все с той же неподражаемой ловкостью тянет за каяком убитое животное. Каждую секунду волна может поглотить каяк, но лицо охотника спокойно. У него и мысли нет о том, что он герой. Это его будни, его обычная жизнь. «Здесь он велик, — думалось Нансену. — Как жалки мы рядом с ним!»

А пока мужчины единоборствуют с бурей, женщины толпятся на берегу, забыв о пронизывающем ветре. Им мерещится, что далеко в волнах прыгают черные точки. Наконец в самом деле появляются каяки. Сколько их? Не хватает двух. Женщины бледнеют, снова и снова пересчитывают точки. Нет, вот еще одна и еще… На этот раз беду пронесло.

И ведь не только шторм угрожает охотнику. Каяк легко может разорвать хохлач, проткнуть бивнями морж, перекусить своими страшными зубами касатка. Да что хищная касатка! Крупная рыба, попавшая на крючок, утягивает под воду каяк вместе с пловцом, если тот не успеет вовремя обрезать лесу.

Нелегка жизнь эскимоса, но природу он побеждает. Гораздо тяжелее и непосильнее для него борьба с людьми, которые думают лишь о том, как бы нажиться за счет эскимосов.

Нансен побывал за зиму в нескольких селениях. Везде он видел одно и то же: угасание народа.

Старики говорили ему, что на острове было много диких оленей. Купцы дали охотникам винтовки и велели стрелять животных. Мясо бросали: купцам были нужны только шкуры. Теперь диких оленей почти не осталось.

Многие семьи обеднели, больных туберкулезом стало больше, чем здоровых. Развращающее влияние денег, погоня за наживой все сильнее сказывались на этом народе, который жил раньше одной большой семьей.

Любой европеец, даже самый ничтожный и плюгавый, считал себя маленьким царьком на острове. Он сам издавал законы и строго взыскивал за их нарушение. В одном из селений возле Годтхоба Фритьоф увидел на стене дома объявление: «В поселке строго запрещается иметь собак». Почему? Да потому, что местный священник боялся, как бы собаки не напугали его любимую козу.

Фритьоф негодовал, спорил с губернатором, с колонистами-датчанами. Написать бы книгу о жизни эскимосов — правдивую, горькую! В свободные вечера Фритьоф делал наброски.

«Каждый раз, — записывал он, — когда я видел доказательства их страданий и бедствий, которые мы принесли им, остаток справедливости, все же находящийся в большинстве из нас, будил во мне чувство негодования, и я полон жгучего желания рассказать правду всему миру… Я знаю очень хорошо, что мой голос будет как крик вопиющего в пустыне, даже без гор, которые могли бы эхом повторить его. Моя единственная надежда — это пробудить в некоторых чувство симпатии к эскимосам и печали об их судьбе».

…Пролетели зимние месяцы, пришла весна, взломавшая морские льды. 15 апреля 1889 года жители поселка сбежались к берегу: вдали показался корабль. Нансен и его товарищи бросились к каякам.

На приближающемся судне вдруг спустили датский флаг и подняли норвежский. Фритьоф не сразу понял, что это в их честь. Он не знал, что письма, доставленные в Европу капитаном «Фокса», были напечатаны в тысячах газет и мир восторгается подвигом в Гренландии.

Что сказать об обратном пути экспедиции на родину? Это было триумфальное плавание с бесконечными обедами, ужинами, завтраками, где речей было больше, чем блюд, а торжественности

больше, чем искренности.

В солнечный день 30 мая вся Кристиания вышла на берег фиорда. Множество лодок встречало героев.

Нансен в поношенной серой куртке стоял возле борта со своими товарищами. Свердруп равнодушно смотрел на суету вокруг. Балто самодовольно улыбался. Тщедушный Равна, подавленный пышностью встречи, прятался за спину Нансена и твердил, что все это красиво, но лучше бы вместо людей вокруг было так же много оленей.

На одной из лодок, встречавших пароход, худощавый горбоносый подросток размахивал руками и орал так неистово, что нельзя было не обратить на него внимания. Нансен помахал шляпой.

— Руал Амундсен, это он тебе! — закричали подростки с других лодок. — Ему понравился твой нос.

Но Руал как завороженный смотрел на высокую фигуру Нансена, и ему казалось, что перед ним — оживший викинг из древних норвежских саг.

«ФРАМ» БУДЕТ ТВОЕ ИМЯ!

Ева Нансен

Впервые Нансен увидел ее на холме Фрогнер возле Кристиании.

Это было еще до гренландской экспедиции. Он бежал по следу какого-то лыжника, который, как видно, не боялся крутых спусков. След привел к сугробу, где барахталась, пытаясь высвободить застрявшие в снегу лыжи, маленькая фигурка.

— Э-э, приятель, давай подсоблю! — И Фритьоф со смехом ударил лыжника по плечу.

Но тот, ловко извернувшись, сам приподнялся на колено. Черные глаза гневно сверкнули на залепленном снегом женском лице. Смущенный Фрнтьоф помог лыжнице встать.

— Вы не ушиблись? Если угодно, я провожу вас.

Девушка холодно поблагодарила и посоветовала Фритьофу идти своей дорогой.

Он забыл об этой встрече, но однажды, приехав в Кристианию по делам экспедиции, снова встретил девушку с черными глазами. Она прогуливалась с подругой по бульвару возле университета. Нансен приподнял шляпу. Девушка узнала его, но не проявила никакого желания продолжать знакомство. Подойти к ней и представиться Фритьоф не решился.

Потом он встречал ее на улице еще два раза и узнал, что девушку зовут Евой Сарс. Она была дочерью покойного профессора Михаэля Сарса, основателя Бергенского музея. Говорили, что Ева — талантливая певица, что она окружена поклонниками и не отличается особенной кротостью нрава.

Незадолго перед отъездом гренландской экспедиции один из знакомых привел Фритьофа в дом Марен Саре.

Мать Евы была собирательницей народных песен и великолепной рассказчицей старинных саг. В ее доме собирались поэты, художники, музыканты. Тут был частым гостем сам Бьёрнстьерне Бьёрнсон. Нансен провел приятный вечер, слушая пение Евы.

Когда Кристиания торжественно встречала участников экспедиции, Фритьоф искал взглядом в толпе знакомую гордую головку. Но, должно быть, Ева не пришла в порт.

Минуло еще некоторое время. Однажды Ева стояла на улице с подругой. Они оживленно болтали и не заметили, как с проезжавшего мимо экипажа на всем ходу соскочил молодой человек.

— Филиппин!.. — со смехом воскликнул он, схватив руку Евы. — Я выиграл! И знайте, что потребую многого.

Раньше чем она опомнилась, Фритьоф в несколько прыжков догнал экипаж.

Филиппин! Ева растерянно улыбалась. Подруга нетерпеливо заглядывала ей в глаза, всем своим видом говоря: «Ну? Я сгораю от любопытства!»

Ева нехотя рассказала, что перед отъездом в Гренландию этот самый Нансен был у них дома. И есть такая глупая игра: двое съедают по половине одного грецкого ореха, и тот, кто при следующей встрече первый успеет сказать «Филиппин», считается выигравшим и может требовать любой подарок…

— Он писал тебе оттуда? Да?

— Несколько строчек с дороги…

— А по-моему, он от тебя без ума!

— Глупости! — вспыхнула Ева.

Все это произошло летом 1889 года, а немного позднее, в дождливую августовскую ночь, сводную сестру Фритьофа разбудил сильный стук в дверь. Было далеко за полночь — время не очень подходящее для визитов. Поэтому муж сестры, раньше чем открыть дверь, распахнул окно и гаркнул:

— Какого черта! Кто это беспокоит людей по почам?

Под окном стояла длинная серая фигура.

— Фритьоф? Ты?

— Я. Впусти.

Наверное, произошло какое-нибудь несчастье. Сестра дрожащими руками зажгла лампу. Вошел Фритьоф в обвисшем мокром костюме. На полу тотчас образовалась лужа.

— Боже мой, Фритьоф, что случилось?

Фритьоф, поглубже засунув руки в карманы, сказал:

— Решено — я женюсь на Еве!

Муж сестры выругался, прежде чем поздравить жениха. Затем он пошел за вином. Начался ночной пир. Фритьоф не был особенно откровенным с сестрой и сказал коротко, что и сам не заметил, как полюбил Еву, и что Ева тоже любит его. Так почему бы им не быть счастливыми!

Сестра в душе не одобряла выбор Фритьофа. Ева была младшей в семье, ее баловали с детства. Она привыкла к поклонникам, к успеху на сцене. А Фритьоф всегда по горло занят своими делами. Или, может, Ева заставит его взяться за ум и получить солидное, спокойное место?

Вскоре Нансен известил о помолвке с Евой друзей. Свердруп, зайдя поздравить друга, долго вздыхал и наконец решился:

— А Северный полюс — ко всем чертям?

— Нет, старина, что ты! — Нансен взял его за плечи. — Я сказал ей все. Понимаешь? Я предупредил ее, что должен пойти

туда.

— И она?..

— Она — настоящий человек!

Перед свадьбой Евы старая Марен Сарс пролила немало слез: Фритьоф сначала отказывался венчаться в церкви. Мать Евы долго уговаривала его, напоминала о религиозности отца, говорила о сплетнях, которые, конечно, тотчас поднимутся вокруг брака, не освященного церковью. Пусть он подумает не только о себе, но и о Еве, о будущих детях…

Молодой и уже знаменитый путешественник женится на молодой и уже известной певице! В церкви была давка. Фритьоф страдал от духоты. Ему хотелось скорее на воздух. Накрахмаленный воротничок давил шею.

Вместо веселого свадебного путешествия молодые поехали на географический съезд в Лондон. Съезд тянулся неделю. У Евы Сарс, теперь Евы Нансен, было достаточно времени, чтобы в одиночестве поразмыслить о некоторых неудобствах жизни с таким человеком, как Фритьоф.

Когда съезд кончился, Ева взбунтовалась и сказала, что если Фритьоф намеревается и дальше целыми днями просиживать со своими учеными, то она немедленно купит билет на пароход и вернется домой. И чтоб никаких корреспондентов: они отняли столько часов у нее и Фритьофа!

Фритьоф со смехом покорился. И три недели в Лондоне, а затем в Париже они ранним утром уходили из гостиницы, чтобы до ночи бродить по бульварам, паркам и музеям.

Осенью на торжественном заседании Шведского антропологического и географического общества в Стокгольме король вручил Нансену высшую в стране географическую награду — медаль «Веги». Только пять человек получили ее до Фритьофа — сам Нордеишельд, капитан «Веги» Арнольд Паландер, русский путешественник по Африке Василий Васильевич Юнкер, американский путешественник Генри Мортон Стенли и всемирно известный исследователь Центральной Азии Николай Михайлович Пржевальский.

Лондонское королевское географическое общество позже тоже присудило Фритьофу свою высшую награду — медаль Виктории. В дипломе несколько высокопарно было сказано, что медаль доктору Нансену присуждается за то, что он первым перешел через материковый лед Гренландии; за то, что он, стоя во главе крайне опасной экспедиции, проявил наилучшие качества путешественника-исследователя; за то, что при всех испытаниях и трудностях он сделал много астрономических и метеорологических наблюдений, выполнив долг деятеля науки; за

то, что он пролил свет на физический характер внутренних областей Гренландии и вообще достиг своей экспедицией многих ценных научных результатов.

Крючок в губе

Вернувшись в Кристианию после поездок по странам Европы, Нансен прежде всего заглянул в скромный дом Марты Ларсен.

— Ты опять пришел ко мне?.. — Старушка крепко расцеловала своего любимца. — Приводи ее, и живите пока у меня. Или она привыкла к роскоши, а?

В тот же вечер Нансены перебрались к Марте Ларсен. Она недавно открыла небольшой пансионат.

В доме все было старомодным, крепким. На окнах цвела розовая герань. В расписанном красными и зелеными узорами буфете красовалась оловянная посуда. Возле старого просиженного кресла Марты стояла корзина с цветной шерстью для вязания.

Марта выросла в деревне, где на земляных крышах кустилась полынь и закрома в амбарах пустовали с середины зимы. «Железные ночи», когда внезапные заморозки губили посевы, часто оставляли семью без хлеба. Уйдя из деревни на заработки, Марта поступила в прислуги к матери Фритьофа, да так и прожила в этой семье большую часть жизни, нянча ребят и заправляя всем несложным хозяйством. Фритьоф жил у нее в доме перед защитой диссертации. Она ухаживала за ним, как за сыном. В памятное майское утро, когда Кристиания встречала героев Гренландии, Марта стояла на крыльце своего дома и глядела на приближавшийся по улице Карла Иохана торжественный кортеж. Она увидела Фритьофа, который был с важными господами. И что же? Фритьоф подбежал к крыльцу, обнял ее, простую служанку, и расцеловал на глазах у всех.

Старушка прослезилась, рассказывая об этом Еве. Ева не была растрогана. В обществе, к которому она привыкла, слуги были слугами, и их не обнимали. Ева вообще предпочла бы жить либо у матери, либо в хорошей гостинице. Но стоило ли перечить Фритьофу?

Старушка относилась к ней доброжелательно и сердечко. Однако Еве порой казалось, что старой Марте хотелось бы видеть жену Фритьофа несколько иной — может быть, более привязанной к дому, более простой и работящей.

Когда Фритьоф уходил, Ева придвигала стул к креслу, где сидела с вязанием Марта, и слушала ее рассказы.

— Да, покойный батюшка вашего мужа был достойнейшим человеком, это святая правда, — начинала Марта. — Уж если возьмется за что-нибудь, то разберется до конца. А собой был нехорош, невидный такой, хмурый, болезненный. Фрнтьоф-то в

мать. Вот посмотрели бы вы, что это была за женщина! Высокая, статная! На лыжи встанет — не всякий парень угонится. Все умела: и шить, и гряды копать, и пирог испечь. Бывало, стираю, а она подойдет: «Ну-ка, Марта, отдохните, дайте я», — и к корыту. Вот как! А сана ведь из знатных, урожденная баронесса Аделаида Ведель-Ярлсберг-Форнебо.

— А Фритьоф? — перебивала Ева.

О, этот сорвиголова доставлял столько хлопот фру Аделаиде и Марте! Чего только с ним не случалось!

— Да, ему было тогда года два, не больше. Он вертелся возле кухни, и вылетевшая из печки искра зажгла его рубашонку. А шрам у него над бровью? Это он в пять лет расшибся на льду. Прибежал весь в крови, бледный, но чтобы хныкать — ни-ни. В другой раз оба — и Фритьоф и Александр — провалились под лед. Фритьоф выкарабкался, да и брата вытянул за волосы. Александр-то рос тихим, смирненьким — отцова радость… А что, Фритьоф не рассказывал, как он попался на крючок?.. На какой крючок?.. На самый простой, которым рыб ловят. Они рыбачили, братья, ну Фритьоф разбаловался, дразнил Александра, нырял, хватал приманку. А тот и дерни леску. Крючок-то — в нижнюю губу. Фритьоф — к матери. А та: «Будет больно, но ты сам виноват». Взяла бритву, спокойненько разрезала губу и вынула крючок…

Потом Марта рассказала, как, начитавшись книг об индейцах, мальчики наделали себе луков со стрелами и гонялись за белками. Только у них ничего не выходило, у этих охотников. Александр, тот забросил лук, да и всё. А Фритьоф — не-ет! Разыскал мухомор, намазал стрелы ядовитым соком. Но только и это не помогло — стрелы не долетали до белок… Вы думаете, Фритьоф отступил? Набил какую-то железную трубку порохом, навел на белку да и подпалил. Ну, белки кто куда, пушка — в куски, а Фритьоф… Мать полдня выковыривала ему из кожи крупинки пороха. Как он вытерпел — одному богу известно!

Если уж говорить правду, то Фритьоф никогда не был пай-мальчиком. Вечно ходил с синяками. Хотя сам драк не затевал, но за себя умел постоять, да и за тихоню Александра тоже. Его сводные братья и сестры — они все были постарше — только и твердили, что из этого шалопая ничего не выйдет. Фритьоф учился совсем не плохо, но учителя говорили в таком смысле, что, мол, от мальчика следовало бы ждать большего при его способностях.

Но вы, может быть, думаете, что Фритьоф ленился? Ну, он был не очень-то усидчивым, это святая правда. Но главное тут в другом. Мальчуган все хотел знать, что да почему. Он столько

спрашивал о всякой всячине, что с ума можно было сойти. А то докапывался сам. Подумайте, разобрал швейную машину матери — всю до последнего винтика. Машина была хорошая, новая. Фру Аделаида рассердилась, но Фритьоф собрал всё, что разобрал. Он мог целыми днями возиться с разными пилками, молотками, клещами.

Мальчикам давали на расходы но двадцать пять оре в месяц. На такие деньги, конечно, не наешься леденцов досыта. Но как-то на праздник семнадцатого мая они получили несколько лишних монеток — и что же? Истратили свое богатство на инструменты, только Александр купил себе два ржаных пряника. А ведь дома ребят не закармливали сластями, за обедом им не подкладывали на тарелку лучшие куски. Тут было строго! Малыши сами по очереди прислуживали за столом взрослым, а то и посуду мыли. Фритьоф ловко управлялся с тарелками, не хуже судомойки.

— А когда фру Аделаида умирала, — старушка, достав из вышитой бисером сумочки платок, утерла слезу, — она позвала меня и говорит: ты помогла мне воспитывать мальчиков, замени им теперь мать, будь строга и справедлива. И еще фру Аделаида сказала, что она не боится за Фритьофа. Пусть говорят что хотят, но Фритьоф — чистая душа. Ева слушала, кивала головой. Ее детство было другим. Мыть сальную обеденную посуду?! Но ведь не помешало же это в жизни Фритьофу! А может, даже помогло? Он все умеет, ему ничто не страшно.

У Марты Ларсен нельзя было жить вечно. Ева осмотрела несколько премилых квартир в Кристиании; однако Фритьофу пришлась не по вкусу та, в которую они ненадолго переехали. Уж если обзаводиться своим домом, сказал он, то, конечно, не в центре города, а где-нибудь подальше.

Он выбрал берег Черной бухты, где в детстве стрелял уток. Не так далеко от города, скалы, сосны, море — стоит ли дальше тратить время на поиски? Еве это место — оно называлось Люсакер — тоже понравилось.

Фритьофу хотелось, чтобы новый дом походил на старинные норвежские постройки. Денег у него были в обрез — он получил от издателя задаток за будущую книгу о походе через Гренландию. Пока плотники рубили стены, Нансен поселился поблизости, в летнем павильоне железнодорожной станции.

Здесь он целыми днями сидел над рукописью. На первых же страницах будущей книги Фритьоф возражал против привычки некоторых людей приписывать успех экспедиции только ее начальнику, оставляя других в тени. Это было бы особенно несправедливо, писал он, по отношению к гренландской

экспедиции, «результаты которой целиком зависели от стойкости каждого ее участника».

Фритьофу нетрудно было переноситься мыслью в Гренландию: зимой в легком павильоне замерзала вода в умывальнике, а ветер чувствовал себя хозяином больше, чем обитатели дома. Фритьоф твердил, что лучшую обстановку для того, чтобы приучить себя к холоду, трудно найти.

Ева называла павильон «собачьей конурой», но не жаловалась.

Новогодняя ночь на скале Норе

Где встретить новый, 1890 год?

У Евы новогодняя ночь связывалась с веселой и шумной компанией, собиравшейся в доме матери на Фрогнергатан. Что ж, сказал Фритьоф, отчего бы и не повеселиться? Но ему хотелось бы перед Новым годом прогуляться куда-нибудь на лыжах — например, к скале Норе. Зимой туда редко кто заглядывает, и там чудесно.

Из последнего селения они вышли около полудня. Нансен сам выбрал дорогу — разумеется, наиболее трудную. Он рассчитывал, что подъем займет не так много времени, но вскоре лыжи пришлось тащить на плечах. Потом пошло еще хуже, и нельзя было сделать шагу, не вырубив в плотном снегу ступеньку.

Из ста людей девяносто восемь повернули бы обратно: ведь приближалась новогодняя ночь. Но Фритьоф, а за ним Ева все же вскарабкались на вершину — пять тысяч футов над уровнем моря.

День угас. Фритьоф и Ева отдыхали, зарывшись в сугроб. Ветер сдувал снег с холодных камней. Мороз обещал стать таким, каким ему и полагается быть в декабре. Фритьоф выгреб из карманов смесь мясного порошка — пеммикана — с сыром: он испытывал ее питательные свойства, уверяя, что нет лучшего корма для людей и для собак.

Ева считала, что правильнее кормить ею только псов. Она сказала, что предпочла бы несколько иной новогодний ужин.

Фритьоф не стал спорить. Он набил рот и, проглотив солоноватую смесь, заметил вполне миролюбиво, что раз Ева так привередлива, то мешкать нечего — они могут до полуночи спуститься в долину. Оттолкнувшись посильнее, он помчался вниз. Ева — за ним.

Снег слабо светился. Ветви деревьев больно хлестали, ветер пронизывал до костей.

Просто чудо, что Фрптьоф успел в последнюю секунду затормозить перед обрывом и криком предупредить Еву. С кручи они поползли без лыж, тем способом, который губительно сказывается на одной части туалета.

С Фритьофа, скользившего «на собственных полозьях», ветер сорвал шапку. Он попытался найти ее, но в темноте все камни, торчащие из снега, казались шайкой. Ощупав с десяток обломков, Фритьоф, растирая побелевшие уши, поспешил за ушедшей вперед Евой. Он нашел ее сидящей перед новым крутым обрывом.

— Ты доволен? — ледяным тоном спросила она.

Фритьоф принялся искать спуск. Он ушел далеко в сторону, как вдруг остановился, пораженный мыслью: что, если уставшая Ева заснет? Как тогда найти ее в темноте? Мало ли людей, заснув, замерзло в горах.

Фритьоф закричал как можно громче и где-то далеко услышал слабый голос.

— Я затеял безбожное дело, — сказал он, опускаясь возле дрожащей от холода Евы. — Меня будут обвинять, что я рисковал твоей жизнью.

— Пожалуй, тебе это слишком поздно пришло в голову, — спокойно ответила она.

Только под утро они добрались до хижины звонаря в долине Эгге. Ева, упав на стул, заснула сидя.

— Эге, парнишка-то твой уморился! — подмигнул звонарь. — Сколько же вы были на ногах?

— Четырнадцать часов… — ответил Нансен. — Только этот парнишки — моя жена.

— Слушай, парень, да ты в уме ли? Таскать жену на вершину Норе? И в новогоднюю ночь? Ну и ну!

Ева приоткрыла глаза.

— Меня нельзя таскать! — сердито сказала она. — Я сама хотела. И потом — дайте есть. Что угодно, кроме пеммикана.

…Вскоре Нансены созвали гостей на новоселье.

Дом был деревянный, двухэтажный. С коньков крыши разевали пасти драконы. На бревенчатых стенах желтели янтарные капли смолы. Рисунки для резной сосновой мебели сделал сам Нансен. На стенах висели его же картины — он увлекался живописью еще в Бергене.

Если бы у Фритьофа было больше времени, он, право, своими руками сложил бы по бревнышку весь дом. Но времени не было: написав научный отчет о гренландской экспедиции, Фритьоф сам перевел книгу на английский язык, сам сделал к ней чертежи, а потом не хуже заправского литографа вырезал их на камне для печатания.

На новоселье собрались друзья семьи, старые знакомые Евы. Среди них был и Бьёрнстьерне Бьёрнсон, «некоронованный король» Норвегии.

Величавый, в ореоле пышных седых волос, поэт встал со своего почетного места, украшенного полотенцем со старинным узором. Подняв бокал шампанского и поблескивая из-под очков озорными глазами, он загремел:

— Я знаю, Нансен, вы хотите сделать Еву подругой, достойной древнего викинга. По берегите ее — она слишком горда, чтобы сознаться, когда ей тяжело. И помните — она не закалена Гренландией! — Поэт поклонился Еве и продолжал: — Я должен, по нашему древнему обычаю, дать название дому, крыша которого приютила нас сегодня. Вы почтили меня этой высокой честью. И я провозглашаю: «Годтхоб!» Добрая надежда на большое счастье!

Пути, которые избирались

Нансен работал в комнате с камином, где под потолком белели грубо отесанные стропила. Он развесил но стенам коллекцию лыж, прибил головы северных оленей и моржей. На полу и на стенах распластались желтоватые шкуры убитых им медведей. Громадный сосновый стол был завален книгами о полярных путешествиях, географическими журналами, морскими картами. На краешке едва осталось место для глобуса.

Пространство возле полюса было закрашено на глобусе белой краской. Его пересекала надпись: «Терра инкогнита» — так географы обозначали неисследованные, неизведанные места, о которых они ничего или почти ничего не знали.

Фритьоф поглядывал на белое пятно глобуса. Уже давно стремились к полюсу люди, и могилами многих славных были отмечены их пути. Смельчаки шли с разных направлений. Они передвигались различными способами. После их походов остались дневники и книги, то полные веры, то проникнутые отчаянием. Фритьоф читал и перечитывал их. Он вдумывался в каждую страницу, сопоставлял, сравнивал, искал ошибки, оценивал удачи, отделяя случайные от завоеванных.

Издавна среди китобоев и путешественников, которым удавалось проникать в высокие широты, шел спор: одни говорили, что по пути к полюсу — открытое море, другие — что огромные ледяные поля. Как бы примирив оба взгляда, англичанин Уильям Паррн в начале XIX века отправился к полюсу на корабле, взяв с собой шлюпки на полозьях. Покинув свою «Хеклу» в тяжелых льдах, люди впряглись в лямки. Лед не был гладким. И, главное, он медленно дрейфовал, причем иногда к югу, унося путешественников назад. Парри и его люди тридцать пять дней волокли шлюпки к полюсу, но не достигли 83° северной широты.

Несколько лет спустя англичанин заявил, что повторит попытку, взяв на этот раз северных оленей. Русский путешественник Врангель возражал ему: олени слабосильны и негодны для похода по торосистым льдам. Можно вернее добиться успеха, если пойти к полюсу небольшой партией на собачьих упряжках, устраивая промежуточные склады провианта и оставляя там собак для обратного пути.

Мысль была интересной. Однако Парри тяжело заболел, а те, кто пошли после него, верили в открытое море у полюса. И сначала доктор Кент Кэн, потом Исаак Хейс тщетно пробивались к этому морю на кораблях, а застряв во льду, отправляли вперед

санные партии. Люди из этих партий, вернувшись, уверяли, что они были совсем недалеко от открытой воды.

Потом пытали счастья многие другие, и среди них — немец Кольдевей, американец Холл, англичанин Нэрс.

Корабль Кольдевея был раздавлен льдами, — Нансен помнил Бухту Ужаса на побережье Гренландии, к которой принесло на льдине его потерпевшую кораблекрушение команду.

«Полярис» Холла при сжатии был вытолкнут на лед, затем снова сброшен на воду и унесен во мрак полярной ночи.

Фритьоф был подростком, когда на двух кораблях ушел в плавание Джордж Нэрс. Экспедицию отлично снарядили. Английские газеты уверяли, что если Северный полюс вообще досягаем, то Нэрс дойдет до него.

Но Нэрс не дошел. Санная партия на собачьих упряжках с огромным трудом проникла до 83°20’ северной широты. Потеряв нескольких человек, она повернула назад. По пути на родину Нэрс с первого пункта, где был телеграф, поспешил оповестить мир: Северный полюс недосягаем.

Те экспедиции, которые снаряжались позднее, не прибавили много нового. Опыт был накоплен, метод сложился, средства определились. Если отбросить частности, то любая экспедиция, в общем, действовала так. Сначала корабль пробивался как можно дальше на север и там зимовал. Весной, как только заканчивалась полярная ночь, с него отправлялась в сторону полюса санная партия. Она проходила, сколько хватало сил и продовольствия, затем поворачивала обратно.

Но, думалось Нансену, был ли этот установившийся метод полярных экспедиций единственно возможным и правильным?

С тех пор как Фритьоф увидел на льдине возле «Викинга» кусок серого сибирского плавника, необычная полярная экспедиция сначала смутно, неясно, потом все отчетливее стала рисоваться его воображению. Фритьоф возвращался к мысли о такой экспедиции снова и снова, думал о ней во время гренландского похода. Постепенно у него созрел план, который он обнародовал в 1890 году, а затем принялся осуществлять с обычной настойчивостью.

Фритьоф готовился доказать ученому миру, что ключ от Северного полюса надо хорошенько поискать не в отчетах удачных экспедиций, а среди обломков несчастной «Жаннетты», раздавленной льдами в океане.

«Бессмысленный проект самоубийства»

В один из хмурых вечеров осенью 1892 года возле дома Королевского географического общества в Лондоне собрались зеваки, разглядывавшие тех, кто входил в ярко освещенный подъезд.

— Ого, адмирал Мак-Клинток!

— Смотрите, смотрите — сэр Нэрс!

Кареты и наемные экипажи подкатывали друг за другом. В толпе то и дело называли имена знаменитых путешественников. С нетерпением ждали Нансена. Но кто-то сказал, что норвежец пришел пешком раньше всех и уже давно сидит в зале.

Нансен действительно сидел там — в черном фраке, белой манишке и белом галстуке. Он казался совершенно спокойным, хотя сегодняшний день, который газеты заранее объявили «большим днем в Королевском географическом обществе», должен был определить отношение ученого мира Англии к его будущей экспедиции.

Эта экспедиция подготавливалась полным ходом. После того как Нансен выступил с ее планом в Норвежском географическом обществе, соотечественники горячо поддержали своего национального героя. Но, выступая затем во многих городах Европы, Нансен слышал мало похвал и много возражений.

Некоторые не хотели простить ему книги «Жизнь эскимосов». Защищая маленький народ, Нансен рассказал в ней правду об эскимосах в Гренландии, сослался на печальную судьбу Африки, которую, по его словам, «уже начали грабить», резко отозвался о европейских колонизаторах в Азии, назвав их действия «примером такого постыдного злодеяния, что ни на одном языке не найдется слов, способных описать его». Эти мысли показались газетам недопустимо резкими и вызывающими по отношению ко всему «цивилизованному миру», и свое раздражение они излили, желчно критикуя план новой экспедиции.

Но норвежцы верили Нансену. Они собрали по подписке часть денег на экспедицию; крупную сумму дало правительство. Теперь здесь, в Лондоне, в одном из мировых центров географической науки, Нансену предстояло выступить перед ветеранами Севера, увенчанными славой и озлобленными неудачами, отдать свой окончательный план на суд тем, кто сохранил веру в могущество человека, и тем, кто утратил ее в минуты горьких раздумий.

Что скажут они? Какие возражения найдут? Может, он слишком самонадеян и не видит действительно уязвимых мест

своего плана? Но он готов принять любой добрый совет: сейчас еще не поздно…

Председатель позвонил в серебряный колокольчик и дал слово гостю.

Нансен сразу пошел в атаку. Экспедиции к полюсу, сказал он, пока не принесли успеха. Корабли проникали в Арктику недостаточно далеко для того, чтобы санная партия смогла по дрейфующим льдам преодолеть остающееся пространство. Возможно, что удачнее был бы полет к полюсу на воздушном шаре, но при таком путешествии трудно выполнить многие научные наблюдения.

— Мы должны подумать, нет ли других путей, — продолжал Нансен. — На мой взгляд, они существуют. Если мы попытаемся сделать своими союзниками те силы природы, которые были нашими противниками, то найдем наиболее верный путь к полюсу. Бесполезно идти против течения, как это делали прежние экспедиции. Мы должны поискать попутное течение. Только экспедиция «Жаннетты», по моему глубокому убеждению, была на верном пути, хотя и не по своей воле и желанию.

— Слушайте! Слушайте!..

В этих возгласах Нансен уловил скорее насмешку, чем одобрение. Стараясь по-прежнему держаться как можно спокойнее, он заговорил о трагической истории экспедиции военно-морского флота Соединенных Штатов Америки.

«Жаннетта» была затерта неподалеку от острова Врангеля и почти два года дрейфовала вместе с уносимыми течением льдами. В 1881 году судно при сжатии было раздавлено северо-восточнее Новосибирских островов. Команда затонувшего корабля во главе с де Лонгом пошла по дрейфующим льдам к устью Лены. Дошли немногие — голодная смерть косила людей.

А три года спустя возле юго-западного берега Гренландии, следовательно, за тысячи километров от места гибели судна, совсем в другом районе полярного бассейна, эскимосы неожиданно наткнулись на следы погибшей «Жаннетты». Бумаги, подписанные начальником экспедиции де Лонгом, брюки с меткой одного из матросов и другие вещи американской экспедиции лежали на большой плавучей льдине.

Как все это попало к берегам Гренландии? Уже вскоре после находки норвежский профессор Мои предположил, что остатки «Жаннетты» продрейфовали на льдине через центр Полярного бассейна.

Да, это так и было!

Течение севернее берегов Аляски и Сибири, проходящее дальше где-то между полюсом и Землей Франца-Иосифа к

берегам Гренландии, действительно существует. Доказательства? Прежде всего — дрейф попавшей в это течение «Жаннетты» и ее остатков. Затем — плавник, выносимый сибирскими реками в океан. Течение постоянно приносит его на льдинах к гренландским берегам. А найденная гренландскими эскимосами метательная дощечка! Такие дощечки употребляют только жители Аляски. А находки микроскопических сибирских растений и животных в иле на льдинах, принесенных к Гренландии!

Но раз существует мощное течение от берегов Сибири в сторону Гренландии, проходящее, по-видимому, вблизи Северного полюса, то почему бы не воспользоваться им? Пусть оно пронесет горстку людей через те области, достичь — которых еще никому не удавалось.

И дальше. Нансен рассказал, как будет организована его необычная экспедиция. Он намерен отправиться на небольшом судне, может быть самом крепком из всех, которые до сих пор строились. Корпус у судна — овальный, напоминающий половину расколотого кокосового ореха. Такой корабль — плохой ходок в море, и его пассажиры, страдающие морской болезнью, даже в небольшой шторм будут платить щедрую дань морской богине. Но главное назначение судна — не в плавании по открытому морю и не в пробивании дороги среди плавающих льдов.

С запасом продовольствия на несколько лет и надежной командой оно пройдет к берегам Сибири, точнее — к Новосибирским островам, и повернет там на север. Кораблю не нужно избегать дрейфующих льдов, этой грозы мореплавателей, — напротив, он заберется в их гущу. В удобном месте судно надолго вмерзнет в лед. В тех водах проходит течение в сторону полюса. Корабль превратится в дом, уносимый вместе со льдами. Ему не страшны самые сильные сжатия — необычная форма корпуса рассчитана на то, чтобы льды, напирая на судно, выталкивали, выдавливали его вверх.

— Продвигаясь вместе с течением, — продолжал Нансен, — корабль и его обитатели проникнут близко к полюсу. Надо ли говорить, что никакая санная экспедиция никогда не имела и не может иметь таких удобств для научной работы, какие будут у команды корабля-лаборатории, корабля-дома.

Пройдет, вероятно, три года, прежде чем льды вынесут судно к Гренландии, в более теплые воды, где оно освободится из плена и вернется на родину. Но провианта надо взять на пять лет. Если, несмотря на свою необычную форму, корабль все же будет раздавлен, то его команда, высадившись на лед, будет продолжать дрейф к берегам Гренландии до тех пор, пока не представится возможность воспользоваться санями и лодками для

высадки на остров.

Возможно, что течение не идет прямо через полюс. Корабль может пронести в стороне от него. Если расстояние будет далеким, то неблагоразумно и опасно оставлять судно, чтобы идти к полюсу по дрейфующему льду.

— Но мы, — заключил Нансен, — отправляемся, не для того, чтобы найти математическую точку северного конца земной оси. Достижение этой точки само по себе малоценно. Мы отправляемся для исследования обширной неведомой части земного шара, окружающей полюс. Научный интерес этих наблюдений не уменьшится от того, пройдет ли наш путь через самый полюс или же на некотором расстоянии от него. И я надеюсь, джентльмены, что, когда на далеком Севере нас будет окружать торжественная тишина полярной ночи, вы иногда вспомните нас добрый словом.

Раздались аплодисменты. То, что сказал Нансен, звучало необычно, спорно, нарушало традиции полярных исследований, но трудно было не преклоняться перед мужеством норвежца: он снова готовился сжечь за собой мосты. Ученых подкупало и то, что, в отличие от многих, Нансен не стремился непременно достигнуть полюса. Норвежец был готов принести честолюбие в жертву интересам науки — ученый побеждал в нем спортсмена. Но все же план Нансена был открытым вызовом, брошенным людям, поседевшим в боях с арктическими льдами. Первым иа кафедру поднялся адмирал сэр Леопольд Мак-Клинток — участник поисков трагически исчезнувшей экспедиции Франклина.

— Я считаю себя вправе сказать, что это самый дерзновенный план из всех когда-либо доложенных Королевскому географическому обществу, — промолвил он.

Однако адмирал добавил, что сильно сомневается в возможности осуществления такого плана и не льстит себя надеждой, что корабль, отданный во власть полярных льдов, может благополучно вернуться назад.

Адмирала сэра Джорджа Нэрса, объявившего некогда о недоступности Северного полюса, покинула его обычная сдержанность. В начале речи он с раздражением напомнил, что благоразумные полярные исследователи всегда оставляют себе удобный и безопасный путь отступлению. Господни Нансен хочет пренебречь этим. Оп возлагает наивные надежды на свое необыкновенное судно. Однако история еще не знает случая, чтобы кораблю, затертому многолетним льдом, удалось высвободиться.

Сэр Аллен Юнг предостерег Нансена: а что, если возле

полюса суша? Натолкнувшись на нее, корабль прочно засядет там, и тогда…

Лишь немногие географы, и то с оговорками, высказались в пользу плана Нансена. Однако они не имели такого веса, как Мак-Клинток и Нэрс.

Заседание затянулось до поздней ночи. Кучера у подъезда успели выспаться. Но никто не покидал зала, ожидая, что скажет Нансен.

Наконец ему дали слово. Он поблагодарил за отдельные ценные советы, однако не согласился со своими противниками в главном. Норвежец сказал, что относительно пути отступления с давних пор придерживается иной точки зрения, чем адмирал Нэрс. Пусть его уважаемые оппоненты не обижаются, но он не услышал здесь возражении, которые были бы достаточно сильны для того, чтобы изменить его план.

Нансен возвращался в гостиницу пешком по ночному Лондону. Да, старое сопротивлялось! Так было и перед Гренландией. Он не испытывал разочарования. Напротив! В зале собрались главные противники его идеи — и что же?

Речь, в сущности, шла все о той же пресловутой «линии отступления». Сегодня его противники выражались гораздо сдержаннее, чем американский генерал Грили, начальник одной из самых неудачных экспедиций в Арктику. Грили всюду писал, что считает почти невероятной, немыслимой поддержку или даже сочувствие плану Нансена, потому что он грозит страданиями и смертью участникам экспедиции. Грили сомневался во всем — в том, что вблизи полюса льды, а не земля, в том, что можно построить такое судно, которое нужно для экспедиции, и даже в том, что вещи, вынесенные к берегам Гренландии, действительно были остатками несчастной «Жаннетты». Проект Нансена Грили назвал «бессмысленным проектом самоубийства». Это выражение не раз повторялось в тех двухстах с лишним статьях, где на разных языках критиковался план дрейфа.

А вот русский адмирал Макаров прислал письмо, в котором не только одобрял идею экспедиции, но и дружески предложил через год после отплытия ее корабля послать небольшое вспомогательное судно с провизией на Землю Франца-Иосифа.

В Норвегии говорили, что Макаров готовится строить суда, которые бы таранили, раскалывали лед. С помощью таких ледоколов русский адмирал собирался проложить новые пути в полярных морях. И все же он поддержал норвежский проект, столь не схожий с его собственным.

Наверное, думал Нансен, не без участия Макарова Петербург выслал для экспедиции карты северных окраин Сибири, описание

населенных пунктов побережья и разные другие материалы, а Русское географическое общество послало телеграмму с пожеланием успеха «в великом предприятии».

Великое предприятие… И — «бессмысленный проект самоубийства». Что ж, время покажет, кто прав. Улыбаясь, Нансен толкнул дверь гостиницы.

— Доброй ночи, сэр, — почтительно склонился швейцар и добавил, заметив улыбку на лице постояльца: — Осмеливаюсь думать, получили приятные известия, сэр?

— Да, да, — рассеянно кивнул Нансен, — очень приятные…

Корабль и его команда

Среди лучших кораблестроителей Норвегии первым считался старый Колин Арчер.

Колин Арчер и Нансен — не само ли это упорство, помноженное на два! Они мастерили десятки моделей, подвергали их самым страшным сжатиям и в конце концов остановились на той форме корпуса, о которой Нансен говорил географам в Лондоне: половина расколотого кокосового ореха с поверхностью гладкой и скользкой, как у угря.

Необыкновенное судно строилось на верфи Колина Арчера возле Кристиании. Спуск корабля был назначен на позднюю осень 1892 года.

Тысячи любопытных, рассевшихся по скалам возле верфи, разглядывали на стапеле кургузое белое — под цвет льдов — судно с черным днищем. Все на нем было сглажено, закруглено, зализано.

Заключались пари: как Нансен назовет свой корабль? В публике гадали: «Северный полюс», «Норвегия», «Белый медведь», «Победитель льдов»? Или Нансену больше по душе имя «Ева»?

Взволнованный Фритьоф под руку с женой поднялся на подмостки к носу судна. Там уже стоял Колин Арчер, и ветер развевал его седую бороду. За спины почетных гостей неуклюже прятался Свердруп.

Колин Арчер поднял руку. Ева вышла вперед. В руках у нее — бутылка шампанского. По старому обычаю строителей, эту бутылку нужно разбить о нос корабля при его «крещении».

Ева ударила сильно, резко. Шампанское залило ей платье, осколки зазвенели о камни. И все услышали:

— «Фрам» будет твое имя!

«Фрам»! Иностранные журналисты записали, что это короткое слово на норвежском языке означает «вперед». Красный флаг с названием корабля тотчас взвился на флагшток.

Колин Арчер снова поднял руку. Плотники ударили топорами по канатам, вышибли подпорки, и тяжелое судно медленно заскользило со стапеля в воду по смазанным салом доскам. Колин Арчер молитвенно закрыл глаза. Нансен в волнении схватил Еву за руку: его корабль будет сейчас на воде!

«Фрам» скользил все быстрее. Доски днища от трения курились дымком. Запахло гарью. Судно с силой врезалось в воду, огромный вал окатил тех, кто не догадался забраться повыше. Восторженные крики слились с пушечной пальбой. На воде корабль не казался уже таким неуклюжим и кургузым, как

на стапеле.

Фритьоф пригласил желающих осмотреть «Фрам». Желтые доски палубы покрылись глинистыми отпечатками множества подошв. Знатоки нашли, что внутренние переборки хорошо подкрепляют корпус, сделанный из лучшего дерева. А толщина борта? Ого, восемьдесят сантиметров! На потолках и стенах — несколько слоев войлока, дерева, линолеума, оленьей шерсти. Да, внутри будет тепло и сухо! И светло! Смотрите, горят электрические лампочки, На кораблях это новость…

На другой день после спуска «Фрама» в доме Нансена собрались его друзья. Тут был и брат Александр, преуспевающий деловой человек. Условились не произносить серьезных речей. Когда кто-нибудь запутывался в дебрях водянистого высокопарного красноречия, двое-трое выскакивали из-за стола, бежали в кухню и принимались насосом качать воду…

Ева пела старинные норвежские песни о героях, которых ждут жены.

— Вам хотелось бы с ним к полюсу? — спросил Александр.

— Это невозможно! — ответила она.

— Неужели Фритьоф считает вас недостаточно сильной и мужественной?

Нансен незаметно подошел сзади и обнял жену.

— Разве ты не видишь, что Ева скоро будет матерью? — мягко сказал он. — А что касается мужества… Подумай, сколько его нужно для того, чтобы ждать три года, может быть, пять лет? Чтобы просыпаться каждый день, не зная — жена ты или уже задолго до этого утра стала вдовой?

— Что ты, что ты, какая вдова, все будет хорошо, — смутился Александр.

В душе он не одобрял затеи Фритьофа, но много и охотно помогал брату, проверяя счета экспедиции и переписываясь с фирмами. Слова Фритьофа о мужестве ожидания показались ему слишком резкими. Говорить такое при жене, да еще в ее положении…

Фритьоф угадал его мысли:

— Я ничего не скрываю от Евы. Даже того, что не все может кончиться благополучно.

— Понимаю, понимаю… — пробормотал Александр и постарался переменить тему разговора: — А как у тебя с командой?

— Отлично. Желающих куда больше, чем нужно. Пишут отовсюду. — Он достал из кармана куртки несколько писем и, выбрав одно, протянул брату: — Вот, почитай.

Это была страстная мольба. Автор, родом итальянец, клялся,

что готов выполнять па судне любую работу:

> «О, милостивый государь, дайте мне жить, жить так, как я это понимаю, а не осуждайте меня на прозябание. Умоляю вас!»

— Надеюсь, ты уже взял его? — поинтересовался Александр.

— Конечно, нет! Я, знаешь, не доверяю громким словам.

* * *

Уже много месяцев Нансен не знал минуты покоя. Расходы превысили смету, и надо было добывать деньги. А оборудование? Каждую мелочь он выбирал сам, щупал своими руками; особенно же тщательно испытывал инструменты и приборы.

Кабинет Нансена превратился в склад, где сам хозяин и его правая рука — Свердруп, перебравшийся на время в «Годтхоб», терялись среди массы вещей. На окне стояли банки с вареньем, которое наварила Марта Ларсен. Банок было так много, что они заслоняли свет: добрая старушка намеревалась «усладить» жизнь всего будущего экипажа «Фрама».

На полу, на столе, на стульях были навалены лыжи, спальные мешки, коробки с мармеладом, керосинки, собачья упряжь, рыбные консервы, жестянки с нефтью и еще многое другое, чему Александр, зашедший с пачкой счетов, не мог даже подобрать названий.

— Ты способен отведать пеммиан, который мы берем с собой? — предложил ему Фритьоф.

Александр поморщился, но попробовал.

— Ну как?

— Похоже на костяную муку. Должно быть, такой же вкус имеют египетские мумии. Неужели ты не можешь угостить меня, как следует порядочному человеку? Я сегодня еще не завтракал.

Фритьоф задумался:

— Постой, вот тут у меня кекс. Конечно, он тоже особенный, экспедиционный.

Голодный Александр откусил кусок:

— Неплохо. В самом деле, этот кекс совсем неплох…

— Ты находишь? — Нансен расхохотался. — А знаешь, что за штуку ты уплетаешь с таким аппетитом? Это брикет для собак, вот что!

Свердруп сохранял полнейшую невозмутимость. Александр гневно отбросил остатки «кекса»:

— Как ты мог…

— Ты зря сердишься, — примирительно сказал Фритьоф. — Это очень питательно. А помнить, как мы по нескольку суток ели одни картофельные лепешки?

Но Александр уже пробирался к двери, отшвыривая ногами консервные банки…

Через комнату в «Годтхобе» проходили все, кто просился в команду «Фрама». Нансен заводил с ними длинный разговор. Он старался узнать их вкусы, настроения, характер. Он браковал привередливых, изнеженных, сварлиаых. Ему нужны были люди уживчивые, по возможности — веселые, хорошо тренированные, крепкие, здоровые. Медицинский осмотр был самым придирчивым. Свердруп проверял, хорошо ли кандидаты знают морское дело.

Наконец Нансен предварительно отобрал команду. Самому старшему в ней не исполнилось еще сорока лет, самому младшему было двадцать четыре года. Старый, верный друг капитан Отто Свердруп возглавлял список экипажа «Фрама». Норвежский моряк, лейтенант флота Сигурд Скотт-Хансен должен был помогать Нансену в научных наблюдениях. Обязанности врача Хенрика Блессинга не ограничивались медициной — предполагалось, что он займется также биологией. Теодор Якобсеи, избороздивший тропические и полярные воды, был назначен штурманом. Машинисты Антон Амунсен и Ларе Петтерсен слыли отличными механиками. Гарпунщик Педер Хенриксен, электрик Бернар Нурдал, повар Адольф Юлл, а также умевший делать все, начиная от починки часов и кончая дрессировкой собак, Ивар Мугста безусловно обещали стать полезными членами экипажа. Кристиансен Трана показал себя еще во время гренландской экспедиции. Что касается Гьёртсена, то этот моряк участвовал в постройке «Фрама» с первого дня до спуска на воду.

Последним в «Годтхоб» явился лейтенант Яльмар Фредрик Иохансен. Этот молодой спортсмен расположил к себе Нансена. Но что же делать, если почти вся команда набрана! Фритьоф сказал, что он очень сожалеет; вот если бы немного раньше, а теперь на «Фраме» осталось только место кочегара…

Лейтенант размышлял не больше минуты:

— Кочегаром? Все равно. Я согласен.

Начало

А пока набиралась команда, готовились запасы продовольствия, пока на «Фраме» устанавливались мачты и отделывались каюты, далеко от Норвегии добровольные помощники Нансена тоже работали для успеха будущей экспедиции.

В Ледовитом океане, на острове Котельном — крайнем среди Новосибирских островов, возле которых должен был начаться дрейф «Фрама», — груда камней поддерживала шест с доской: «Склад Нансена № 1». В мерзлую землю были закопаны порох, жестянки с маслом, сахаром, спичками.

Этот склад устроил русский полярный путешественник Эдуард Васильевич Толль, человек смелый и отзывчивый. Случись с «Фрамом» несчастье — и на необитаемых островах норвежцы могли получить поддержку России.

Толль сам закупил в Якутске провиант. Никто не брался доставить его на Новосибирские острова. Однако ученый написал жене в Петербург, что за перевозку взялись вполне надежные люди. Он не солгал: трудно было найти более надежного человека для опасного похода, чем сам Толль.

Ранней весной, когда «Фрам» спокойно стоял в гавани, а его команде еще только мерещились льды, Толль уже боролся с ними. Возвращаясь с Новосибирских островов после устройства складов для Нансена, ученый и пять его спутников заблудились в туманах. Измокшие, промерзшие до костей, в изодранной обуви, они едва добрели по льду к далекой суше.

Узнав об этой мучительной экспедиции, норвежские газеты писали, что жертвы, принесенные ради Нансена иностранцами, особенно ярко показывают, с каким участием следит Россия за отважным предприятием сынов Норвегии.

24 июня 1893 года. Серый, хмурый день. Как всегда, последние часы заняты множеством дел. Секретарь Нансена бегал за ним по «Годтхобу» с записной книжкой. Фритьоф был в отчаянии — ему многое хотелось сказать Еве, но их ни на минуту не оставляли с глазу на глаз.

Внизу, возле купален, нетерпеливо стучал мотор лодки, которая должна была отвезти его на «Фрам».

Нансен обнял жену. Принесли улыбающуюся дочурку Лив — ей недавно исполнилось полгода. Она радостно хлопала в ладоши. Нансен взял ее на руки.

— Да, да, ты смеешься, Лив, а я…

На глазах у него показались слезы. Он порывисто вышел из комнаты, побежал через сад.

Шлюпка помчалась к заливу, где уже дымил «Фрам». Нансен поднялся на палубу. Медленно, тихо «Фрам», сопровождаемый пароходами, лодками и яхтами, пошел в сторону моря.

Нансен в последний раз оглянулся назад. Его дом. Светлый дом среди темных сосен. Нансен схватил подзорную трубу: на мысу — белая фигура…

Откуда пошла Норвегия

«Фрам» сначала идет в Ларвик, на верфь, где его строили. Старый Колин Арчер поднимается на борт с детьми и внуками. Старик сам становится к штурвалу и делает круг по украшенной флагами гавани. Потом он выводит свое детище в море.

Волны лижут борта судна. Старый Арчер, брат, друзья, знакомые спускаются в шлюпку. Арчер слабым голосом кричит «ура» и машет рукой. Непрошеные слезы катятся по его щекам. Пушка «Фрама» прощально салютует в честь строителя корабля.

«Фрам» идет вдоль берегов, огибая юг Норвегии. Первый же крепкий ветер свирепо кладет его с борта на борт. Даже Нансен чувствует приступ морской болезни. Все, что плохо закреплено, ходуном ходит по палубе. Кочегары боятся, что их бросит головой в топку, — особенно лейтенант Иохансен, который еще не привык орудовать лопатой. А в это время другие, обыкновенные суда почти не испытывают качки.

В Берген «Фрам» приходит ночью. Едва отгрохотал якорь, как с почтового катера Нансену приносят письма и телеграммы. Ева пишет, что от Колина Арчера она теперь узнала всё. Зачем он скрыл, что у него в последнюю минуту не хватило 15 тысяч крон для уплаты за провиант? И разве это разумно — в каждом попутном городке читать лекции, чтобы заработать хоть немного? «Ты должен отдыхать, ты так устал, — писала Ева. — Ты оставил мие деньги, возьми их, умоляю тебя». Нет, он не возьмет…

На другой день Нансен долго не может выбраться в Берген: одолевают кредиторы. Счета, счета, счета… Выпроводил последнего, открыл ящик стола в каюте: несколько кредиток и кучка монет. Он почти банкрот…

А в коридоре «Фрама» толпятся, нетерпеливо топая ногами, «путешествующие вопросительные знаки» — так Нансен прозвал туристов. Большая компания англичан осаждает дверь его каюты. Одна молодая мисс, встав на цыпочки, заглядывает в отверстие каютного вентилятора. Как раз в этот момент Нансен сбрасывает рабочую одежду, чтобы облачиться во фрак.

В каюту доносится галдеж — туристы вслух критикуют портреты родственников команды, развешанные на стенах. Нансен осторожно приоткрывает дверь.

— Скажите, что вы будете делать на полюсе? — пищит настойчивая мисс, хватая его за руку.

Нансен бежит к трапу. Толпа с криками: «Вот он! Вот он!» — устремляется за ним. Но недаром у Нансена медали чемпиона в беге на коньках и лыжах…

Вечер чудесный: встречи с друзьями, с Даниельсеном, добрые напутствия, сердечные тосты. И так почти до утра. А утром — дальше.

На всем пути вдоль берегов Норвегии экспедицию бесконечно чествуют, хотя пока что ей еще нечем хвалиться. У Нансена такое чувство, точно он берет в долг больше, чем сможет отдать.

На берег выходят крестьяне, рыбаки. Нансен смотрит на бедные хижины, на мысы и острова, где люди всю жизнь то воюют, то дружат с камнем и морем. Эти люди посылают его, верят ему, надеются на него. Какой-то старый рыбак, качаясь в лодке, сложил руки рупором:

— Откуда?

— Из Кристиании.

— Груз?

— Провиант и уголь.

— Курс?

— Ледовитый океан. Северный полюс.

Старик ошеломлен. Потом он вспоминает что-то, широко улыбается, машет руками.

«Фрам» направляется к Тромсе, небольшому портовому городку на севере страны.

Нансен не в духе. Два человека колебались всю дорогу — идти или не идти с ним к полюсу? Это были Кристиансен Трана и штурман Гьёртсен. Они помогали вести корабль вдоль Норвегии. Теперь же, накануне прихода в Тромсе, команда узнала, что оба дальше не пойдут.

Смалодушествовали? Или им не понравилось на корабле? Поговаривали, что у Траны произошла размолвка с Нансеном. Гьёртсен же хотел играть на судне более видную роль, чем ему предлагали. Участвуя в постройке «Фрама», он, возможно, намеревался сам повести корабль и теперь был сильно обижен. А человека, затаившего обиду, нельзя было брать в экспедицию, где дружба и спайка решали всё.

Теперь, когда двое собирались уходить, по крайней мере один новый моряк не оказался бы лишним в команде. Случай с машинистом Амунсеном особенно убедил Нансена в этом. На Амунсена свалилась глыба угля, рассекла ему голову, а заменить машиниста было некем. Он отстоял свою вахту, бледный от потери крови, с забинтованной головой.

В Тромсе команда грузила уголь. Черная одежда, лица негров — и белейший, чистейший снег вокруг: нежданной прилетела поздняя июльская метель.

Моряков заинтересовала торчащая посреди площади массивная глыба. Надпись утверждала, что этот камень весом 371

килограмм принес сюда силач Хансен, живший когда-то в Тромсе.

— Дело, ребята, было так…

Моряки оглянулись: к ним подошел плечистый детина в штурманской фуражке. Уж не родственник ли силача Хансена?

— Значит, вот тут стоял раньше кабак «Свидание друзей», — продолжал незнакомец. — А этот Хансен, скажу я вам, был не дурак выпить. Вот он раз приходит к кабатчику и просит вина в долг. Ну, вы знаете, что за народ кабатчики: деньги на бочку. «Ах ты, шкура! — рассердился Хансен, — Ну погоди у меня!» Взял этот вот камень, приволок сюда да и привалил к двери кабачка. Кабатчик туда-сюда — не может открыть дверь. Позвал людей, а Хансен стоит рядом: кто, мол, тронет камень, тот будет иметь дело со мной. Так что вы думаете? Пришлось кабатчику прорубать другую дверь.

Незнакомец назвался Бернтом Бентсеном. Моряки пригласили его в гости на «Фрам». Нансену понравился этот сильный, веселый человек, и, по правде говоря, почти без надежды услышать «да», он спросил:

— Может, пойдете с нами к полюсу?

— К полюсу? Э-э, надо подумать. А до Югорского Шара хоть сейчас! Когда снимаетесь с якоря? В десять? Через полтора часа? Да уж ладно, как-нибудь успею, соберусь.

Около десяти его штурманский сундучок уже стоял в каюте.

К Нансену подошел машинист Амунсен: знает ли он, каким по счету будет на корабле этот новичок?.. Тринадцатым, вот каким! А уж от такого числа добра не жди!

— Тринадцатым? — пряча улыбку, пресерьезным тоном переспросил Нансен. — Подождите, с чего вы взяли? Нас четырнадцать. Конечно же! Четырнадцатый — «Фрам»!..

С Норвегией команда прощалась в городке Вардё. Молодцы изрядно перепились, и Нансен сам нес вахту. Все же он успел написать несколько писем: Еве, Марте, Бьёрнсону, старому Даниельсену. Учитель и ученик не успели наговориться во время стоянки «Фрама» в Бергене. Старик обещал непременно встретить Фритьофа при возвращении экспедиции с Северного полюса.

> «Не стану говорить вам всего, что я хотел, а только еще раз поблагодарю вас за то, чем вы были для меня, дорогой друг, отец, — написал Нансен. — Вы всегда будете стоять передо мною живым, светлым примером».

Это письмо старый Даниельсен получил за несколько дней до смерти.

Давно ушла почтовая лодка. «Фрам» утюжил море, зарываясь

в волны. Берег темнел безликой полоской. Нансен долго, не отрываясь, смотрел в его сторону. Прощай, Норвегия!

Он услышал голоса, доносившиеся из большой лодки, прикрытой оленьими шкурами. На «Фраме» ее, как и лучшую гостиницу Кристиании, величали «Гранд-Отелем». Сейчас в «Гранд-Отеле», должно быть, собрались свободные от вахты.

Нансен невольно прислушался: кажется, голос этого новичка, Бернта Бентсена.

— Ну, создал бог землю и сидит задумавшись. Только вдруг что-то тяжелое — бултых в океан! Это, понимаете, черт притащил откуда-то кусок скалы, чтобы позабавиться. Такой кусище, что чуть не переломил земную ось. Да, да, ребятки! А переломись она — нам незачем было бы тащиться теперь во льды: нет оси, нет и полюсов. Вот какое дело!

— Ох, уж этот Бентсен! — засмеялся кто-то.

— Ладно, не перебивай! Ну бог, конечно, рассердился и прогнал черта. А скала осталась торчать — длинная такая, черная. Что делать? Бог принес плодородной землицы, побросал маленько на скалу. Да разве прикроешь такую глыбу? С севера она так и осталась голой. Посмотрел бог да и думает: «Поселю-ка я тут таких людей, которым дороже этих скал ничего на свете не будет. А чтобы не умерли с голоду, пригоню в сердитое море рыб, а на холодную землю — северных оленей». Так и сделал. Поняли теперь, откуда пошла наша Норвегия и что в ней за народ?

НАВСТРЕЧУ НЕВЕДОМОМУ

У края Евразии

Вот когда «Фрам» впервые показал себя — при встрече со льдами. Послушный рулю, он легко вертелся в их гуще, по словам Бернта Бентсена, «как колобок на тарелке». Даже Свердруп похвалил:

— Экое славное судно!

Экспедиция продвигалась на восток вдоль полярных окраин России.

Без особых приключений «Фрам» прошел в пролив Югорский Шар, соединяющий Баренцево море с Карским. С берега, из поселка Хабарово, приплыл на лодке коренастый рыжебородый человек. Он назвался Александром Ивановичем Трондхеймом, поздравил Нансена и сказал, что отменные ездовые собаки, заказанные. Эдуардом Васильевичем Толлем для норвежской экспедиции, могут быть хоть сию минуту доставлены па «Фрам».

Нансен поблагодарил и осведомился, откуда собаки. Оказалось, что Трондхейм проделал с псами поистине головокружительный путь из Сибири к Югорскому Шару по бездорожью, по раскисшей тундре. Родом Александр Иванович был из Риги, сносно говорил по-немецки и производил впечатление хорошо знающего Север человека.

По его словам, ледовая обстановка в Карском море была благоприятной. Нансену не терпелось убедиться в этом. Наутро он и Свердруп отправились на моторной лодке к берегу возле конца пролива и зашагали по тундре, расцвеченной бледно-желтыми маками, незабудками, пушицей. Полярные совы привидениями белели на камнях. Было сыро и тихо. С небольшого холма Нансен долго глядел на свинцовые карские воды. Так вот он каков, этот «ледяной погреб», ловушка для кораблей! Море как море, и льды нетяжелые, во всяком случае — возле пролива.

— Я бы пожил здесь, — мечтательно сказал Свердруп, когда они, выбрав место посуше, сварили кофе и блаженствовали возле костра. — А что? Тут добрая охота и плавника сколько угодно.

Этот человек, такой замкнутый на людях, оживал в пустынных местах.

Даже порча мотора на обратном пути, даже кровавые мозоли от весел, которыми пришлось изрядно поработать, не испортили настроения.

Нансен велел поднять лодку на корабль и, надев старую рабочую куртку, сам принялся за починку мотора. Но дело пе клеилось. Когда он, потный, перепачканный маслом и копотыо,

сидел в раздумье над поршнем, черт принес из Хабарова русских купцов. Они, видите ли, явились «засвидетельствовать почтение»: напялили пыжиковые шапки, парадные суконные поддевки, выпустили по животу массивные золотые цепочки.

Увидев Нансена, купцы остолбенели. Как?! Этот перепачканный, чумазый машинист и есть главный норвежский начальник? Нет, тут какое-то надувательство! Потоптавшись немного на палубе, купцы отбыли восвояси.

А потом приплыл Александр Иванович и рассказал о переполохе в Хабарове: купцы и слышать не хотят, будто Нансен — важный барин; собираются «отписать по начальству», что норвежцы, наверное, не те, за кого себя выдают.

Отплытие из Хабарова было назначено в ночь на 5 августа 1893 года.

Нансен пытался уговорить Александра Ивановича пойти на «Фраме» матросом. Такой расторопный и умелый, он был бы славным пополнением команды. Но у него осталось много дел в Тобольске, ему нужно было рассчитаться за собак. Как же уехать на три года, не отдав долг?

К счастью, Бернту Бентсену, который нанимался только до Югорского Шара, пришлось на «Фраме» по душе. И, когда Нансен предложил ему остаться на хорошем жалованье, моряк протянул широкую лапищу:

— Ладно уж. Пусть мой сундучок еще постоит в каюте. Смерть не люблю таскаться с вещами на суше! К полюсу так к полюсу — моряку везде дорога.

Близится полночь. Пора поднимать якорь. Русское селение в тундре — последнее, что связывает «Фрам» с остальным миром. Сейчас эта связь оборвется. Еще не изобретено радио, и корабль, уходящий в море, глух и нем. Три года, а может, и пять лет они не будут знать, что делается дома, и те же томительные годы их родные будут мучиться неизвестностью.

Последние письма Еве. Старой Марте Ларсен: «Не могу не написать тебе нескольких слов на прощание и не поблагодарить тебя за всю твою бесконечную доброту ко мне и Еве, за твою постоянную готовность приютить и приласкать».

Бьёрнстьерне Бьёрнсону: «Я хотел бы по возвращении найти нашу Норвегию свободной».

…Уходит, тает в тумане лодка, где прощально размахивает руками Александр Иванович. Только всхлипывания весел слышны еще некоторое время. «Фрам» медленно, ощупью идет к выходу из пролива.

Карское море припасло для «Фрама» и шторм, и туманы, и

льды, но всего этого в меру. Плавание было скорее однообразно-спокойным, чем опасным. А на четырнадцатый день карского похода Свердрупу, высматривавшему из бочки медведей и моржей, посчастливилось даже открыть небольшой плоский остров.

18 августа «Фрам» был против устья Енисея. Продолжая продвигаться на северо-восток, корабль постепенно приближался к мысу Челюскин. Временами мешали сильные встречные течения и противные ветры, но Нансен утешал себя мыслью, что именно терпение есть то, чем каждая полярная экспедиция должна запасаться в первую очередь.

События конца августа лишний раз убедили его в этом. «Фрам», только что исправно давивший корпусом волны, вдруг почти остановился на месте, словно щупальца фантастического подводного исполина присосались к его днищу. Прибавили оборотов машине — не помогло. Подняли давление пара, рискуя взрывом котла, — «Фрам» пополз вперед, но так вяло, что в состязании с черепахой ему не было бы обеспечено безусловное первенство.

— Мертвая вода, — определил Свердруп.

Весь экипаж толпился на палубе, перебрасываясь замечаниями. Только двое или трое слышали о такой воде раньше.

— Ребята, похоже, что мы тащим море за собой! — удивлялся Бентсен. — С таким шлейфом далеко не уйдешь.

Нансен делал промеры, брал пробы. Зачерпнули сверху — вода совсем пресная. Бентсен даже выпил большую кружку и очень хвалил. А немного поглубже оказалась обычная морская вода.

Дело было в том, что какая-то река поблизости вливала в море много пресной воды. Она не сразу смешивалась с более тяжелой морской, а, скапливаясь, разливалась на поверхности. «Фрам» вошел в верхний, пресный слой, который заскользил по более тяжелому, плотному соленому слою. Энергия корабельного винта тратилась не столько на продвижение судна, сколько на образование внутренних волн у границы слоев.

Свердруп тщетно вертел «Фрам» туда и сюда, кружил на месте. Мертвая вода лишь бугрилась волнами, которые иногда забегали от кормы вперед до середины корабля.

Почти пять дней корабль полз в мертвой воде, которая наконец отпустила его только затем, чтобы вытолкнуть в сплоченные льды.

Сентябрь начался тихой снежной погодой. Плоские, стертые берега побелели. Где-то неподалеку бродила зима. Нансен с

тревогой думал, что к началу сентября Норденшельду на «Bere» уже удалось в свое время обогнуть мыс Челюскин, тогда как «Фрам» был еще довольно далеко от этого мыса, и льды не обещали легкого пути к нему.

Укрыв судно в бухте. Нансен погнал крепкую лодку в разведку. Он вернулся только под утро, когда разыгралась нешуточная пурга. Ему удалось найти проход, но кто мог сказать: не замкнут ли он льдами в нескольких милях восточнее?

Раздвигая льды, вслепую тычась во мраке по мелководью, не обозначенному на картах, которые вообще иной раз больше путали, чем помогали, «Фрам» к утру 9 сентября вошел в разреженный лед. Вскоре подул попутный шквалистый ветер. Нансен, совсем окоченевший в «вороньем гнезде», но довольный переменами, спустился к Свердрупу:

— Сознаюсь тебе — еще вчера я думал о зимовке по эту сторону Челюскина и, значит, о потере года. А сегодня… Ты видишь — лед отнесло к северу и у берега образовался канал?

Свердруп покачал головой:

— Как бы он не был ловушкой. Я бы остался на месте.

— Чтобы потом ругать себя за упущенный случай? Нет, давай рискнем!

Поставили паруса. Ветер дул ровно и сильно. «Фрам» пошел со скоростью 8 миль в час. Вскоре он выбрался в открытую воду, простирающуюся до самого горизонта.

Мысы уплывали назад один за другим, и Нансен различал уже в подзорную трубу смутные очертания заветной возвышенности.

Вечерело. Сверху, из бочки, земля казалась особенно плоской и пустынной. Солнце медленно опустилось в море. Зажглась первая звезда. Она стояла прямо над мысом Челюскин и одиноко мерцала в бледном небе.

Рассвет 10 сентября 1893 года Нансен встретил в «вороньем гнезде». Свердруп тоже не ложился в эту ночь. «Фрам» был у самого северного выступа Евразии.

На мачте взвились флаги. Трижды громыхнул над морем салют. Задымилась чаша с пуншем па столе кают-компании. Нансен поднял стакан:

— За ваше здоровье, ребята, поздравляю с Челюскиным!..

— А меня — с выигрышем! — добавил Бентсен.

Штурман Якобсен протянул ему две пачки табаку: оказывается, штурман держал пари, что «Фраму» не удастся в этом году обогнуть Челюскин.

Пока довольный Бентсен засовывал табак в карман, удивляясь, почему штурман нимало не огорчен проигрышем, к

Якобсену подошел Нурдал и протянул три табачные пачки. Якобсен, этот отчаянный игрок, поспорил и с Нурдалом, утверждая на сей раз, что «Фрам»… непременно обогнет злосчастный мыс в этом году!

…Итак, сгинул колдун Челюскин, угрожавший зимовкой. Перед «Фрамом» — прямой путь к цели, во льды, дрейфующие севернее Новосибирских островов. Корабль спешит туда — и снова, против ожидания, все идет гладко, разреженные льды сменяются чистой водой, темное небо на горизонте обещает беспрепятственный путь.

18 сентября — исторический день для команды. В 12 часов 15 минут «Фрам» меняет курс.

Экспедиция находится под 75°35’ северной широты. Нос корабля обращен теперь на северо-восток. Скорее вперед, туда, где течение подхватит, понесет и льды и корабль к полюсу!

За кормой «Фрама» пенится бурун. Далеко на востоке маячит светлое пятно — отблеск покрытого снегом острова Котельного. Подойти к нему, к складам продовольствия, устроенным Толлем? Нет, на это уйдет слишком много времени. Вперед, под всеми парусами вперед! «Это самое прекрасное из плаваний, какие я когда-либо переживал», — записывает Нансен.

За борт летят засмоленные бутылки — почтовые голуби моряков. В них короткие записки на норвежском и английском языках: «Все благополучно, широта 76°», «Все отлично, широта 77°, идем на север».

На корабле не смолкают смех и шутки. «Фрам» несется все дальше и дальше, а из бочки дозорный неизменно кричит:

— Чистая вода! Чистая вода!

Нансен едва сдерживает торжество. Как хочется ему сообщить друзьям в далекую Норвегию, что Челюскин взят, что путь вперед открыт, что корабль несется все дальше на север. Ведь чем севернее им удастся вмерзнуть во льды, тем вероятнее, что «Фрам» окажется возле полюса!

Даже рассудительный, не торопящийся со своими суждениями Свердруп поддается общему настроению:

— Мы, пожалуй, дойдем до восьмидесятого градуса. Или дальше? До восемьдесят пятого? И по чистому морю!

Но «Фрам» не дошел ни до 85-й параллели, ни даже до 80-й. 20 сентября судно уперлось в кромку льдов.

Прохода не было.

Следующие два дня не принесли ни перемен, ни новостей. Было похоже, что «Фрам» достиг северной границы открытого моря. Солнце, пробившее тучи, позволило определиться: 77°44’

северной широты.

Да, мечты о проникновении в более высокие широты, пожалуй, приходилось забыть. Не здесь ли «Фраму» суждено вмерзнуть во льды? А почему бы и нет? Место достаточно удобное, способное стать надежной ледовой гаванью.

«Фрам» причалил к большой льдине. Команда затеяла генеральную чистку и стирку. На корабле развелось немало «безбилетных пассажиров». Усилия одиночек помогали плохо, и расторопный Бентсен взялся истребить зловредных насекомых с помощью новейшей техники. Собрав белье команды в большую бочку, он по шлангу пустил туда пар из котла:

— Сейчас они запоют у меня лебединую песнь!

С этими словами Бентсен прибавил пару. Вдруг — трах! Бочка не выдержала давления, белье разлетелось по палубе, насекомые — тоже.

— Каждый собирай своих! — заорал Бентсен.

В конце сентября похолодало. Рассеялся туман, висевший над морем. Команда увидела, что «Фрам» уже окружен быстро смерзающимися льдинами.

С тех пор как человек впервые проник в полярные моря, захват судна в ледовый плен всегда заставлял тревожно биться сердца мореплавателей. Люди «Фрама» были, наверное, первыми в мире моряками, созерцавшими его совершенно спокойно. Нансен записал в этот день: «Да, мы здесь, видимо, застряли. Ну что же, пусть так. В таком случае: добро пожаловать, льды!»

Первая часть его плана была выполнена, в общем, удачно. Отсюда попутное течение должно понести «Фрам» в сторону полюса.

Год уходит…

31 декабря Нансен просыпается раньше обычного. Ему не хочется сразу вставать. Он лежит на своей жесткой постели — обитые войлоком доски, никакого матраца, маленькая подушка — и перебирает в памяти события уходящего длинного года.

В крохотной каютке совершенно темно. На «Фраме» нет иллюминаторов — они уменьшили бы прочность судна. Все еще спят. Тихо. Только временами слышно, как с гулом трескается лед.

Что же, 1893 год принес много хорошего. Он помог осуществить мечту, унес необыкновенный корабль в центр Полярного бассейна. И уж если говорить о главных героях Первой норвежской полярной экспедиции — так ее назвали, — то начинать надо с «Фрама».

Не счесть всех сжатий, небольших, сильных и даже чудовищных, выдержанных его крепкими боками. На него ползли огромные глыбы, давили, толкали, а он только приподнимался, выжатый ими, чтобы потом своей тяжестью ломать очутившуюся под ним подстилку, — и так до нового сжатия. Теперь даже самый жуткий треск и оглушительный грохот пугают самого робкого из команды не более, чем гром отдаленной грозы. Никому не приходит в голову хотя бы просто выйти на палубу, чтобы взглянуть, что делается вокруг.

Спасибо старому году и за то, что все на судне бодры, веселы, здоровы. Доктор Блессинг ноет, что он уже совершенно разучился лечить людей. Лишь псы, постоянно и остервенело грызущиеся между собой, доставляют ему кое-какую практику; впрочем, последнее время доктор увлекся научными наблюдениями.

Ведь вокруг открывается новый, почти неведомый человеку мир. Наблюдения за погодой — их производят днем и ночью, через каждые два или четыре часа, — наблюдения за свойствами воды, ее обитателями, атмосферным электричеством, над льдами и подледными течениями дают иногда такие неожиданные результаты…

Однако довольно нежиться. Прочь одеяло! Бр-р, холодно! Нансен тянется к выключателю. Как ослепителен свет электрической лампочки! Наверное, там, наверху, крепкий ветер особенно усердно вертит сегодня парусиновые крылья электрической машины.

Теперь гимнастика: двадцать минут, ни секундой меньше. От ледяной воды захватывает дыхание. Так, посильнее разотремся жестким полотенцем.

Взгляд падает на большой портрет, прибитый к стене. Его нарисовал Эрик Вереншельд. Ева держит на коленях Лив. Через восемь дней Лив исполнится год. Она уже, наверное, лепечет первые слова. Или, может быть, уже ходит.

Когда-нибудь Лив прочтет дневник отца. Вот он, на столе.

Сколько страниц уже исписано в нем! Ему доверено самое сокровенное из пережитого и перечувствованного. Заставь же время побежать назад — и пусть весь уходящий год, оставивший следы на твоих страницах, промчится в памяти в эти утренние часы.

Нансен садится на койку, листает дневник. Наверное, описание их экспедиции — если только ему суждено когда-нибудь увидеть свет — будет донельзя пресным и скучным. Где драматические приключения? Где полярные трагедии? Все тихо и благополучно — не корабль, а плавучая гостиница! Просто удивительно, до чего мало было у них происшествий!

Впрочем, вот запись 2 октября. Скотт-Хансен, доктор Глессинг и Иохансен ставили палатку для научных наблюдений и, увлекшись, долго не замечали, что к ним с живейшим интересом присматривается отощавший медведь. Ружей у них с собой не было, и Блессинг, уговаривая остальных не шуметь, чтобы пе спугнуть зверя, вызвался сходить к «Фраму» за подмогой.

Но едва доктор стал на цыпочках красться к кораблю, как медведь, который и не думал пугаться, отрезал ему путь: с какой стати упускать добычу! Доктор с необыкновенной поспешностью вернулся к товарищам. Втроем они принялись вопить и размахивать руками. Но медведь попался не из робких.

Нансен улыбается, вспоминая, как преследуемая зверем тройка мчалась к «Фраму». А медведя он, спустившись на лед, уложил тогда с первой пули.

В другой раз дело кончилось не так благополучно. Когда это было? Вот, совсем недавно, в среду, 13 декабря.

Ночью многие слышали какой-то шум на палубе и ожесточенный лай собак. Псы ссорились довольно часто, так что в ночном шуме не было ничего необычного. Однако Педер Хенриксен, позже поднявшийся на палубу с фонарем, чтобы накормить собак, не досчитался троих из них. Чертыхаясь, он спустился на лед для разведки. Тут-то на него в темноте и напал зверь. Ошеломленный Педер по чувствовал сквозь одежду острые зубы и, защищаясь, со ксей силой хватил медведя фонарем по башке. Зазвенели стекла, медведь остолбенел, а Педер помчался прочь о скоростью, какой трудно ожидать от человека в зимнем одежде и тяжелых сапогах.

Конечно, медведь догнал бы Педера, но зверя отвлекли

собаки. Надо было видеть, как задыхающийся Педер влетел на «Фрам» с криком: «Ружье! Ружье! Он цапнул меня за бок!» Уложил зверя Иохансен.

Медведь, оказывается, утащил с палубы трех псов. Собак привязывали на ночь к железным крюкам, и они не могли спастись. Истерзанные трупы валялись на льду. Погиб пес, которого Бентсен окрестил «другом Иохансена». Эта собака почему-то возненавидела лейтенанта и никогда не упускала случая злобно облаять его.

Гибель псов — событие, конечно, печальное. Но как раз в этот день собака Квик, взятая еще из Норвегии, принесла тринадцать щенят. Опять тринадцать! И 13 декабря. Лишний повод для пустословия о «роковом» числе.

Должно быть, под конец старый год изрядно одряхлел и обессилел и потому унес «Фрам» не так далеко на север, как следовало бы. На карте линия их дрейфа ужасно зигзагообразна. «Фрам» то несло в одну сторону, то тянуло в другую. Временами казалось, что корабль попал в заколдованное место, где лед бестолково движется взад и вперед.

Вот она, запись от 8 ноября:

«Мой план рухнул. Построенный из теорий дворец, который я гордо и самоуверенно воздвигал, свысока относясь ко всем вздорным возражениям, при первом же дуновении ветра рассыпался, словно карточный домик. Можно строить самые остроумные гипотезы — будьте уверены, действительность над ними посмеется… И все же… Нет, нет. Нельзя отбросить такие, например, доказательства, как сибирский плавник. Но если мы все-таки на ложном пути, что тогда? Чьи-то надежды будут обмануты — вот и всё. Если мы даже погибнем — что значит наша гибель в бесконечном круговороте вечности?»

Эти строки не назовешь бодрыми. Но ведь в тот день «Фрам» находился на 77°43’ северной широты. Это после того, как в самом начале дрейфа ему удалось было пересечь 79-ю параллель! Поневоле напишешь о рухнувшем плане, когда через полтора месяца их в конце концов унесло не к северу, а к югу.

Потом дела немного поправились, и несколько дней назад, в прошлое воскресенье, «Фрам» снова был севернее 79-й параллели. Да, старый год мог бы потрудиться и получше. Пусть теперь их продвижением к полюсу займется со свежими силами новый!

Уже восемь часов. Пора на прогулку. Нансен натягивает серую куртку с капюшоном, толкает дверь и оказывается в кают-компании. Вкусно пахнет тестом. Должно быть, затеяна грандиозная стряпня.

На трапе скрипит смерзшийся снег. В полнеба пылает

северное сияние. Цветные полосы дрожат, переливаются, меняя оттенки. На другой половине небосклона теплятся звезды. Тихо и морозно. Сейчас, в середине полярной ночи, ледяная пустыня окутана серой мглой даже в полдень.

Нансен идет по дорожке, протоптанной к снежной хижине. Там приборы для научных исследований. Сзади плетутся псы. На их хвостах — сосульки. Когда собака лиляет хвостом, они гремят. Над каждым псом — облачко выдыхаемого пара.

«Фрам» тоже дышит: влажный воздух из вентилятора тянется по ветру белесым дымком. Корабль придавлен снегом. На нем ни одного огонька, только разноцветные блики сияния перебегают по заиндевевшим мачтам, по белым шапкам на реях.

На палубе появилась темная фигура, закачался тонкий лучик света. Это Иохансен вышел с фонариком к своим термометрам. Наверное, как всегда, налегке: он уверяет, что нечувствителен к морозу.

Нансен возвращается к «Фраму». Из люка тянет теплом. В кают-компании над столом уже натянута гирлянда норвежских флажков и вывешено разрисованное меню праздничного ужина.

К вечеру стол сервируют эмалированными железными тарелками и такими же чашками. Зажигают во всех уголках кают-компании свечи — больше света, тьма так надоела!

Все собираются задолго до полуночи. Смотрите-ка, Скотт-Хансен надел офицерский муцдир, накрахмаленную сорочку. Ну и франт этот Скотт-Хансен! Нарядился, словно на прием во дворец, только вот беда: из белых манжет торчат красные, обмороженные руки. Остальные тоже принарядились в чистые фуфайки, выскоблили щеки, расчесали бороды и благоухают туалетным мылом.

Торжество начинается с чтения «Фрамсии» — так называется выходящая на корабле газета. Ее редактор — доктор Блессинг. У доктора стремление к возвышенному, и потому в газете много стихов. Доктор читает обращение к Новому году, которое заканчивается так:

Смотри же, мальчик, разведи льды!
Смотри же, чтобы мы завоевали победу!
Смотри, чтоб мы рождественского поросенка
Зарезали в следующий раз уже по ту сторону
Северного полюса!

Иохансен открывает праздничный концерт. Он здорово играет на гармони. Его коронный номер — песня «Переход Наполеона через Альпы в открытой лодке».

— Браво! Браво! А теперь — на руках!

Иохансен не заставляет долго просить себя. Он встает на руки и идет вокруг стола, забавно болтая ногами в воздухе. Легко отталкивается от пола, пружинно разгибается — и даже лицо не покраснело от натуги.

Иохансен ведь один из лучших гимнастов Норвегии. Недаром он получил в Париже золотую медаль.

Потом Нурдал садится за фисгармонию, а Мугста берет свою старую скрипку. Доктор, волнуясь, пробует спеть популярную арию. Это ему плохо удается, но снисходительные слушатели аплодируют так бурно, что со стены срывается картина, изображающая трех купающихся принцесс, которых врасплох застали три превращенных в медведей принца. У нее тяжелая рама, и тем, кто сидит на диване, достается по затылку. Принцессам в связи с этим приходится выслушать несколько энергичных выражений.

Близится полночь. Скотт-Хансен торжественно вносит пунш.

— Друзья! — Нансен встает, и все тоже встают. — Минувший год принес нам, в сущности, одно хорошее. Спасибо всем вам за доставленные друг другу радости и удовольствия, за дружную, товарищескую жизнь. Пусть и в новом году будет не хуже.

Стрелки часов сходятся, и каждый прижимает свою чашку к сердцу. А потом все кричат «ура» и затягивают песню, сложенную в Норвегии перед уходом «Фрама»:

> Не плачь, родина-мать.
> Это от тебя Сыны твои унаследовали страсть к путешествиям,
> Которая увела их с обычного пути,
> Научила держаться вдали от берегов.

Тост за тостом, песня за песней. Кто это там притих в углу стола? Скотт-Хансен? Вспомнил свою невесту… Выше голову, дружище! У каждого из нас осталась там, в нашей Норвегии, частица сердца. Но мы ведь вернемся туда.

Вернемся ли?..

Коварен океан, лют мороз, опасны льды. Что «Фрам» с его тринадцатью обитателями перед лицом необузданных титанических стихий? Даже сейчас, сию минуту, может начаться небывалой силы сжатие — и треснет, как скорлупка, корабль.

Но пока в кают-компании тепло, стол заставлен яствами. В чашках осталось по хорошему глотку пунша. И ие спето еще много чудесных песен о верности, мужестве и долге.

Новый план

Вскоре после встречи Нового года Нансен заметил Свердрупу, что на судне, пожалуй, слишком много праздников. Не разленились ли молодцы?

Свердруп, причмокивая, сосал свою короткую трубочку.

— Команда делает свое дело, — заметил он, — а дела не так уж много.

— Пока действительно немного…

Свердруп вопросительно поднял брови. Однако Нансен не стал пояснять смысл своей фразы, капитан же «Фрама» не любил задавать вопросы.

А Нансен испытывал сложные, противоречивые чувства. Его расчеты оказались правильными за одним исключением.

Правильными, поскольку «Фрам» совершил благополучное плавание вдоль берегов Азии, зашел на север дальше, чем Нансен предполагал первоначально, выдержал все испытания при сжатии льдов.

Исключение же было одно, но весьма существенное: вместо ожидаемого мелководного моря с ярко выраженными сильными течениями «Фрам» оказался над такими глубинами, что ни один лот не доставал дна. Но это значило, что надежда на продвижение в места, близкие к полюсу, столь же слаба, как слабы течения в глубоководных бассейнах.

А полюс притягивал Нансена. Он сердился на себя, доказывал себе, что достижение полюса — вопрос тщеславия, что тщеславие — детская болезнь, от которой вылечиваются с годами и которую он должен преодолеть. Доказывал, доказывал, но однажды после прогулки на север по гладкому льду, словно созданному для саней, записал в дневнике:

> «Чем больше я хожу и присматриваюсь к этому льду по всем направлениям, тем больше у меня зреет план, который уже давно занимает мои мысли. По такому льду можно на санях и на собаках достигнуть полюса, если, конечно, совсем покинуть корабль и обратный путь совершить через Землю Франца-Иосифа, Шпицберген или по западному берегу Гренландии. Это будет даже не такой уж трудный путь для двоих мужчин…
>
> Конечно, пускаться в путь этой весной было бы слишком опрометчиво. Сначала нужно посмотреть, куда и как далеко на север понесет нас летом. Кроме того, меня мучат сомнения: правильно ли будет с моей

стороны покинуть товарищей? Подумать только: вдруг я вернусь домой, а они — нет? Но, с другой стороны, разве я отправился в экспедицию не для исследования неизвестных полярных областей? На это жертвовал свои деньги норвежский народ. Значит, первая моя обязанность — сделать все, что в моих силах, для достижения этой цели пли, по крайней мере, для получения наибольших результатов в этом направлении».

Нансен старался трезво, всесторонне, критически взвесить все сильные и слабые стороны нового плана. Двое должны покинуть корабль без малейшей надежды вернуться на него. У них не должно быть даже мысли об этом. С того момента, как товарищи пожмут им руки, желая счастливого пути, двое должны рассчитывать только на себя. Что бы с ними ни случилось, помощи не будет! Ни при каких обстоятельствах. На корабле не должны даже помышлять о спасательных экспедициях: нет малейшей доли вероятности, что люди с дрейфующего судна смогут найти двух человек, ушедших по льду, дрейфующему с другой скоростью и, возможно, и другом направлении.

Но о себе Нансен думал меньше, чем о тех, кто останется. «Вдруг я вернусь домой, а они — нет?» — эта мысль не выходила у него из головы. И в сотый раз Нансен перебирал в уме опасности, которые могли угрожать «Фраму», неожиданности, с которыми могла встретиться его команда после ухода полюсной партии.

В судовой библиотеке было шестьсот книг. Тут собрали все, что печаталось о полярных экспедициях. Нансен снова перечитал давно знакомые страницы. Все мореплаватели с редкостным единодушием сходились на одном: главная угроза для корабля в Арктике — сжатие.

Кэн считал, что за один день, когда льды атакуют судно, человек стареет больше, чем за год обычной жизни. Юлиус Пайер, первым обследовавший на «Тегетгофе» Землю Франца-Иосифа, описывал один из таких дней: «Экипаж, видя неминуемую гибель, решил оставить корабль и, захватив самое необходимое, бросился спасаться. Тяжело переживать подобные минуты! Приходится наскоро переодеваться, рискуя быть задавленным в этой ничтожной скорлупке, которую поминутно подкидывает грозная сила; бросаешь последний прощальный взгляд на все то, что оставляешь в каютах, с чем никогда бы не расстался; а вокруг слышен свирепый гул, двери со свистом растворяются и затворяются, вылетают стекла…»

Так было на «Тегетгофе»; примерно так бывало и на сотнях других кораблей. Но ведь ничего похожего не испытала команда «Фрама».

Как-то Нансен услышал через дверь взрывы хохота. Что там случилось? Да просто молодцы в кают-компании читали вслух протоколы ученого спора, в которых «неопровержимо» доказывалось, что «Фрам» будет раздавлен задолго до того, как достигнет 80-й параллели. Эти протоколы Свердруп извлек на свет божий как раз вовремя: именно в тот день корабль пересек 80-ю параллель.

Люди смеялись, они были уверены в своем «Фраме» — и не была ли эта уверенность ответом на вопрос, больше всего мучивший Нансена?

В феврале день заметно прибыл. Над горизонтом появилась яркая заря. Нансен все чаще ездил на собаках. Он не выбирал погоду и гонял упряжку даже при 50 градусах мороза с ветром, когда плевок, замерзая на лету, падал льдинкой. Собаки бежали бодро, лед был гладким, и в скрипе полозьев Нансену слышалось: «На полюс! На полюс!»

Всю вторую половину зимы «Фрам» медленно несло над немыслимой бездной. Почти 3500 метров лотлиня — тонкой стальной проволоки с грузом на конце — не доставали дна. Потом лотлинь лопнул, и свинцовый груз отправился искать дно самостоятельно. Бентсен сказал, что, должно быть, земная ось вертится в широкой сквозной дыре, и глупо искать возле нее дно.

Итак, под «Фрамом» по-прежнему была бездна. Бездна «гасила» течение. За пять зимних месяцев корабль продвинулся всего на один градус к северу! И ничего нельзя было сделать, чтобы ускорить дрейф. Тут человек бессилен. Деятельную натуру Нансена это бессилие угнетало больше всего, вызывало приступы тупой тоски.

> «Никакой борьбы, никакой возможности борьбы. Все так тихо и мертво, все застыло, окоченело под ледяным покровом. Я чувствую, что душа у меня леденеет. Чего бы и не дал за один день борьбы, за мгновение серьезной опасности! — записал он в конце марта. — Приходится выжидать. Надо еще посмотреть, каков будет дрейф. Если он примет неверное направление, я сожгу за собой все мосты, все силы положу на поход прямо по льду к северу».

81-ю параллель «Фрам» пересек только 17 мая. Этот день норвежской конституции они праздновали, как норвежцы,

жаждущие увидеть свою родину свободной. Тринадцать человек дважды обошли вокруг «Фрама» под чисто норвежским флагом, без значка унии со Швецией. Флаг нес Нансен. Потом Нансен поднялся на капитанский мостик и произнес речь о праве маленького народа самому устраивать свою жизнь так, как он хочет.

Они не были бы норвежцами, если бы их праздничная манифестация была лишь торжественно-серьезной. И доктор вышагивал со «знаменем» — надетой на древко рубашкой, где красными буквами было написано требование нормального рабочего дня (что при отсутствии врачебной практики и безделье казалось вполне естественным); метеорологи несли жестяной щит с надписью, призывающей добиваться всеобщего избирательного права, а замыкал шествие повар Юлл с котелком для каши…

Вот и лето. Июньское солнце освещает трещины, полыньи, лужи, ржавые консервные банки, появившиеся на белый свет вместо подснежников. Собаки, которые ходили с высунутыми языками уже при 10 градусах мороза, теперь просто изнывают. У них началась линька, шерсть лезет, клочьями носится в воздухе.

На огромном ледяном поле неподалеку от «Фрама» — целое озеро. Спустили на него каяки, попробовали, может ли экипаж «Фрама» уместиться в одной шлюпке. Когда все тринадцать отчалили, осиротевшие псы завыли в диком отчаянии. Самые смелые пустились вплавь за лодкой, увозившей их хозяев.

Нансен хохотал вместе со всеми. Но он приметил тех псов, которые бросились в воду. Этих можно будет без риска поставить в головную упряжку, если он пойдет к полюсу…

Розовые чайки

В один из августовских дней Нансен в промокших сапогах бродил но льду неподалеку от корабля. Что за птица парит над ледяной грядой? Моевка? Нет, слишком острые крылья. Скорее, поморник. Но у поморника темнее оперение.

Нансен выстрелил. Птица, трепеща крыльями, упала на лед. Что это? У нее серебристо-крапчатая спинка, отливающая красновато-оранжевым цветом грудка. Розовая чайка!

Еще на «Викинге» Нансен слышал об этих таинственных птицах Севера, которых удавалось видеть лишь немногим морякам. Никто не мог сказать, откуда они появлялись и куда улетали. Это были птицы того загадочного мира, куда фантазия уносила юного Нансена. С тех пор увидеть розовых чаек стало его мечтой — и вот она осуществилась так буднично просто.

Нансен подстрелил еще двух розовых чаек для пополнения уже довольно богатых коллекций «Фрама». Как заблуждались люди, уверявшие, что на высоких широтах нет птиц! И сколько других заблуждений уже рассеяно «Фрамом»!

С тех пор как Нансену запала в голову мысль о походе, он особенно старался увлечь научными занятиями и Скотт-Хансена, и Свердрупа, и Блессинга: пусть будет смена. Очень хорошо, что доктор часами просиживает за микроскопом, наблюдая жизнь крохотных водорослей, взятых из луж пресной воды на льду. Превосходно, что Свердруп заинтересовался загадками ледяного покрова океана и помогал выяснять, почему всю весну и начало лета лед таял, но становился не тоньше, а толще. Капитан убедился, что талая пресная вода, просачиваясь в трещины, попадала на подледный слой соленой воды, охлажденной примерно до –1,5 градуса, и, естественно, замерзала, утолщая лед. Лишь во второй половине лета он стал быстрее таять сверху, чем намерзать снизу.

А сюрприз с глубинами! Открытие глубоководного полярного бассейна дополнялось другим, тоже сильно менявшим старые, привычные представления. Сотни измерений температур на разных глубинах доказывали, что под поверхностным холодным слоем в Центральной Арктике есть более теплый слой вод. Уже эти два открытия оправдали бы поход «Фрама».

С продолжением же наблюдений, с уточнением открытого, конечно, могли вполне успешно справляться и Свердруп, и Скот-Хансен. Они уже привыкли к полной самостоятельности в научных наблюдениях.

Да, на точной карте дрейфа красная линия ломалась

невозможными зигзагами, крутила петли, но общее направление было в конце концов таким, как и предполагал Нансен. За год они прошли 189 морских миль и продвинулись на 4° к северу. Дрейф, судя по летним наблюдениям, может ускориться. Очень вероятно, что будущая весна застанет «Фрам» на 84° или даже 85°, и тогда…

Тщетно Нансен снова и снова внушал себе, что достижение полюса — пустяк в сравнении с тем, что уже сделала и еще сделает для науки команда «Фрама». Укоряя себя за глупость, за легкомыслие, он все же чувствовал, что готов идти к полюсу хоть завтра.

Лето на 81-м градусе короче воробьиного носа. В конце августа лужи затянуло льдом, выпал снежок, и по его пушистой белизне к «Фраму» пожаловал первый медведь. Славные из него вышли бифштексы! Вообще на судне еще никто не жаловался на то, что еды мало или что она однообразна. Многие находили жизнь на «Фраме» просто замечательной; дома им приходилось пробавляться овсяными лепешками да рыбной похлебкой. Как-то Нансен спросил Петтерсена, прозванного «кузнецом Ларсом», что тот будет делать, когда вернется в Норвегию.

— Недельку-то отдыха я, верно, заслужил после такого плавания, а потом снова возьмусь за кузнечный молот, — вздохнул Петтерсен.

У «кузнеца Ларса» осталось в Норвегии четверо ребятишек, и не так-то просто будет прокормить их всех. А машинист Амунсен — у него шестеро детей; у электрика Нурдала — пятеро; у кока Юлла — четверо; у Педера Хенриксена — столько же.

Далеко не всех привела на «Фрам» жажда приключений. Некоторых подгоняла к его трапу нужда, желание хорошо заработать. Но теперь и у них появилась ясность цели, гордость за свое судно, верность общему делу.

И не без умысла, как в этом убедился Нансен, Петтерсен часто заменял в камбузе Юлла и научился готовить не хуже того. «Кузнец Ларс» рассказал, что ему привиделось во сне, будто Нансен с четырьмя спутниками потел к полюсу, но его, Ларса, кровно обидел, не взяв с собой, — обойдусь, мол, без кока.

— Может же присниться человеку такой вздор!.. — закончил Ларе, выжидательно косясь на собеседника.

Так, так! Выходит, что в команде говорят о том же, о чем сам Нансен только и думает последние месяцы!

— Пожалуй, не такой уж это вздор, Ларс. Может статься…

Довольный Ларс попросил, чтобы наяву Нансен но поступил с ним, как во сне.

Кто второй?

В середине ноября стояли уже такие морозы, что пес, лизнувший железный болт, примерз к нему языком. Но Нансен не прекращал дальних прогулок.

Однажды он и Свердруп тяжело шагали рядом. Клубы пара, подсвеченные луной, плыли над ними. Нансен и раньше мимоходом заговаривал со Свердрупом о походе к полюсу, теперь же решил выложить все. Он говорил о плане и возможных просчетах, о долге перед наукой и о борьбе с самим собой.

В конце концов, сказал Нансен, полюсная партия может выступить и в том случае, если «Фрам» продвинется не дальше 83 градуса, даже 82-го. Оттуда до полюса, пожалуй, не дойти, но, по крайней мере, будет яснее, что там, на самых высоких широтах. А ведь именно это с самого начала и было главной целью экспедиции. Когда лучше выйти в путь? Ближайшей весной, вот когда. Не позднее марта. Пройдя к полюсу сколько хватит сил и достигнув или не достигнув его, санная экспедиция повернет к Семи островам — это севернее Шпицбергена — или к Земле Франца-Иосифа.

Свердруп сказал, что он да и многие другие на судне тоже думают о подобном походе.

Вечером они уединились в каюте. Свердруп только и мог протянуть: «Да-а, однако…», когда Нансен показал ему странички, где уже были точно подсчитаны вес и количество продовольствия, которое должны взять участники похода, нагрузка на каждую собаку, скорость продвижения в зависимости от состояния льда и многое другое. Свердруп углубился было в записи, но Нансен оторвал его:

— После, после. А теперь скажи мне совершенно честно: имею ли я право лишать корабль почти всех собак и лучшего санного снаряжения?

— Зачем собаки тем, кто останется? Ребята не так слабосильны и, если что, сами впрягутся в санки. Но почему ты говоришь «имею ли я право»? Оставайся-ка, а я пойду.

Нансен знал, что Свердруп так скажет, иначе он не был бы Свердрупом.

— Нет, старина, не спорь. И не в том дело, что ты на девять лет старше меня. Ты справился бы с походом к полюсу не хуже меня, я это знаю, но ты — капитан, твое дело вывести корабль. Если бы я не знал, что «Фрам» в твоих руках все равно что в моих, я бы сразу выбросил из головы всю затею. Но на тебя я могу положиться вернее, чем на себя, — ты в море опытнее меня. Твое

место здесь… А Иохансен? Что ты скажешь о нем?

— Гм… Иохансен? Что ж… Ты уже говорил ему?

— Нет. Хотел сначала посоветоваться с тобой.

— Иохансен подойдет. Этот не любит зря чесать языком. И лыжник хороший.

Дня три спустя состоялся долгий разговор с Иохансеном. Говорил один Нансен, говорил подробно, как будто хотел еще раз проверить ход своих мыслей. Он не торопил с ответом: пусть Иохансен поразмыслит денек-другой.

Но тот сказал, что уже все решил.

— Подумали ли вы, что, быть может, ни один из нас никогда не увидит больше людей?

— Да, — спокойно ответил Иохансеи, — я об этом подумал. Такой смертью умереть не стыдно!

Затем Нансен собрал команду и рассказал о походе. Он говорил, что привести «Фрам» невредимым в Норвегию не менее почетно, чем идти к полюсу. Команда достигла многого. Ни один корабль еще не заходил так далеко на север. Но приписывать успех только себе было бы нечестно. Не надо забывать и о предшественниках. Путь для «Фрама» проложен их трудами, их борьбой и мужеством. Теперь каждый должен сделать все для того, чтобы, хорошо завершив начатое дело, проложить дорогу тем, кто пойдет после «Фрама».

* * *

Еще не иссякли разговоры о том, как славно прошла встреча 1895 года — второго Нового года, встреченного во льдах, еще подавались к столу остатки новогодних яств, как негаданно нагрянула беда.

После полуночи 3 января началось такое сжатие, какого «Фрам» еще никогда не испытывал. К утру оно особенно усилилось, и тогда шагах в тридцати от судна вспучилась громадная ледяная гряда. Она надвигалась на корабль. Что, если ледяной вал нависнет над «Фрамом» и обрушится на него сверху? Не поможет ни форма корабля, ни крепость его бортов…

И едва ли не впервые на лица людей легла тень тревоги.

«Фрам» сильно накренился на левый борт. На палубе привели в готовность нарты и каяки. Запасы хлеба, собачьего корма и керосина подняли из трюма, разложив их на палубе и на льду.

Под вечер лед снова пришел в движение. Педер, выскочивший на палубу, закричал:

— Вода заливает собак!

Через открывшуюся трещину вода затапливала будки возле судна. Педер бросился вниз и, стоя по колено в ледяной жиже, стал вышибать дверцы. Некоторые псы с испуга забились в дальние углы запертых будок и мокрые, дрожащие жалобно там скулили.

Уже за полночь при свете фонарей команда соорудила у дальнего тороса временный склад продовольствия, приволокла туда же цистерны с керосином.

На следующий день гряда медленно поднималась все выше и грознее, в то же время продвигаясь к левому борту корабля. Осталось десять метров, потом семь, а к часу ночи — не более пяти…

Грохот усиливался.

Нансен долго не ложился спать. Обошел каюты, проверяя, все ли готово на случай, если придется покинуть судно, у всех ли положены в походные мешки одежда и обувь. Потом записал в дневнике: «Это медленное потопление, право; медленно, но верно надвигается проклятая гряда…»

Усталость взяла свое, и в третьем часу ночи он заснул. Пробуждение было не из приятных — Свердруп тряс его за плечо:

— Она подошла уже к самому борту!

Был шестой час утра. Лед грохотал с небывалой силой. «Фрам» вздрагивал, что-то трещало, скрипело.

Никто уже не спал. С правого борта стали сгружать на лед оставшееся продовольствие. У левого настыл грозный ледяной вал, готовый к последней атаке.

Эта атака началась только в восемь часов вечера. Снова загрохотало пуще прежнего. Завыли собаки. Вал дрогнул.

Шурша, шлепались глыбы снега, потом застучали ледяные обломки. Тент прогнулся под их тяжестью.

Еще несколько томительных минут — и раздался треск дерева, звучавший для людей похоронным звоном.

— Все наверх! — крикнул Нансен. Он боялся, что лед завалит вход в каюты, запрет людей в мышеловке.

Волоча мешок с одеждой и громыхающий связкой кружек, пробежал штурман Якобсен. Раздирающий душу вой несся из загородки вдоль левого борта, где была заперта часть собак. Нансен бросился туда, ножом сшиб запор, распахнул дверцу.

Амунсен, торопясь с ношей, споткнулся, упал и на миг потерял сознание. Почему-то погас свет. Темнота еще больше взвинтила нервы. Началась настоящая суматоха.

Когда Нансен на несколько минут спустился к себе в каюту, балки над его головой трещали уже так, что казалось, вот-вот они переломятся, словно спичка.

Неужели настал конец «Фрама»?

В опустевшем доме

Первую заметку о гибели экспедиции на «Фрамо» Ева Нансен прочитала в английских газетах. Автор заметки ссылался на какие-то таинственные слухи из Сибири.

Потом норвежская «Утренняя почта» сообщила, что гибель «Фрама» не помешала Нансену дойти на лыжах до Северного полюса и открыть возле него неизвестную землю. Газета ссылалась на телеграмму, присланную из Иркутска и подписанную несколько странно: Кушнарев, поставщик Нансена. Выяснилось, что Кушнарев — русский купец, у которого Толль закупал продовольствие для вспомогательной базы на Новосибирских островах. Племянник этого Кушнрева, Петр, отправил из сибирского городка Усть-Янска промышленников на острова Ледовитого океана для поисков мамонтовых бивней. И вот промышленники будто бы встретились с Нансеном.

В других газетах писали, что адмирал Макаров строит ледокол, на котором русские пойдут искать Нансена к Земле Франца-Иосифа.

Затем запыхавшийся почтальон привез на велосипеде в «Годтхоб» срочную телеграмму. Полицейский чиновник из небольшого поселка на севере Норвегии сообщал, что рыбаки только что выловили в море две засмоленные бутылки. Там были краткие письма, написанные Нансеном на Северном полюсе.

Ева довольно равнодушно пробежала глазами сообщение. Она устала от слухов и теперь не верила им.

…Первые недели после ухода «Фрама» Ева не выходила из дому и никого не принимала. Особенно были ненавистны Еве те, кто считал долгом выразить ей свое сочувствие, чуть ли не соболезнование. Разве она уже вдова? Конечно, ей было тяжело. Но от пустых слов легче не становилось.

Она была благодарна Марте Ларсен. Последние дни перед отъездом Фритьофа старушка часто наведывалась в «Годтхоб». Но после ухода «Фрама» Марта не пришла, а лишь послала корзинку омаров, которые любила Ева. У простой крестьянки оказалось гораздо больше чуткости, чем у так называемых светских людей.

Назло всем сочувствующим и соболезнующим Ева после недель затворничества появилась на улицах Кристиании веселая, улыбающаяся, жизнерадостная. Молва тотчас осудила ее за легкомыслие.

Она взяла учеников и усердно занималась с ними музыкой. Ей предложили вспомнить старое и дать несколько концертов. Сначала Ева наотрез отказалась, потом передумала.

Первый же концерт собрал массу публики. Пришли послушать певицу Еву Саре и посмотреть, как выглядит теперь жена Нансена. Газеты напечатали восторженные отзывы о концерте. Ева пела в Кристиании, потом в Бергене, Стокгольме, Гетеборге. Публика особенно горячо аплодировала бесхитростной народной песенке:

Я не хочу кручиниться, а все же рвется грудь…
Вернется ли мой милый назад когда-нибудь?
Когда цветы и травы луга украсят вновь,
Вернется друг желанный!
Так долго, долго жданный!
Не вянет, нет, не вянет горячая любовь!

Последние письма от Фритьофа она получила глубокой осенью 1893 года. Из конверта выпало несколько засохтих цветов тундры — бледных, хрупких. Фритьоф послал их из Хабарова. Он писал, что Ева везде с ним, во льдах и туманах, в работе и в мыслях. Он повторял, что верит в победу, но не согнется и при поражении.

Вскоре в «Годтхоб» приехал в отличном экипаже Александр. Он тоже получил письмо из Хабарова. Пожалуй, не стоило бы показывать его Еве. Но Александр был прежде всего человеком дела, а в письме речь шла именно о деле: Фритьоф оставлял брату распоряжения на случай своей гибели во льдах.

— Я счел долгом поставить вас в известность… — сказал Александр с виноватым видом.

Ева сухо поблагодарила и добавила, что, по ее мнению, Александру не придется затруднять себя ее делами.

Александр поспешил откланяться. Он особенно переменился после того, как женой его стала властная англичанка. Та свысока смотрела на все норвежское: города казались ей бедными, обычаи — несносными, люди — грубыми.

Потом в «Годтхоб» пришла старая Марта. Ева выбежала в сад ей навстречу. Марта так и сияла, с гордостью доставая из кожаной сумки письмо Фритьофа.

…Это были его последние письма. С тех пор прошло столько времени… и ничего, кроме слухов. А теперь фантастическая история с выловленными в море бутылками. Сразу две — и обе с Северного полюса!

Конечно, скоро пожалуют репортеры вечерних газет. Начнутся расспросы: что она думает по этому поводу? Что она хотела бы заявить в связи с этим? А назавтра она прочтет в газетах то, чего она не говорила и не могла говорить.

Недавно один англичанин, побывав в «Годтхобе», описал свои впечатления в высокопарно-постной газетной статье. О рабочем кабинете Нансена он выразился в том смысле, что там «все приводит на ум слова Писания о девах, беспрерывно поддерживающих огонь в светильниках в ожидании жениха». Он воспроизвел трогательную сцену, когда она, Ева, положив руки на голову маленькой Лив, прощебетала: «Вот мое единственное утешение».

А в тот день, когда англичанин приезжал в «Годтхоб», Лив гостила у бабушки; в рабочий же кабинет Нансена его попросту не пригласили…

Вот и первый гость шагает по дорожке. Он уже бывал в «Годтхобе» перед отъездом Фритьофа. Это Рольфсен. Он, кажется, лучше других журналистов.

Гость был скромен и любезен. Ева рассказала историю с англичанином, и журналист от души посмеялся. Потом речь зашла о слухах по поводу экспедиции. Ева сама предложила гостю пройти в кабинет Фритьофа.

Через несколько дней одна из популярных газет напечатала статью.

Рольфсен не нашел у маленькой Лив сходства с ангелочком:

> «Вдруг с плачем и криком вбежала Лив… Ей, видите ли, непременно нужны были ножницы, чтобы разрезать скатерть пополам. Ева Нансен с сердцем сказала: „Ишь какая гадкая девчонка!“ И Лив выпроводили».

Ева улыбнулась. Да, так оно и было! А, вот и их разговор о сообщении русского купца:

> «Я стал серьезно и с искренним убеждением говорить в пользу Кушнарева и его племянника.
>
> — А по-моему, оба врут! — сказала она резко.
>
> Меня, наконец, просто взорвало. Я-то явился сюда узнать и рассказать потом всему свету, как жена Нансена сидит и дрожит за него, будто осиновый лист, переходя от чувства радости к страху, а тут…
>
> Но, прежде чем я успел сказать что-либо, я невольно весь вздрогнул, мороз побежал у меня по спине. Это она отворила позади меня дверь.
>
> — Не угодно ли вам посмотреть рабочий кабинет моего мужа? Все, что вы найдете там, — к вашим услугам! — сказала она любезно, затем затворила за мной дверь и уселась в своей теплой комнате у камина, очага или как там его зовут у них.

Я же остался один, едва переводя дыхание от холода… И я отметил в своей книжке: „Нашел третий ледяной полюс Земли“.

Больше там и нечего было искать. В жизни своей я не видел подобного хаоса.

Повсюду шкафы, сундуки, ящики, битком набитые книгами, рукописями, письмами, инструментами, консервами… А из-под кучи старых стекол выглядывал — страшно сказать! — диплом члена-корреспондента самой Парижской Академии наук».

Так вот куда Фритьоф его засунул!.. Однако у гостя острый глаз.

«Я принялся ворочать эти замерзшие глыбы книг, и мне удалось восстановить кровообращение… Я перебрался в теплую комнату. Ева Нансен сидела, склонившись к камину… Щелканье моих зубов привело ее в себя.

— Прохладно там? — спросила она вкрадчиво, затем уселась, скрестила руки на груди и сказала: — Теперь задавайте вопросы. Можете не стесняться!

Не стесняться! Помилуй бог! Я даже не рискнул спросить, в котором году она родилась. Так и не рискнул. И теперь не знаю этого, а такие данные все же спрашиваются в биографии.

Я начал спрашивать о разных пустяках, о чем мог бы узнать из любого энциклопедического словаря, и не коснулся ничего интимного, о чем спросили бы в подобном случае более опытные журналисты-специалисты, например о том: ласков ли он с ней, часто ли они дрались наедине и о тому подобных щекотливых и самых интимных вещах, о которых поэтому-то именно и надлежит знать всем и каждому».

Ева читала и смеялась. Все это было совсем не похоже на обычные газетные статьи. Уж в юморе-то Рольфсену никак не откажешь!

Наверное, после этой статьи ее снова станут осуждать за спесь, холодность, резкость. Пусть! Она все равно не будет публично выворачивать душу наизнанку. О том, что пережито и передумано, она расскажет только Фритьофу…

ВДВОЕМ К ПОЛЮСУ

Дело, начинавшееся трижды

…Минуты, когда над головой спустившегося в каюту Нансена трещали крепчайшие балки, были самыми опасными и критическими. Вскоре после этого ледяные громады выдохлись и сжатие прекратилось.

Первую ночь после тревоги команда спала не раздеваясь, с дорожными мешками в обнимку. Кое-кто привязал к себе самые нужные вещи, чтобы не забыть их, если опять придется опрометью выскакивать из кают.

Ночь, однако, прошла спокойно, а с утра люди принялись освобождать от снега и осколков льда продавленный, готовый рухнуть тент.

Если бы «Фрам» мог слышать все похвалы, которые ему теперь воздавались, он, наверное, высоко поднял бы свой нос. Кто мог выдержать удары такого ледяного тарана? Только «Фрам»! Постонал, покряхтел, накренился на один бок — и вот его снова выжимает наверх, целехонького и невредимого.

А когда после работы люди собрались в кают-компании, вошел Скотт-Хансен и, выждав тишину, сказал с напускным равнодушием:

— Да, кстати. Я вот тут закончил вычисления. Сегодня наши координаты — 102 градуса 51 минута восточной долготы и… — тут он сделал паузу, — 83 градуса 34 минуты северной широты. Если не ошибаюсь, еще ни один корабль не забирался так далеко на север, как наш «Фрам».

— И вообще ни один человек с кораблем или без корабля, — подхватил Иохансен. — Ура!

Они шумели и радовались, забыв о вчерашнем. Ближе всех к полюсу! И уж раз «Фрам» выдержал самый страшный экзамен в таких местах, то стоит ли много раздумывать над тем, что ты живешь на вулкане? Есть ведь занятия более полезные, чем разговоры о пережитой беде: надо, например, поскорее сколоть верхушку опасной гряды, пока льды опять не начнут дебоширить. И главное — надо получше подготовиться к полюсному походу.

Дни полетели в работе. Доделывались каяки, сани. «Кузнец Ларс» без устали стучал в маленькой кузнице. Свердруп сидел за швейной машиной и кроил мешки для пеммикана. Нансен снимал копии с дневников и судового журнала. Он отпечатал в двух экземплярах наиболее интересные снимки. Доктор учил его и Иохансена, как вправлять вывихи и лечить переломы. Блессинг был строг и заставлял обоих то ложиться на стол для «операции», то накладывать гипс на «сломанную» руку или ногу.

На ночь Нансен перечитывал описания санных экспедиций Пайера на Земле Франца-Иосифа. Не просто перечитывал, но старался запомнить отдельные места — те страницы, где перечислялись приметы мысов и заливов: ведь библиотеку с собой в поход не потащишь. С другими страницами он мысленно спорил. Пайер писал образно, красочно, однако кое-что виделось ему, пожалуй, в слишком мрачном свете:

> «Годы пройдут, а эти негостеприимные берега останутся все теми же, и снова воцарится здесь нарушенное нами их великое одиночество… Дикие берега островов омываются водой, несущей неисчислимые полчища льдин и ледяных полей, подчиненных одной лишь воле ветра. В течение короткого лета в растрескавшиеся береговые утесы ударяет прибой, волна с рыданием разбивается о камни, но некому услышать ее жалобу. Тысячелетние глетчеры сползают с гор, ломаются и оставляют куски своего холодного тела в темной морской пучине. Горы этой страны холода и зимы лишены растительности, они стареют и распадаются, а склоны их, усеянные каменными обломками, кажутся покрытыми костями мертвецов».

Нельзя сказать, чтобы это было бодрящее чтение! Пайер рисует Землю Франца-Иосифа царством смерти, откуда надо бежать не мешкая на спасительный корабль.

А для уходящих с «Фрама» к полюсу эта самая Земля Франца-Иосифа должна стать царством надежды. Они, напротив, покидают корабль, чтобы после тяжелого пути в неведомое выйти к «стране холода и зимы». Ее дикие берега должны принести им спасение. Эта земля должна дать им кров и пищу. Нет, черт возьми, двое мужчин с хорошими ружьями и верным глазом не могут погибнуть от голода там, куда залетают птицы и заглядывают белые медведи!

Все же, по правде говоря, при взгляде на карту холодок закрадывался в его сердце. Путь так долог, препятствий так много…

Но вот подошли к концу тренировочные походы с Иохансеном, объездка собачьих упряжек, подготовка снаряжения.

Последние дни перед выступлением в поход Нансен почти не спал. Он нервничал, несколько раз вспылил — это случалось с ним редко — и не мог отделаться от навязчивой мысли, что еще не все предусмотрено и продумано так, как надо.

Выход к полюсу был назначен на 26 февраля 1895 года. Команда уселась за прощальный ужин в кают-компании, разукрашенной флажками и неуклюже смастеренными из промасленной бумаги фонариками. Скотт-Хансен принес бутылку вина, которую берег с отхода из Норвегии. Конечно, это был не самый веселый ужин на «Фраме», но каждый бодрился изо всех сил.

Разошлись по каютам поздно. Нансен вовсе не прилег в эту последнюю ночь. Рассвет застал его за столом. Он оставлял в каюте «Фрама» письма на случай, если ему никогда не суждено будет увидеть родину. Другие же готовили письма для отправки с ним: ведь если поход удастся, двое должны вернуться в Норвегию раньше «Фрама». Это были очень короткие и совсем легкие письма — они не должны стать лишним грузом.

Утром вспышки прощального салюта тускло блеснули в снежных вихрях. Снег поскрипывал, застоявшиеся собаки на ходу грызлись между собой, путая постромки четырех нарт.

Вдруг Нансен услышал крики. У перегруженных задних нарт сломались сразу три перекладины. Возвращаться на корабль? Дурная примета, скажут некоторые.

Пусть говорят. Эту неудачу можно считать удачей: нарты могли сломаться на полпути.

28 февраля вторично громыхнул салют. Несколько человек пошли провожать уходивших. Но с шестью нартами возни было куда больше, чем с четырьмя. С места первой ночевки «Фрам» был виден так же хорошо, как утром. На грот-мачте корабля ярко горел электрический дуговой фонарь. По верхушкам торосов чадили факелы и костры из пакли. Славная иллюминация! И вдобавок к ней — небольшой концерт: псы, которых тянуло назад, к теплу, жалобным воем старались обратить внимание хозяев на такую явную нелепость, как ночевка в снегу.

На другой день провожающие распрощались с уходящими. Кое у кого блеснула слеза. Неисправимый Якобсен предлагал пари, что Нансен вернется еще раз.

— Слушай-ка, Нансен, — точно спохватившись, сказал в последнюю минуту Свердруп, — не собираешься ли ты после возвращения домой отправиться на Южный полюс? Смотри дождись меня.

…Прошло пять дней. Нансен вывел в дневнике: «Среда, 6 марта. Опять мы на „Фраме“».

Да, они снова вернулись. День пути убедил Нансена, что с шестью санями далеко не уйдешь. Можно было бросить двое саней и часть груза. Но Нансен ничего не делал кое-как. Разумеется, неловко дважды возвращаться на корабль после салютов, прочувствованных речей и трогательных рукопожатий. Нансен, однако, победил в себе это, в сущности, довольно мелкое чувство.

В третий раз они пошли 14 марта. Теперь груз был размещен всего на трех отличных, укрепленных железными скрепами нартах. Снова салют, снова прощание. Впрочем, Якобсен отказался прощаться: ему понравилась роль пророка.

По большому льду

Два человека, двадцать восемь собак, три четверти тонны груза, 40 градусов мороза, многие сотни километров ледяной пустыни, за всю миллионолетнюю историю Земли ни разу не слышавшей человеческого голоса, — таким было исходное положение в начавшейся борьбе.

Нансен еще в Гренландии научился тянуть сани, заменяя вьючное животное. Теперь все повторялось. Правда, там, в Гренландии, не было помощников — собак. Но зато гренландский ледник не горбился торосами, через которые нужно переволакивать сани, поднимая и опуская их столько раз, что одной этой работы хватило бы на десяток сильных и здоровых парней.

Эти-то торосы и беспокоили Нансена всё больше и больше. Те ровные ледяные поля, которые возбуждали самые радужные надежды при санных прогулках возле «Фрама», кончились гораздо раньше, чем предполагал Нансен. С девятого дня пути началась непрерывная возня с подниманием и подтаскиванием тяжелых парт. И чем дальше, тем шло все хуже и хуже: трещины, полыньи, торос на торосе.

Несмотря на лютую стужу, у Нансена и его спутника полосы слипались от пота. Испарина пропитывала одежду, и к концу дня она сомораживалась в ломкий ледяной панцирь. Снятая с плеч затвердевшая куртка могла стоять, как рыцарские доспехи. Обледеневшая, она и по весу не уступала средневековым латам и налокотникам, только не звенела, а хрустела и трещала.

Сбросить бы с себя все, переодеться… Но где? В легкой шелковой палатке? И во что? Запасное белье — это лишние килограммы. Оно осталось на корабле.

— Ничего, все на свете проходит, как сказала лисица, когда с нее сдирали шкуру, — повторял Нансен спутнику любимую поговорку капитана Крефтинга.

На ночь они забирались в общий спальный мешок, затягивали его отверстие и постепенно оттаивали, лязгая зубами и дрожа так, что сотрясалась палатка. Едва одежда начинала подсыхать, они совали за пазуху мокрые рукавицы, носки и стельки из меховых сапог.

Высушить все это по-настоящему не удавалось никогда. Как только Нансен выскакивал из спального мешка — он всегда делал это первым, чтобы приготовить поесть, — его влажная фуфайка и штаны тотчас затвердевали.

Но если бы беда была только в стуже! Можно терпеть всё,

когда спокойно на душе. Однако откуда взяться спокойствию, если вместо 15 километров в день они, выбиваясь из сил, нещадно колотя собак, едва проходят пять-шесть?

Труд того, кто идет с собаками по арктическому льду, особенно изнурителен из-за обилия постоянных мелких препятствий.

Постромки собачьих упряжек рвутся, скручиваются, перепутываются. Распутать и снова связать их можпо только голыми руками. В первый же день пути на израненных и обмороженных пальцах не остается целой кожи.

Все распутано, развязано — но тут нарта зацепилась за выступ льдины. Нарта приподнята, собаки рванули… Но что за след тянется по льду? Распоролся мешок с сухарями. Держа иголку в тех же многострадальных пальцах, ездок зашивает дыру, трогает дальше, и… вожак упряжки проваливается в трещину. От всего этого можно завыть!

И так день за днем. Разница в том, что 17 марта было 42,8 градуса мороза, а 22-го — 42,7; в том, что 23 марта была убита и скормлена остальным первая собака, а 3 апреля — вторая; в том, что 2 апреля снялись с ночлега около трех часов дня, а 4 апреля тронулись в путь в три часа утра.

Оба так уставали, что сон одолевал их на ходу, валил во время еды; не раз и не два Иохансен засыпал, неся ложку ко рту, и проливал суп на колени. У него было железное здоровье, тренированное тело и крепкие нервы. После двух недель мук во льдах он жаловался только на хрипоту. Нельзя же безнаказанно целыми днями кричать на собак, когда от мороза смерзаются губы.

— Все на свете проходит… — твердил Нансен.

А на душе было все беспокойнее и беспокойнее. Больше всего тревожили Нансена не торосы, не морозы, не трещины, не кровоточащие руки. Как-то в конце марта он определился по солнцу — и не поверил себе: получалось, что они находятся лишь на 85°30’; между тем им даже при самом черепашьем ходу полагалось бы пересечь 86-ю параллель. Ошибка в наблюдении? Или нечто гораздо худшее — ошибочный расчет на благоприятный дрейф льдов?

На семнадцатый день пути, когда погода немного смягчилась и было «всего» 30 градусов мороза, Иохансен провалился в полынью. Полынья быстро расширялась, и Нансен остался на одной стороне, в то время как промокший и мигом обледеневший Иохансен, стараясь согреться, прыгал как одержимый на другой.

Нансен сумел переправиться. Они разбили палатку. Лежа в спальном мешке возле стучащего зубами спутника, Нансен задавал себе вопрос: разумно ли идти дальше на север? Если бы у них было побольше собак! Хотя бы дне сменные упряжки. И подумать только: ведь «Фрам» мог зайти в свое время к устью реки Оленек, где были приготовлены запасные партии сибирских

ездовых собак. Но тогда не хотелось терять времени, рисковать задержкой, тогда никто не думал о санном походе к полюсу, и вот теперь…

— Чего бы я не дал сейчас за псов, которые ждали нас в Оленеке! — сказал Нансен спутнику.

Но тот заметил, что на запоздалых сожалениях к полюсу не уедешь. Остается поточнее определить координаты и тогда еще раз все взвесить, все рассчитать.

В полдень 3 апреля Нансен снова определился — и что же: их путь все еще не пересек 86-ю параллель! Это могло означать только одно: пока они делают два шага к северу, лед под ними успевает продвинуться на шаг к югу. Повинуясь каким-то капризам течения, не предвиденным Нансеном, он сводит на нет все усилия.

4 апреля, проваливаясь в полыньи, припорошенные снегом, двое переползли, наконец, через невидимую черту 86-й параллели. После этого они еще три дня тащились по отвратительному льду.

Когда даже самые варварские удары палками не смогли поднять полумертвых собак, Нансен прошел вперед, выбирая торос повыше. Вскарабкавшись на него, он увидел к северу непроходимый ледяной хаос.

Никому из смертных не удавалось еще проникнуть так близко к полюсу. Внизу, за торосом, лежали, тяжело дыша, измученные псы. Иохансен ждал его решения. Если он скажет «вперед», Иохаисеп впряжется в нарты. Но что дальше?

Смерть!

И даже не на полюсе, а скорее где-то на дороге к нему. В лучшем случае — на обратном пути. Смерть без пользы для пауки.

Нансен тяжело сполз с тороса и, пока Иохансен ставил палатку, определил координаты лагеря — 86°13. Значит, до полюса остается 419 километров.

Нет, не дойти, не одолеть. Вот если бы две, нет, пусть даже одна лишняя собачья упряжка…

Нансен воткнул древко с маленьким норвежским флагом по одну сторону палатки, Иохансен — по другую: пусть этот лагерь будет последним. Потом они досыта наелись и заползли в спальный мешок, чтобы с утра повернуть на юго-запад — туда, где в нескольких сотнях километров от их стоянки мыс Флигели стынет над необитаемой Землей Франца-Иосифа…

Но где же земля?

Три записи в дневнике:

9 апреля. «Итак, вчера мы совершили первый переход, направляясь в обратный путь… С небольшими остановками продвигались без всяких помех».

11 апреля. «Чем дальше, тем лучше. Вчера попались сплошь ровные прекрасные ледяные поля с небольшим количеством торосов и немногочисленными полыньями, затянутыми тонким льдом».

17 апреля. «Жизнь с каждым днем кажется все чудеснее; тяжелый период холодов позади. Мы движемся к твердой земле и к лету».

Тот ровный, удобный для саней лед, которого так недоставало по пути к полюсу, теперь, когда они повернули почти под прямым углом, стлался легкой дорогой к дому. Они мечтали о том, что быстро дойдут до Земли Франца-Иосифа и оттуда переберутся на Шпицберген. А там, возможно, аастапут корабль и, чего доброго, осенью будут дома. Дома!

Правда, случилась неприятность — на одном из привалов Иохансен, потянувшись за часами, убедился, что они остановились. Нансен торопливо полез в карман и застонал:

— Мои тоже!

Оба проспали слишком долго, и завод кончился. Весьма печально — теперь нельзя будет точно определять долготу того места, где находишься. Но ошибка не должна быть большой, часы Нансена, видимо, остановились совсем недавно. И вообще не стоит огорчаться — все идет превосходно, лед гладкий, собаки бегут бодро.

Опять три записи в дневнике — ровно через месяц пути:

9 мая. «Собакам, по мере того как число их уменьшается, становится все тяжелее и тяжелее… После полудня набежали облака и ветер усилился, а к трем часам закурилась настоящая вьюга… Все более и более удивительным становится то, что, продвигаясь на юг, мы никак не можем обнаружить признаков земли».

10 мая. «Путь к земле оказался куда более трудным, нежели мы думали; нам пришлось бороться со множеством врагов — не только с неровностями льда и плохой санной дорогой, но и с ветром, с полыньями и с туманами; все они одинаково опасные враги, и их трудно побороть, когда они соединяются вместе».

13 мая. «Нельзя отрицать, что жизнь наша — это изнурительный труд. Число собак и их силы со дня на день

убывают: животные устали, тяжко и утомительно погонять их вперед».

И снова главное было не в полыньях и вьюгах, но в убыли сил и не в нарастании усталости. Был враг посильнее всех этих одинаково опасных врагов, соединившихся вместе: неуверенность.

Примерно там, куда тащились они, на картах значилась открытая экспедицией Пайера Земля Петерманна. Но ее не было.

Что это значило? Либо они из-за неверных часов неправильно высчитывают долготу и на самом деле зашли вовсе не к Земле Петерманна, а черт знает куда, либо эта земля — совсем крохотная. Нансен не мог допустить возможности еще одного «либо»…

Он рассчитывал к концу мая, в разгар арктической распутицы, шагать но суше. Но их ноги все еще скользили по льду, вязли в снежной жиже. Казалось, что потрескался, разом придя в негодность, весь ледяной панцирь океана. Облачное небо всюду темнело отражением появившихся полыней.

Прошел май, начался июнь, а земли по-прежнему не было. Широкая полынья преградила путь, сзади раскрылась еще одна. Чтобы выбраться с ледяного острова, надо было починить каяки, изрезанные льдинами и изрядно помятые в дорожных передрягах.

Тяжелые капли первого дождя забарабанили по истрепанному шелку палатки. Дождь радовал: он смоет, растопит снег, по гладкому льду будет легче идти. Там, в Норвегии, сегодня, может быть, тоже льет дождь, только теплый, летний. Он шумит в густой зеленой листве. Маленькая Лив протягивает ручонки к радуге и беззаботно смеется…

Когда после недели чуть не круглосуточного труда каяки удалось починить, лед при подвижке закрыл полыньи. На время каяки превратились в обузу. Нансен с Иохансеном взвалили их на сани и зашагали по свежевыпавшему липкому снегу.

— Пожалуй, нас уносит в сторону от Земли Франца-Иосифа, — сказал Иохансен на одном из привалов. Они уже не раз начинали разговор о том, что волновало их больше всего.

— Возможно, — отозвался Нансен. — Я все думаю: не взять ли нам все-таки круче на юго-запад?

— А если земли нет и там?

— Тогда — через открытое море до Шпицбергена.

На чем? На старых каяках?! Иохансен удержался от ненужного вопроса.

Оба вынули дневники.

«Конца нет этому однообразному льду, — писал Нансен, — лед, лед и лед, нигде на горизонте ни признака земли, ни

проблеска открытой воды…»

«Идем и через полыньи, и по исковерканному льду, и сами не знаем, где мы, — записывал в эти самые минуты Иохансен. — На землю, к которой стремились столько времени, мы уже махнули рукой, теперь думаем только, как бы выбраться к открытому морю. Но до него далеко, да я добраться по нему до Шпицбергена тоже нелегкое дело. Насчет пропитания — одна надежда на ружья».

Успех настоящему арктическому путешественнику приносит чаще всего не рывок, не минутное сверхчеловеческое напряжение. Тому, кто, ярко вспыхнув, быстро гаснет, трудно добиться многого в туманах Севера.

Непрерывное упорное преодоление повторяющихся в разных сочетаниях тысяч однообразных препятствий — вот, в сущности, из чего обычно слагаются будни победителей Арктики. Неистощимое терпение становится тут одной из главных добродетелей. Терпение и упорство! Упорство, не ослабевающее ни на миг, подчинение одной цели всех мыслей, всех движений, всех желаний…

12 июня. «Становится все хуже и хуже; вчера почти не сдвинулись с места, прошли всего какую-нибудь милю… Найти дорогу в лабиринте торосов и полыней просто немыслимо. Вымокли, как выкупанные вороны».

14 июня. «Сегодня ровно три месяца, как мы покинули „Фрам“. Четверть года блуждаем мы по этой ледяной пустыне и все еще остаемся в ней. Я не представляю больше, когда придет конец этому; могу лишь надеяться, что он не так далек, пусть кончится чем угодно, открытой водой или сушей…»

15 июня. «Середина июня, а конца похода все еще не предвидится! Наоборот, положение ухудшается. Так скверно, как вчера, еще ни разу не было; пожалуй, и хуже тоже не может быть».

Оказалось, может!

16 июня. «Лед такой тяжелый, что можно прийти в отчаяние. Единственное утешение — сознание, что хуже уже быть не может».

Прошло еще несколько дней. Впервые за месяцы изнурительного пути Нансен, несмотря на страшное утомление, ночами лежал без сна, мучительно думая об одном и том же. Пусть он ошибается в вычислениях долготы из-за злосчастной остановки часов. Но ошибка не может быть особенно грубой. Они должны находиться теперь где-то возле мыса Будапешт, который поднимается над обозначенной на карте Пайера Землей Вильчека. Мыс же словно провалился. На горизонте — только льды.

Происходило что-то странное, непонятное, бессмысленное.

…Если бы Нансен знал истинную причину исчезновения Земли Детерманна и мыса Будапешт! Но именно эта-то весьма простая причина и не укладывалась в его голове. Так бывает иногда даже с теми, кто старается предвидеть в пять раз больше, чем может случиться.

Пока что Нансен был сбит с толку и не мог рассчитать даже приблизительно, когда им удастся ступить на твердую землю. В упряжке брели последние три собаки. С жуткой быстротой убывал керосин. Варево из собачьей крови плохо подкрепляло силы. Две подстреленные тощие чайки были единственным охотничьим трофеем. Забросили сеть, но в ней оказалось несколько несъедобных моллюсков. Небольшая рыбка, которую Нансен нашел мертвой на льдине, — вот все, что дало им море.

Земля Франца-Иосифа не появлялась. Шпицберген был недостижимо далек…

Без Нансена

Когда Нансен покинул «Фрам», Свердруп перешел в его каюту. С грустью просидел он первый вечер возле стола, раздумывая над инструкцией, оставленной Нансеном.

«Я передаю тебе дальнейшее руководство экспедицией до ее завершения, — писал Нансен. — С того дня, как я покину „Фрам“, к тебе перейдет во всей полноте власть, которая до сих пор принадлежала мне, и все остальные должны беспрекословно подчиняться тебе или тому, кого ты назначишь начальником. Я считаю излишним давать тебе какие бы то ни было указания относительно того, что следует предпринимать при тех или иных случайностях — даже если бы возможно было дать эти указания; я знаю, что ты сам сумеешь найти лучший выход из затруднительных положений, и считаю поэтому, что могу со спокойной совестью покинуть корабль».

Это скорее письмо друга, чем инструкция начальника своему заместителю. Таких людей, как Фритьоф Нансен, власть не портит, нет!

«Твоя обязанность, — читал дальше Свердруп, — доставить порученных тебе людей благополучно на родину, не подвергая их никакой ненужной опасности ни ради сохранения судна или груза, ни ради научных результатов экспедиции».

А сам Фритьоф, написав это, пошел туда, где опасность на каждом шагу!

«Никто не знает, сколько времени пройдет, прежде чем „Фрам“ выйдет в открытое море. У тебя хватит провианта еще на несколько лет; но если по каким-нибудь непредвиденным причинам экспедиция слишком затянется, или экипаж начнет страдать от болезней, или ты по каким-нибудь другим соображениям сочтешь за лучшее покинуть судно, это должно быть сделано безусловно. Ты сам определишь, в какое время года лучше всего это сделать и какой путь вам избрать».

И дальше — несколько деловых советов, короткая программа научных работ, имена людей, отвечающих за ее выполнение.

Инструкция кончалась так: «В заключение желаю всяческого счастья тебе и всем, за которых ты теперь несешь ответственность. До счастливой встречи в Норвегии — на борту этого корабля или без него.

Преданный тебе Фритьоф Нансен».

Свердруп дочитал и задумался. Ушел… Конечно, Иохансен — парень что надо, но все же было бы вернее, если бы рядом с Нансеном шагал теперь он, Свердруп. Правда, Нансен слеплен

для Севера. Уж он-то найдет способ выкарабкаться из любой переделки, будьте уверены! И все же… Вдвоем к полюсу, без всяких промежуточных баз, без надежды вернуться на судно.

Да, на такое способен только Нансен!

…Привычно, размеренно потекли дни и недели, и только тревога за ушедших омрачала настроение команды.

В начале мая возле «Фрама» расширились полыньи. По судно по-прежнему было припаяно к большой, толстой льдине и дрейфовало вместе с ней на запад еще медленнее, чем раньше. Несколько дней в конце весны «Фрам» даже тащило назад, на восток. О продвижении к северу, которое раньше волновало всех, теперь говорили почти равнодушно: «Фраку» нужно было поскорей в Норвегию, а то, что лежало ближе к полюсу, взял на себя Нансен.

С приходом лета лед вокруг «Фрама» стал раскалываться. Но прочнейшую льдину с припаянным кораблем только поворачивало из стороны в сторону, и Свердруп, не полагаясь целиком на силы природы, попытался помочь им.

Первую мину заложили за кормой. Взрыв основательно тряхнул «Фрам», но льдина казалась целехонькой. Однако не успел Свердруп пожалеть о зря затраченном порохе, как трещина

вдруг расколола ее. Корма «Фрама» обнажилась, корабль качнулся и соскользнул в воду.

Свердруп придирчиво осмотрел со шлюпки своего любимца. Ни вмятин, ни поломок. Осенью «Фрам» вмерзнет в лед и продремлет третью полярную ночь.

Зимовка не страшила: продовольствия достаточно.

Нансен с Иохансеном, наверное, в этом году уже будут дома — значит, успокоят родных, скажут им, что вся компания вернется домой осенью 1896 года. Третья зима началась вполне спокойно. Для обитателей «Фрама» многое давно утратило остроту новизны, а мелкие неурядицы не мешали мечтать о сини фиордов и черепичных крышах в зелени садов.

Без Нансена все было как при Нансене. Сдружившись в первую зимовку, моряки берегли эту дружбу. Нансен сумел каждому найти свое место. Люди понимали смысл общей работы, и каждый чувствовал, что он тоже что-то значит в экспедиции. Нансен был уверен, что другие заменят его, что все будет хорошо, — и не ошибся.

8 октября небо в последний раз розовело отблеском солнца. День угас. «Фрам» медленно продвигался на северо-запад. В ноябре он достиг 85˚56’ — небывалой, неслыханной для кораблей широты, установив мировой рекорд дальности проникновения судна на север.

Свердруп объявил, что команде предстоит самая длинная полярная ночь из всех, какие когда-либо переживали люди на

Земле. Правда, добавил он, если бы Нансену с Иохансеном пришлось зимовать там, куда они пошли, то их ночь была бы еще длиннее.

Но они — на том сходилось большинство команды «Фрама», — наверное, уже совсем недалеко от дома. Якобсен даже предлагал пари, что Нансен разгуливает сейчас но улицам Кристиании, а Иохансен уехал к своей невесте в город Шиен.

«Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать»

Нет, Нансен и его спутник были еще очень далеко от родины…

Конец июня немного поправил их дела. Тюлень — и какой жирнющий! — вынырнул как раз в тот момент, когда Нансен закончил переправу через полынью. Его ружье лежало в каяке, а руки были заняты нартами, которые он вытаскивал на лед.

— Яльмар, стреляйте! Да скорее, скорее!

Иохансен выстрелил раньше, чем Нансен договорил. Тюлень — это был крупный морской заяц — задергался на воде, и Нансен, бросив нарты, всадил в него гарпун, чтобы добыча не пошла на дно.

Но наполовину вытащенные нарты соскользнули со льдины, накренили своей тяжестью плот из каяков, тот зачерпнул воду — походная керосинка и лыжи свалились за борт.

Нансен выпустил добычу и схватился за тонущий каяк. О ужас! Тюлень тотчас начал погружаться! Выдернув на льдину каяк, Нансен прыжком едва настиг ускользавший в воду гарпунный линь.

Когда груда мяса и жира была вытащена на лед, они бросились друг к другу и с радостными воплями пустились в пляс вокруг тюленя. У них была еда, много еды, у них было горючее!

День 24 июня — двухлетие выхода «Фрама» из Норвегии — они отпраздновали, туго набив желудки сырым и поджаренным тюленьим салом, кусками вареного тюленьего мяса.

Послеобеденное время прошло в приятных размышлениях о будущем и в чтении взятых с собой печатных произведений. Этими печатными произведениями были «Морской альманах» и «Навигационные таблицы», где, кроме бесчисленных цифр, в приложениях содержались высокополезные сведения о шведском королевском доме и о различных способах оживления утопленников.

На следующий день Нансену удалось подстрелить еще одного тюленя. Они невероятно, сказочно разбогатели — но, увы, и сильно отяжелели: все мясо и сало взять с собой было невозможно. Нансену вспомнились эскимосы, которые, приехав на сенокос и увидев, что трава еще слишком коротка, расположились на лугах, поджидая, пока она подрастет. Достойный подражания пример! Чем тащить с собой по распутице груды мяса и сала, лучше остаться возле них пока не растает

снежная каша на льду.

И они стали ждать в лагере погоду, потеряв счет тошнотворно похожим друг на друга дням. Даже дневники были почти заброшены: «Для чего снова писать? Что могу я вверить этим листам? Ничего, кроме того же непреодолимого, жгучего стремления добраться домой, прочь из этого удручающего однообразия».

Почти весь июль они томились в бездействии, много спали и ели, следили за полетом розовых чаек; единственным событием за это время была удачная охота на медведицу с медвежатами.

22 июля «лагерь томления» был покинут. У них осталось две собаки; приходилось рассчитывать на силу своих рук и ног. Чтобы облегчить нарты, оставили на льду часть мяса и немало вещей, даже любимый спальный мешок.

То волоча нарты по льду, то переплывая полыньи на каяках, они пошли к югу. На привале Иохансен влез на торос и пристально, долго присматривался к темному облаку над горизонтом. Он порывался что-то сказать Нансену, но раздумал.

Потом на торос вскарабкался и Нансен. Облако по-прежнему темнело вдали — странное облако, не менявшее формы. Приладив поудобнее подзорную трубу, Нансен вдруг вскрикнул сдавленным голосом:

— Яльмар, посмотрите-ка хорошенько вон туда!

Тот поспешно схватил трубу:

— Великий боже! Мне давно казалось… Земля!

Оба что-то бессвязно кричали, размахивая руками. Восторг, надежда — все было в этом крике. Они смотрели и не могли наглядеться на «свою» землю — небольшой остров с белыми снежными склонами и темной вершиной.

— Хорошо потрудимся — и завтра вечером будем там! — радовался Нансен.

— Вечером? Раньше!

Теперь и другие облака, висевшие над горизонтом, казались им «подозрительными». По крайней мере, одно из них сильно смахивало на остров.

Не теряя времени, Нансен и его товарищ поспешили к «своей» земле через полыньи и торосы. Но странное дело — остров как будто не становился ближе.

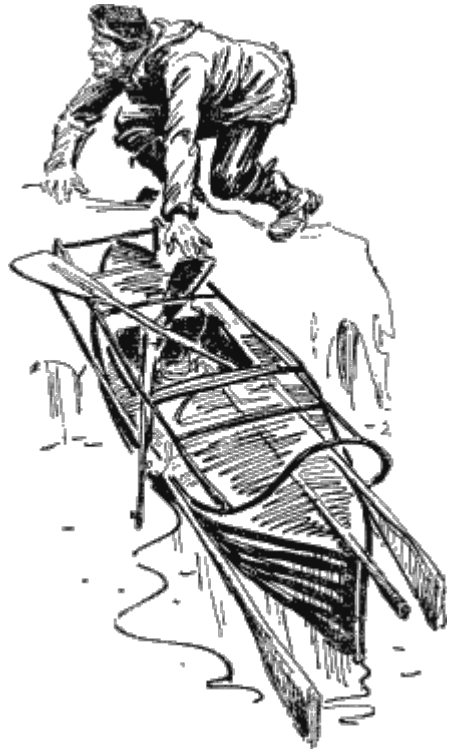
Ни вечером следующего дня, ни через пять дней она не дошли до земли — кажется, за весь путь им не попадался еще такой ужасный искореженный лед. Нервное напряжение сказалось у Нансена страшными болями в пояснице. Он не мог разуваться и обуваться, но, стиснув зубы, ковылял за нартами, опираясь на палку. Оба понимали, что если болезнь надолго свалит его, то им никогда не увидеть берегов Норвегии. Но боль прошла так же внезапно, как появилась.

Остров они увидели 23 июля, а 2 августа Нансен записал:

> «…Встречный ветер и течение опять отбросили нас от земли! Я боюсь, что с этими двумя неприятелями борьба бесполезна… Если так пойдет дальше, дело наше дрянь. Пока же нам ничего не остается, как идти вперед, напрягая все свои силы. Если же нас все-таки опять отнесет назад вместе с плавучим льдом, тогда, тогда…»

4 августа во время тумана нарты уткнулись в сугробы возле большой полыньи. Нансен спускал свой каяк в воду, готовясь к переправе, как вдруг услышал позади шум и возглас Иохансена:

— Берите ружье!

Нансен оглянулся.

Иохансен лежал на спине в мокром снегу, а огромный белый медведь готовился его прикончить. В раскрытой пасти блестели страшные клыки. Сейчас они вопьются в голову Яльмара…

Молниями мысли: броситься в каяк и стрелять оттуда? Подтянуть каяк и выхватить ружье? Нансен припал ко льду и повис над водой.

— Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать, — услышал он непостижимо спокойный голос Иохансена.

В это мгновение Нансену удалось дотянуться до приклада. Но он, конечно, не успел бы схватить ружье, взвести курок, повернуться и прицелиться, если бы медведя на несколько секунд не отвлекли собаки. Зверь зарычал на них — и заряд пробил ему голову.

Иохансен встал и как ни в чем не бывало принялся счищать мокрый снег с куртки. У него была слегка оцарапана рука и содран слой грязи с правой щеки.

По-видимому, медведь под прикрытием тумана крался за ними, как кошка. Иохансен свалился на спину от оплеухи, которую зверь закатил ему лапой. Медведь разинул пасть, чтобы откусить голову поверженного, но тот, вцепившись в медвежью глотку, в эту самую секунду произнес: «Вы должны

поторопиться…»

Белая Земля

6 августа им, наконец, открылся верный путь к острову. Лед внезапно кончился, за его кромкой темнела вода. Не полынья, не лужа — нет, уголок открытого, свободного моря с редкими льдинами. Море вольное, просторное — впервые с тех пор, как «Фрам» вмерз возле берегов Сибири!

Иохансен размахивал руками и сипло кричал: «Ура!» Возле самого края льдов вынырнул вдруг большой тюлень, а за ним еще и еще — пожалуйста, мол, стреляйте, мы тут, живые запасы мяса.

За полосой воды была земля. И одно только омрачало радость: в каяках не было места для собак. Верным, выносливым, им пришлось расставаться с жизнью на пороге лучших времен. Иохансен, зайдя за торос, застрелил Кай-фаса, к которому особенно привязался Нансен, а тот — пса Иохансена. Жестоко? Да. Но бросить собак, зная, что их не ждет ничего, кроме мучительной смерти от голода, было бы еще более жестоким.

Над связанными каяками приладили парус, ветер погнал плот к обрыву ледника, сползавшего в море. Ледяная стена искрилась на солнце, сверкала холодным светом, а возле нее носились розовые чайки.

Еще два дня плыли каяки вдоль неведомой земли. Наконец, выбрав местечко для высадки, Нансен вскарабкался на ледяной щит и осмотрелся. Он достал затем скопированную перед походом карту Дайера. Остается только сличить ее с островами, что виднелись сквозь туман в цепочке архипелага — и все станет ясным!

Он смотрел то на карту, то на острова, и недоумение его росло с каждой минутой. Никакого сходства. Все не так. На карте не было ни одного контура, в который можно было бы даже с изрядной долей воображения втиснуть какой-нибудь из этих холодных голых островов.

Но тогда, значит, острова, вдоль которых они плывут, еще никем не открыты. При других обстоятельствах это обрадовало бы Нансена, но сейчас он предпочитал увидеть что-либо знакомое, положенное на карту другими.

Нансен дал островам имена самых дорогих людей: Аделаида, Ева, Лив. Мать, жена, дочь. Лед и снег, покрывавшие острова, натолкнули на мысль назвать весь архипелаг Белой Землей.[2]

Но оттого что архипелаг получил название, его положение относительно давно открытых земель не стало более определенным. Оставалось только дальше пробираться вдоль неведомых островов в надежде, что всякая тайна когда-нибудь да

перестает быть тайной.

15 августа они причалили наконец к острову, который не был задавлен льдом и снегом. Первая настоящая земля за два года! Не осточертевший лед, а гранит под ногами. Двое грязных бородачей, словно дети, с наслаждением прыгали с камня на камень, пробуя ногами, прочно ли… Нансен прижимал к лицу влажный зеленый мох, вдыхал запах желтых полярных маков. А какое блаженство, раскинув руки, валяться на шуршащем, сухом гравии!

Потом они подняли над островом норвежский флаг. Но куда нанести на карте этот клочок суши? В западную часть архипелага Франца-Иосифа? Если так, то, значит, они сильно отклонились к западу и поэтому не видели островов, открытых Пайером. Странно, однако, что они не видели и Земли короля Оскара, которая в этом случае уж никак не могла укрыться от их глаз.

Переночевав на суше, Нансен со спутником перебрались на другой остров, повыше, и с него увидели открытое море. Хотя и беспокойная, опасная, но зато прямая дорога к Шпицбергену, — а оттуда, может быть, не ушел еще последний пароход!

17 августа Нансен с торжеством записал в дневнике: «…Перед нами чистая вода, и мы не зависим больше ни от льдов, ни от течения».

А неделю спустя:

24 августа. «Никогда, кажется, не кончатся превратности этой жизни. Когда делалась последняя запись, я был полон бодрости и надежд; и вот уже седьмой день сидим на одном месте. Путь преградили непогода, плотно нагромоздившиеся у берега ледяные глыбы; со всех сторон лежит непроходимый, изломанный и сплоченный лед. Ничего не видно, кроме ледовых нагромождений, торосов и прочих препятствий. Бодрость духа у нас пока сохранилась, но надежда — надежда на скорое возпращение домой — давно уже покинула нас; видимо, предстоит провести в этих местах долгую темную зиму».

ВО МРАКЕ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Хуже, чем у Робинзона

На острове, который они выбрали для зимовки, шумел птичий базар. Возле базальтовых скал в воде мелькали головы моржей. Следы белых медведей пересекали отмель.

(Первую ночь новоселы проспали прямо на камнях; крепкий августовский ветер рвал и трепал дырявую палатку.

— Не начать ли с крыши над головой? — предложил поутру сильно продрогший Иохансен.

— Нет, Яльмар, сначала мясо и топливо.

На острове не было ничего пригодного для костра: ни чахлого кустика, ни травы, ни плавника — ничего. Греть тут могло лишь чадное пламя горящего моржового жира.

В наскоро сложенной из камней берлоге — другого названия она не заслуживала! — Иохансен мог сидеть, а Нансен — только лежать, согнув колени и упираясь ногами в стену.

Промучившись ночь, они с рассветом начинали охоту. Подкрадывались к моржам; караулили белых медведей; стреляли расчетливо, берегли патроны. Адски трудно было свежевать огромные моржовые туши. Забравшись в ледяную воду, охотники, перепачканные кровью и салом, кромсали зверя. Буревестники и тучи отвратительно крикливых снежных чаек мешали им, требуя своей доли.

Когда на берегу выросли прикрытые шкурами кучи мяса и сала, можно было подумать о хижине.

Что и говорить, положение у островитян было похуже, чем у Робинзона.

Его остров отличался благодатным климатом, там вызревали виноград и лимоны. Их же необитаемая земля была выдвинута слишком далеко к полюсу, на ней росли только лишайники; многие месяцы тут царствовали черная мгла полярной ночи, свирепые морозы и леденящая пурга.

У Робинзона, когда он строил хижину, был под руками ящик с инструментами судового плотника, три мешка с гвоздями, два десятка топоров и даже точило.

У Нансена и Иохансена были только руки. Срывая ногти и кожу, они выламывали камни из замерзшей земли. Заступ смастерили из широкой лопатки моржа, привязанной к обломку лыжной палки, кирку — из моржового клыка и перекладины нарт. Даже пещерный человек с презрением отвернулся бы от таких инструментов!

Главным орудием строителей хижины было неистощимое терпение. Сложив стены, они забили щели мхом, натянули вместо

кровли замерзшие моржовые шкуры. Ложе устроили из груды камней. Входили, вернее — вползали в хижину по узкой, низкой траншее, но уверяли друг друга, что в новом жилище просторно, уютно и вообще чудесно.

Когда Нансен вставал посередине хижины, между головой и потолком оставалось пространство, позволяющее провести рукой по волосам. Он мог, не сгибая ног в коленях, улечься поперек хижины, упираясь головой в одну стенку, подошвами — в другую. Чего же еще желать?

Началась полярная ночь. Догорел последний отблеск последней зари. Завыла пурга.

Люди, надолго отрезанные от мира, иногда становятся злейшими врагами. Их все раздражает друг в друге. Привычки соседа кажутся глупыми, нелепыми, несносными. Малейшая оплошность одного вызывает вспышку ярости у другого.

Иохансен здорово храпел во сне. Нансену это мешало. Они распороли спальный мешок и сделали из него два. Но каждый отчаянно мерз в своем. Опять сшили общий. Когда храп соседа достигал силы иерихонской трубы, Нансен награждал его тумаками. Но Иохансен только поворачивался на другой бок: стоило ли обижаться на какие-то пустяки, придираться к мелочам?

Нансен старался никогда не напоминать, что он — старший. Они делили пищу, труд, радость и были довольны друг другом.

Когда хижину почти засыпало снегом, у них началось что-то похожее на зимнюю спячку. Еда и сон. Сон и еда. Утром — кусок вареного медвежьего мяса, вечером — кусок жареного медвежьего мяса. Без хлеба, без приправ. Как лакомство — кусочки поджарившегося сала из жировых ламп. Одни и те же разговоры: о доме, о «Фраме» и непременно — о том, какой это остров дал им приют и где он находится. Изредка — вылазка наружу: их зимняя одежда превратилась в лохмотья и не грела.

Даже дневники почти забылись: во-первых, не о чем было писать; во-вторых, в грязи и копоти, когда от прикосновения пальцев или рукава рубахи на листе бумаги оставались пятна жира и сажи, карандаш валился из рук. Мозг работал вяло, не хотелось двигаться, следить за собой.

За стенами выла пурга. День, второй, третий, неделю… Не верилось, что где-то, в каком-то другом мире, люди ходят в театры, носят чистое белье, нюхают цветы, умываются с мылом, зажигают электрический свет.

Тот бесконечно далекий мир вспоминался как сон, как сказка…

Неразгаданная загадка

Потрескивает жировая лампа. Фитили, свернутые из аптечных бинтов, чуть освещают хижину. Пахнет угарным чадом горелого сала. Этот запах держится даже в самые сильные метели.

Стены покрыты иголками инея: внутри никогда не бывает так тепло, чтобы не замерзала вода. На потолке слышно шуршание, будто там кто-то возится.

Яльмар сладко похрапывает в спальном мешке. Нансен, то и дело отбрасывая назад длинные, до плеч отросшие волосы — стричь их не стоит, так теплее, — царапает карандашом на грязном листе бумаги:

27 ноября. «Погода ветреная, снег крутит и хлещет тебе в уши, едва высунешь голову из лаза. Серо и пасмурно. Сквозь снежную мглу глаз едва различает у подошвы обрыва черные камни морены, а над ними угадываешь темную стену утеса; куда ни обернись — к морю или в глубь фиорда, — везде все та же тяжелая, свинцовая мгла. Ты отгорожен от всего мира, замкнут в самом себе. Ветер налетает резкими шквалами и гонит перед собой снег. А наверху, над гребнем скалы, он свищет и воет в трещинах и углублениях базальтовых стен; эту нескончаемую песню пел он в течение минувших тысячелетий и будет продолжать еще много грядущих. И снег кружит в своей вечной пляске, невзирая на смену времен».

Шуршание и возня на крыше усиливаются. Это голодные песцы — шкодливые полярные лисицы. Они грызут моржовую шкуру, которой покрыта хижина.

Нансен расталкивает Яльмара:

— Слышите?

Тот прислушивается:

— Проклятые твари!

Оба выползают из траншеи. К стене прислонены ободранные медвежьи туши. В полутьме кажется, что они подняли лапы.

Песцы, увидев людей, прыгают с крыши и нехотя трусят рысцой прочь. Ночь вьюжная, но не очень морозная.

Люди начинают метаться на открытом месте перед хижиной. Они бегают взад и вперед, чтобы согреться. Неясно мерцают во мгле снежные уступы. Вспыхнуло северное сияние. Теперь лед кажется сверкающим мрамором какой-то неведомой, давно остывшей планеты, на которой замерла жизнь.

Нет, не замерла! Ее представители тут как тут. Песцы вернулись и подняли злобный вой. Им, видите ли, мешают люди!

— Ну погодите!

Иохансен принялся ворочать камни: он давно собирался смастерить ловушку для песцов, которых люто ненавидел. Эти твари тащили решительно все. Они уволокли мотки стальной проволоки, запрятанную в парусиновые мешочки коллекцию камней и мхов, куски бамбука, гарпун. Потом похитили термометр. Нансен еле разыскал его глубоко в снегу. Термометр стали класть под камень. Но песцы, поднатужившись, отодвинули камень и снова стащили термометр, на этот раз безвозвратно.

Провозившись часа два, Иохансен сказал, что ловушка готова. Он возлагал большие надежды на камень, который должен был сплющить лисицу, едва та цапнет приманку и сшибет подпорку.

Только что они вернулись в хижину — бух!

— Ага, попалась, кумушка! — Торжествующий Иохансен бросился к выходу.

Как бы не так! Под камнем — ничего, а песец удирает с подпоркой и приманкой в зубах. Назавтра исчез парус.

— Яльмар, песцы мстят за ловушку! — подтрунивал Нансен.

Хорошо, что парус по дороге развернулся и звери не могли его далеко унести. А несколько дней спустя Иохансен, выйдя из хижины, тотчас вернулся с криком:

— Они стащили каяк! Я перестреляю этих жабьих выродков!..

Но на этот раз песцы были ни при чем: каяк унесло штормом. Он валялся на берегу в нескольких сотнях шагов от хижины.

— Кажется, становится чуть-чуть ветрено, а, Яльмар? Или вы не находите? — заметил Нансен.

Наступил декабрь. Приближались зимние праздники — рождество и Новый год.

> «Мысли мои далеко… Вот в зимний вечер сидит она при свете лампы и шьет. Возле нее стоит, играя с куклой, девчурка с голубыми глазами и золотистыми волосами. Она нежно смотрит на ребенка и гладит его по головке. Глаза ее увлажняются…
>
> Иохансен лежит рядом со мною и спит. Он улыбается по сне. Бедняга, он, наверное, сейчас дома, празднует рождество с теми, кого любит.
>
> Хорошо бы проспать всю зиму в берлоге, как спят бурые медведи. А весной проснуться — и домой!»

Новый год. Они готовятся его встретить.

— Чистота — лучшая красота, как сказала баба, выворачивая свою кофту наизнанку.

Произнеся это, Иохансен поступает точно так же со своей рубахой. Нансен тоже принаряжается: меняет местами верхнюю и нижнюю рубахи. Тогда Иохансен — вот франт! — обрезает ножом

часть волос.

Потом они садятся за роскошный ужин. Вместо обычного куска мяса — запеканка из припрятанных остатков рыбной муки с маисовой крупой. На десерт — по куску хлеба. Он прогорк и тверд, как камень, но все же это настоящий хлеб.

— Вот и кончился год. Необыкновенный год, но, в конце концов, пожалуй, неплохой… Что вы скажете?

Иохансен вполне с этим согласен.

— Только узнать бы, где мы. Как все-таки вы думаете?

— А почему мы все время на «вы»? Давай перейдем, наконец, на «ты». Идет, Яльмар?

— Я давно хотел, но стеснялся. Так вы… так ты думаешь, мы все-таки на Земле Франца-Иосифа?

Опять о том же! Но говорить о пути домой им никогда не надоедало.

— Понимаешь, Яльмар, очертания островов, розовые чайки — все это здорово сбивает с толку. Где проливы, где земли, которые начертил этот Пайер? Может, мы зимуем на Земле Гиллиса? Ее видели будто бы где-то между Шпицбергеном и Землей Франца-Иосифа. Но никто не знает о ней ничего достоверного. Тогда, значит, мы ее открыли. Но, признаюсь тебе, я не очень верил и верю в эту землю и вообще не могу представить, чтобы какая-либо обширная суша могла затеряться в проливе между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергеном. Наша загадка все еще остается загадкой.

— Будь проклят день, когда у нас остановились часы! Знай мы теперь точно долготу…

Нансен смотрит на циферблат:

— С новым, тысяча восемьсот девяносто шестым годом, Яльмар!

— С новым годом, Фритьоф! А может, он еще не наступил? Или уже прошел? Ведь наши-то часы…

— Все равно с Новым годом, Яльмар!

Каяки уносит!

Птицы, первые птицы!

Они появились в конце февраля. Их голоса как бы согревали морозный воздух. Небольшая стайка люриков летела с юга и скрылась за горой. Птицы лишь чуточку опередили солнце: 26 февраля оно должно было впервые показать краешек. Но пасмурная погода помешала отшельникам увидеть первый его луч в этот день. Зато через два дня оно уже приподнялось над ледником.

При ярком свете Нансен с Иохансеном хорошенько разглядели друг друга. Каждый находил, что другой похож на самого жалкого бродягу, грязного, заросшего, со слипшимися, всклокоченными волосами. Подобных субъектов, конечно, не пустили бы в порядочное общество…

Пора было заняться туалетом. Штаны украсились заплатами из медвежьей кожи. Обрывок бечевки рассучили на двенадцать ниток и взялись за шитье обновок из старых клетчатых одеял, заляпанных жиром. Никогда раньше им но приходилось портняжничать, и шитье подвигалось так медленно, что Нансен сказал:

— Знаешь, Яльмар, доведись нам дома добывать хлеб ножницами и иголкой, мы умерли бы с голоду…

Покончив с шитьем, привели в порядок каяки, нарты и все прочее, нужное для дальнейшего похода. О мясе тужить не приходилось — чем ближе к весне, тем больше медведей наведывалось к их хижине.

Нансен все чаще задумывался о «Фраме». Он не сомневался, что Свердруп выведет корабль. Но теперь могло случиться, что «Фрам» придет в Норвегию раньше их. Какой удар для Евы, для бедной матери Иохансена! Сколько горьких ночей без сна!

С каждым днем выше солнце, сильнее птичий гомон и нестерпимее бездействие.

Наконец настает час расставания с островом. Тяжело нагруженные сани стоят возле хижины, и Нансен торжественно читает вслух:

— «Вторник, 19 мая 1896 года. Мы вмерзли в лед к северу от острова Котельного, приблизительно под 78°43’ северной широты, 22 сентября 1893 года. В течение следующего года, как и было предусмотрено, нас несло на северо-запад Иохансен и я покинули „Фрам“ 14 марта 1895 года примерно под 84°04’ северной широты и 102° восточной долготы, имея целью достигнуть более высоких широт. Руководство экспедицией передано Свердрупу. К северу

никакой земли не нашли. 8 апреля 1895 года, достигнув 86°14’ северной широты и почти 95° восточной долготы, вынуждены были повернуть назад, так как лед стал слишком тяжелым и непроходимым. Взяли курс на мыс Флигели, но часы наши остановились, и мы не могли с достаточной точностью определить долготу. 6 августа 1895 года обнаружили четыре покрытых ледниками острова, расположенных в северной части этого архипелага приблизительно под 81°30’ северной широты и примерно на 7° восточнее данного места. Сюда прибыли 26 августа 1895 года и нашли необходимым здесь перезимовать. Питались медвежьим мясом. Сегодня отправляемся к юго-западу вдоль земли, чтобы наикратчайшим путем добраться до Шпицбергена. Полагаем, что находимся на Земле Гиллиса».

Яльмар выслушал, кивая головой, и сказал:

— Добавить нечего.

Первый краткий отчет об экспедиции Нансен засунул в цилиндрик от примусного насоса и подвесил под потолок хижины. Затем они по очереди сфотографировались возле своего жилища.

— А все-таки, Фритьоф, мы славно прожили зиму! Верно?.. — Иохансен помялся. — Ты знаешь, я тут кое-что написал. Хочешь послушать?

— Разумеется! — ответил заинтересованный Нансен.

— Только это не деловое, как у тебя. Слушай:

И трех лет жизни в царстве льда
Как не бывало никогда!
Весна на юг нас призывает,
Где солнце ярче и теплей;
Весна нас счастьем наполняет —
Источник новой жизни в ней.
Весна манит в родимый край,
Где свет, тепло, где сердцу рай!

— Браво, Яльмар! Ты прочтешь мне потом еще раз. А теперь — пошли!

Оба впряглись в нарты — ох, какими тяжелыми показались они с непривычки! — и зашагали на юг, туда, куда тянулась цепочка неведомых островов.

Началась знакомая, набившая им оскомину одиссея со льдами и полыньями, с трещинами, прикрытыми снегом, с неистовыми вьюгами, с надеждой, сменяющейся разочарованием, и с разочарованием, сменяющимся надеждой.

Однажды Иохансен отстал, чтобы покрепче увязать нарты.

Внезапно ветер донес до него призыв о помощи. Встревоженный Яльмар выпрямился, огляделся. Где Нансен? Кругом только лед, по которому ветер гнал струйки снега. Издали опять донесся крик.

А Нансен провалился в трещину, набитую мокрым снегом и ледяной кашей. На крепко привязанные лыжи, от которых он не мог освободить ноги, неумолимо давила тяжесть обрушившегося снега и льда — давила, увлекая в пучину. Нансен успел вонзить в лед острие лыжной палки и ухватиться за нее одной рукой, а другой уцепился за край льдины. Он не заметил, что Иохансен отстал, и сначала ждал, когда тот придет на помощь. Но силы уходили, помощи не было. Повернуться и посмотреть, где товарищ, Нансен не мог. Прошло еще несколько минут. Палка гнулась, Нансен погружался в ледяное месиво глубже и глубже. Тогда он стал кричать.

Иохансен вытащил его в последние секунды; еще немного — и Нансена увлекло бы под лед…

Майские бураны сменились июньскими поздними метелями. День за днем двое шли к югу. Они шагали в тени высоких базальтовых скал, где ликующе кричали люрики. Волочили нарты мимо лежбищ моржей, и сильные звери, не уступая им дороги, сердились и били клыками об лед. Когда возле земли темнела

открытая вода, двое садились в каяки, укладывали на них нарты и плыли вдоль синих ледниковых обрывов.

Архипелаг тянулся бесконечно. Всё новые и новые острова выплывали из туманов на горизонте. Нансен наносил их на карту, и по-прежнему они никак не желали укладываться в очертания суши, заснятой Пайером.

В середине июня каяки как будто достигли южной оконечности той земли, вдоль которой так долго плыли.

И тут Нансена поразило сходство в очертаниях берега с береговой линией на карте южной части Земли Франца-Иосифа, составленной путешественником Лей-Смитом.

Неужели они в самом деле на этой земле? Но как тогда быть с картой Лайера? Не мог же австриец наделать таких грубых ошибок!

Чтобы осмотреться, они причалили к крутому берегу, неудобному для высадки: нельзя было втащить наверх каяки.

— Да привяжем их ремнем, только и всего, — предложил Иохансен.

— А выдержит?

— Ну как же!

Они привязали свои суденышки ремнем из моржовой шкуры и стали карабкаться на один из торосов.

— Каяки! Каяки уносит! — Дикий крик Иохансена вспугнул птиц.

Ремень не выдержал.

Ветер угонял каяки. Самая страшная минута за все их путешествие! Остаться на льду без продовольствия, без патронов…

— Держи часы!

Раньше чем Яльмар успевает понять, в чем дело, Нансен на бегу сбрасывает сапоги, шапку…

Вода нестерпимо холодна. Нансен судорожно ловит ртом воздух. Он плывет со всей быстротой, на какую способен.

Ветер уносит каяки еще быстрее.

Нет, не догнать! Но без каяков — смерть! Лучше сведенным судорогами комком пойти на дно, чем медленно умирать на льду.

Взмахи рук все слабее. Он плывет почти бессознательно. Перевернувшись на спину, видит Яльмара, в отчаянии бегающего по льдине. Снова переворачивается. Ветер чуть стих, каяки уносит не так быстро. Последний рывок. Еще, еще… Руки и ноги уже ничего не чувствуют. Сердце бешено колотится. Но все ближе каяки…

Он касается рукой торчащей над ними лыжи. Догнал! Спасены! Теперь подтянуться, залезть на каяк. Окоченевшее,

сведенное холодом тело не слушается. «Слишком поздно, мне ни за что не влезть». Все же пытается забросить ногу. Зацепился. Последнее усилие — и он на каяке…

Ледяные шквалы пронизывают его насквозь. Зубы стучат так, что он боится откусить язык. Надо грести, надо грести…

Яльмар, в восторге подпрыгивающий на льдине, видит, что Нансен вдруг хватает ружье, стреляет, потом что-то вылавливает из воды.

«Он сошел с ума от потрясения!» — пугается Иохан-сен.

Нансен кладет ружье, снова гребет. Яльмар бежит туда, куда ветер сносит каяки. Нансен, бледный, с мокрыми волосами и бородой, с пеной у рта, пробует сам вылезти из каяка и падает на лед. Его судорожно вздрагивающая рука держит застреленную кайру.

— Сва… Сва… Свари ее…

Иохансен стаскивает с него мокрую одежду, набрасывает сухое тряпье в спальный мешок, кладет сверху парус и все, что попадается под руку. Потом варит птицу и прислушивается: из мешка ни звука. Спит? Но едва аппетитный запах варева достигает спального мешка, как оттуда слышится:

— Дай мне одежду, Яльмар… Я чертовски проголодался!

Неожиданное

«…Вдруг мне показалось, что я слышу человеческий голос, первый за три года!.. Сердце билось, кровь прилила к голове. Я взбежал на торос и закричал во всю силу своих легких. За этим человеческим голосом, раздавшимся среди ледяной пустыни, за этой вестью к жизни скрывалась родина и все то, что заключало в себе это слово. Родина стояла у меня перед глазами, пока я пробирался между ледяными глыбами и торосами так быстро, как только могли нести лыжи. Скоро я снова услышал крик и с одного из ледяных хребтов разглядел темную фигуру, движущуюся между торосами, — это была собака, но за нею подальше двигалась другая фигура… Человек!.. Кто это мог быть? Джексон или один из его спутников? Или, быть может, кто-нибудь из моих соотечественников?

Мы быстрыми шагами приближались друг к другу, я замахал ему шляпой, он сделал то же. Я услышал, что человек окликнул собаку, прислушался — он говорил по-английски. Когда я подошел поближе, мне показалось, что я узнаю мистера Джексона, которого видел, помню, один раз. Я приподнял шляпу, мы сердечно протянули друг другу руки.

— Хау ду ю ду? (Как поживаете?)

— Хау ду ю ду?

Над нами висел туман, отгораживавший от остального мира. У ног громоздился исковерканный сжатиями плавучий лед. Вдали сквозь туман маячил клочок земли.

А кругом — только лед, глетчеры и туман. С одной стороны стоял европеец в клетчатом английском костюме и высоких резиновых сапогах, цивилизованный человек, гладко выбритый и подстриженный, благоухающий душистым мылом, аромат которого издалека воспринимало острое обоняние дикаря; с другой — одетый в грязные лохмотья, перемазанный сажей и ворванью дикарь с длинными всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом, настолько почерневшим, что естественный светлый цвет его нигде не проступал из-под толстого слоя ворвани и сажи, наросшего за зиму и не поддававшегося ни обмыванию теплой водой, ни обтиранию мхом, тряпкой и даже скоблению ножом. Ни один из нас не знал, кто стоит перед ним и откуда пришел.

— Я чертовски рад вас видеть!

— Благодарю, я также. Вы здесь с кораблем?

— Нет, мой корабль не здесь. Сколько вас?

— Со мной один товарищ. Он там, у кромки льда.

Продолжая говорить, мы пошли по направлению к земле. Я решил, что он узнал меня, во всяком случае догадался, кто скрывается под этой дикой внешностью, — вряд ли он мог так сердечно встретить совершенно незнакомого человека. Но вот при каком-то оброненном мною слове он вдруг остановился, пристально посмотрел на меня и быстро спросил:

— Не Нансен ли вы?

— Я самый!

— О Юпитер! Я рад вас видеть!

И, схватив мою руку, он снова потряс ее. Лицо его озарилось самой приветливой улыбкой, и темные глаза засветились радостью от столь неожиданной встречи».

Эта встреча, так ярко описанная впоследствии Нансеном, могла произойти несколько раньше. Разведочные партии экспедиции английского путешественника Джексона, зимовавшей на Земле Франца-Иосифа, — это была именно она, а не мифическая Земля Гиллиса, — только немного не дошли до каменного зимовья на безымянном острове.

Но эта встреча могла и не произойти вовсе.

Вот как все случилось.

17 июня, после полудня, Нансен вскарабкался на высокий торос, чтобы оглядеться. Туман поредел, с земли тянул слабый ветерок. Стаи птиц, гомоня, кружились над торосом.

Вдруг Нансен услышал собачий лай. Он вздрогнул, напряг слух. Нет, это, наверное, кричит какая-нибудь птица. Но лай повторился — заливчатый, громкий.

Нансен бросился к Яльмару. Да, тому тоже послышалось нечто похожее на собачий лай; но вероятнее всего, это просто птицы.

Все же Нансен пошел в разведку, напал на собачьи следы, и…

И вот он и Иохансен — в бревенчатой избе среди взволнованных англичан, которым не терпится узнать подробности их необыкновенных приключений. Оказывается, сюда, на мыс Флора, скоро должен прийти корабль «Виндворд». Джексон рад сообщить Нансену, что два года назад, когда англичане покидали Европу, Ева и маленькая Лив были здоровы.

— Боже мой, у меня ведь есть для вас и письма! Мне дали их на всякий случай, — спохватывается он и приносит запаянную жестянку.

Письма написаны два года назад. Но ведь они написаны ею…

В первый же день Нансен принялся за разгадку того, что мучило их всю дорогу. Прежде всего сверили часы. Разница 26 минут. Значит, в вычислениях долготы они могли ошибиться не более, чем на 6°30'. Тогда в чем же главная причина?

Ответ дал набросок карты, составленный на скорую руку по наблюдениям Нансена и съемкам экспедиции Джексона. Он плохо пязался с картой Пайера. Приходилось допускать, что обозначенных на австрийской карте пролива Роулинсона, северной части Земли Вильчека, островов Брауна, Гофмана, Фредена в действительности не существовало. Может быть, Пайера ввели в заблуждение сверкавшие на солнце полосы тумана? Они, пожалуй, похожи па покрытую льдом далекую сушу.

Но ни Нансен, ни Джексон не знали тогда главного — карта Пайера была неточна в еще более существенном, и эти-то ее неточности больше всего сбивали Нансена с толку во время похода: в природе не существовало Земли короля Оскара, мифом была Земля Петерманна и мыс Будапешт. Пайер думал, что Земля Франца-Иосифа состоит из двух больших массивов; на самом деле она представляет собой множество островов.

Все это окончательно выяснилось в более поздние годы. Пока же, в хижине Джексона, уточнялись только те места карты, где находились острова, виденные Нансеном. Один из них Нансен с разрешения хозяина назвал его именем. Так появился на карте остров Фредерика Джексона, и позднейшие исследователи могли бы найти там развалины каменной хижины двух полярных робинзонов.

В конце июля к кромке льда подошел «Виндворд». Новости, скорее новости! Нансен узнал, что дома у него все благополучно и что о «Фраме» в Европе еще нет никаких известий. Значит, они все-таки опередили Свердрупа!

7 августа «Виндворд» развел пары, поднял паруса и с попутным ветром пошел на юг.

«Вот кого я ценю выше всех!»

Нансен с сильно бьющимся сердцем вглядывался в темную полоску, которая виднелась по правому борту. Она все росла, приближалась. Норвегия, родина!..

Вчера по пути к рыбацкому городку Барде они встретили первого норвежца, старого лоцмана. Изумленный и обрадованный, он поздравил Нансена с возвращением к жизни: людская молва давно похоронила героев «Фрама».

1. — Путь «Фрама» в открытом море. *2.* — Дрейф «Фрама» в полярных льдах. *3.* — Маршрут санного похода Нансена и Иохансена. *4.* — Обратный путь Нансена на «Виндворде».

Составлено по карте, изданной вскоре после возвращения экспедиции.

На рейде Варде дремали просмоленные парусники. Деревянное здание школы с резными балкончиками выделялось на фоне бурых, с негустой прозеленью гор, покрытых пятнами снега. Над пустынным причалом снежными хлопьями парили чайки.

Еще не загремела якорная цепь, а Нансен с Иохансеном уже

гребли изо всех сил к берегу. Они так разогнались, что лодка выскочила на скользкие береговые камни.

Было раннее утро. На улицах — ни души. Вдруг Иохансен схватил спутника за рукав и воскликнул с умилением:

— Смотри, корова!

Они разыскали телеграф. Чиновник покосился на самодельную клетчатую куртку Яльмара, на долговязую фигуру Нансена в коротком чужом пиджаке.

Нансен сунул в окошко увесистую пачку. Чиновнкк, удивленно подняв бровь, принялся листать телеграммы — и тут взгляд его упал на подпись. Он вскочил, словно подброшенный пружиной.

Через час мир уже знал о счастливом возвращении двух участников экспедиции «Фрама».

А они в это время бежали к гостинице, где, как оказалось, остановился проездом профессор Мон — тот профессор Мон, который когда-то писал инструкции для студента Нансена, а позже высказал мысль о полярном течении к полюсу. Нансен чуть не сорвал с петель дверь его комнаты. Профессор, который покуривал лежа на диване, выронил трубку.

— Возможно ли?! — У профессора Мона было такое лицо, точно он увидел привидение. — Неужто Фритьоф Нансен?..

Он разрыдался и, обнимая Нансена, твердил:

— Слава богу, вы живы, живы!..

Под окнами гостиницы собралась толпа. Оркестр любителей нестройно заиграл «Да, мы любим эти скалы!». На улицах вывешивали флаги.

Пришла первая телеграмма от Евы — всего два слова: «Несказанное счастье». Затем вдогонку от нее же более подробная: все благополучно, Лив здорова. Опять телеграммы: от Бьёрнсона — в стихах, от Марты, от брата, от родственников Евы…

Без устали стучали телеграфные аппараты, принимая поздравления со всех концов мира. Не хватало только одного известия, которое могло бы сделать Нансена совершенно счастливым, — о возвращении «Фрама». Теперь корабль должен был появиться со дня на день, если только в океане не случилось что-либо непредвиденное.

После Варде был Хаммерфест. Самый северный город Европы весь расцветился флагами. Даже на окрестных горах виднелись флагштоки с полотнищами. Толпы стояли у берега и па пригорке, возле знаменитой колонны, поставленной в честь сорокалетнего труда русских и скандинавских геометров, измеривших меридиан.

Путешественники поселились на великолепной яхте «Отария», принадлежащей одному из английских друзей Нансена.

Вечером в Хаммерфест приехала Ева. Они не видели друг друга три года и два месяца…

В ученом мире царило возбуждение. Географы приветствовали победу Нансена, приглашали его для чтения лекций. Адмирал Нэрс публично признал неосновательность своих сомнений.

Рано утром 20 августа всех на «Отарпи» поднял начальник Хаммерфестской телеграфной конторы, требовавший, чтобы его немедленно провели к Нансену.

— Я думаю, это представляет для вас интерес! — сказал он, протягивая запечатанный бланк.

Нансен вскрыл телеграмму и почувствовал, как что-то сдавило ему горло. Он хотел крикнуть — и не мог. Задыхаясь, вбежал в каюту. Ева подумала, что ему дурно.

Он протянул телеграмму:

— Читай!

На бланке было написано:

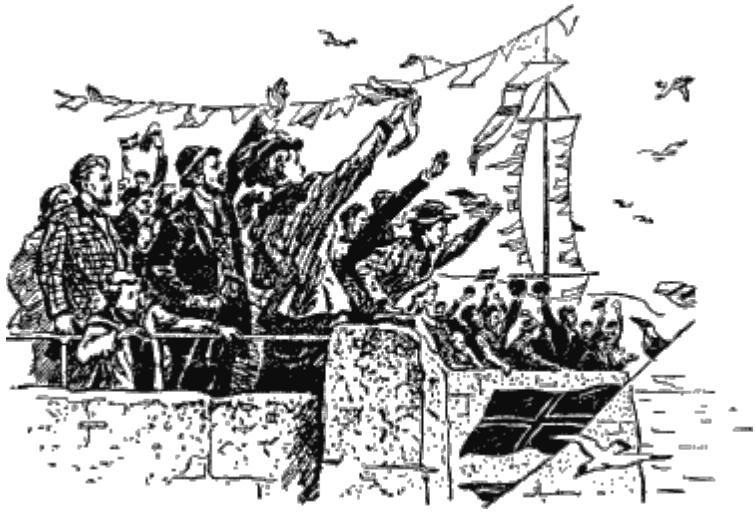
Доктору Нансену.

«Фрам» прибыл сегодня. Всё в порядке. Все здоровы. Сейчас выходим в Тромсё. Приветствуем вас на родине.

Отто Свердруп.

«Отария» при общем ликовании немедленно снялась с якоря.

На другой день в гавани Тромсё Нансен увидел свой «Фрам». Корабль — крепкий, широкий, родной — был цел и невредим, только краску на бортах почти совсем стерли льдины.

Навстречу «Отарии» неслась лодка, в ней размахивал руками Бернт Бентсен, ветер развевал его бороду. А за ним стоял господин в черном костюме с приветственно поднятой рукой.

— Скотт-Хансен, провалиться мне на этом месте! — узнал Иохансен.

А вон и Свердруп, Петтерсен, Блессинг… Лодка стукнулась о борт «Отарии».

— Здорово, здоро́во, ребята! — кричал Иохансен, и по лицу его текли слезы.

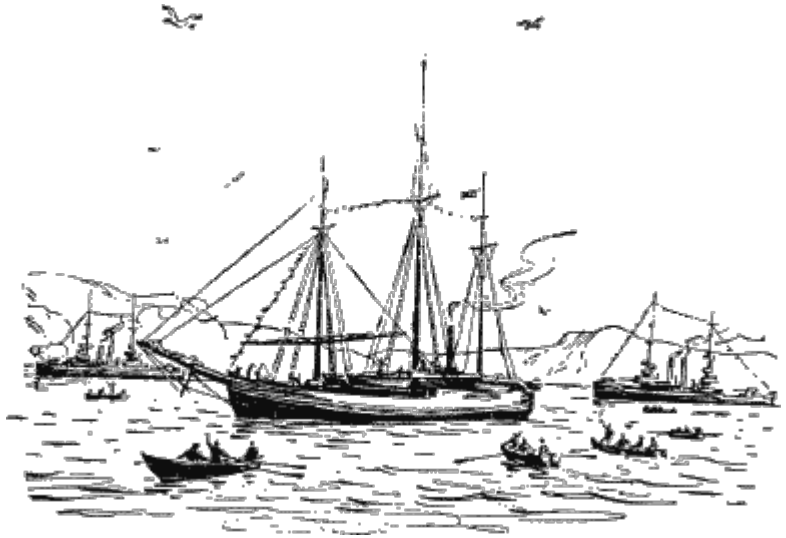
Бентсен так крепко схватил Нансена за руку, что чуть не сдернул за борт. Целуясь, кололи друг друга бородами, о чем-то спрашивали, не ожидая ответа.

Когда волнение встречи немного улеглось, Нансен и Свердруп уединились в тесной каюте «Фрама».

Нансен рассказал обо всех своих приключениях, о злосчастной остановке часов, о сомнениях и неуверенности на Белой Земле, об ошибках Пайера, о встрече с Моном, о торжествах в Хаммерфесте…

— Ну, теперь рассказывай ты, старина!

— Гм! — произнес Свердруп, видимо испытывая некоторое затрудненно. — Ты знаешь, какой я рассказчик.

У нас обошлось без приключений. Я подсчитал: мы были в плавании тысяча сто пятьдесят один день, из них тысяча сорок один день без земли. Остальное — вот здесь. — И Свердруп протянул тетрадку, на которой было выведено: «Отчет капитана Отто Свердрупа о плавании „Фрама“ после 14 марта 1895 года». — Тут не записан только вчерашний день. Наберись терпения и почитай.

— Нет, нет, я хочу слышать все от тебя!

— Естественно, что после вашего ухода мы дрейфовали дальше, — с неудовольствием начал Свердруп. — Было, конечно, несколько сжатий, но ты же знаешь наш «Фрам»…

Свердруп замолчал и начал перелистывать свой отчет.

— Ты помнишь Сусси? Она принесла нам двенадцать щенят. Когда началась полярная ночь, мы заготовили все для санной экспедиции — ты ведь так распорядился, и хотя я был уверен, что нам не придется покидать «Фрам», я сделал по-твоему. Между тем дрейф ускорился. Ребята постоянно держали пари, будет ли завтра попутный ветер.

Если тебя действительно интересует все, то должен тебе сказать, что я как-то выиграл у Педера порцию семги.

При этом Свердруп хитровато взглянул на Нансена: не довольно ли, мол, меня мучить, ты же знаешь, какой я рассказчик, а если ты хочешь действительно узнать все, полистай отчет. Но Нансен требовал продолжения рассказа. Ему просто хотелось слушать голос друга, смотреть, как он поглаживает свою надвое расчесанную бороду, наблюдать, как он старается подбирать самые простые, будничные слова, чтобы сделать свой рассказ как можно бесцветнее, скромнее…

— За тебя с Иохансеном мы не боялись, — продолжал Свердруп. — Ты не представляешь, сколько было тостов в годовщину вашего ухода с «Фрама»! Ну, к весне нынешнего года мы стали готовиться домой. «Фрам» несло уже вместе со льдами к западным берегам Шпицбергена — ты ведь так и рассчитывал. Однако лед нас держал крепко. Пришлось его взрывать. Ты бы посмотрел, какие мы закладывали фугасы! Один так рванул, что в кают-компания все картины и ружья полетели на пол. Но картины уцелели — и та, с принцессами и с медведями, тоже… Потом мы подняли пары, чтобы пробиться к чистой воде. Вышли в открытое море тринадцатого августа и пошли домой…

— Постой! — перебил Нансен. — Ты подумай, какое совпадение! Ведь как раз в этот день мы с Иохансеном высадились в Вардё. Конечно же, тринадцатого! Вот тебе и «несчастливое» число!.. Ну, дальше, дальше.

— Вскоре встретили небольшой парусник. Спрашиваю капитана: «Нансен вернулся?» А он: «Нет». Тут ребята сильно приуныли. Порешили мы так: если в Тромсё о тебе ничего нет, то сразу повернем к Земле Франца-Иосифа и отыщем там тебя с Иохансеном. А по пути, в Скьерве, нам сказали, что ты вернулся. Мы так палили и орали, что разбудили весь город: час-то был ранний…

После этого Свердруп совершенно выдохся и не мог добавить ни слова.

— Слушай, старина! — сказал Нансен, с любовью поглядывая на него. — А что, если бы тебе предложили новую полярную экспедицию? Пошел бы ты?

— Весьма охотно, — оживился Свердруп. — Как только представится случай — я готов…

Вечером на шумном празднике в честь встречи Нансен неожиданно схватил своими могучими руками Свердрупа и поднял его над толпой.

— Вот кого я ценю выше всех! — воскликнул он.

Из Тромсё вдоль берега пошла уже целая флотилия: лоцманское судно, затем «Фрам» и, наконец, «Отария».

«Где бы мы ни проходили, — записал об этих днях Нансен, — нам всюду раскрывалось сердце норвежского народа — оно билось на пароходах, переполненных празднично одетыми горожанами, и на бедной рыбацкой лодке, одиноко качающейся среди шхер. Казалось, сама родина-мать, старая наша Норвегия, гордясь нами, крепко заключает нас в свои горячие объятия, прижимает к сердцу, благодарит за то, что мы сделали.

А что, собственно, мы сделали особенного? Мы исполнили свой долг, сделали но более того, что взяли на себя, и скорее мы

должны благодарить ее за право совершить плавание под ее флагом».

В Бергене праздничный стол был накрыт в музее, где начинающий биолог, оторвав глаз от микроскопа, мечтал когда-то об экспедиции на Север. Если бы старый Даниельсен мог видеть теперь своего ученика!

Чтобы приветствовать Нансена от имени всей России и русских географов, в Берген приехал из Петербурга Толль. Нансен горячо поблагодарил его за все, что тот сделал для экспедиции, в своей речи сказал о братьях Лаптевых, о Проичищеве и его жене, о лейтенанте Овцыне, о других участниках Великой Северной экспедиции, бесстрашно проложивших пути по Ледовитому океану.

— Эти герои науки — одни из самых выдающихся среди всей плеяды полярных исследователей. — Нансен высоко поднял бокал: —За Россию и ее мужественных сынов!

После Бергена — Хаугессун, Ставангер, Кристиансанн… Оркестры, речи, флаги, салюты. Однажды, когда Нансен стоял на мостике «Фрама» и кланялся собравшейся на берегу толпе, кто-то робко тронул его за рукав. Это был простодушный Педер Хеприксен.

— Послушай, Нансен, — сказал он со странной тоской, — может, все это и неплохо, но уж очень шумно. В Ледовитом океане — вот там нам было хорошо!..

9 сентября «Фрам» вошел в воды фиорда Кристиании. Военные корабли шли рядом. В сизом дыму салютов гремели пушки старой крепости Акерсхус; эхо вторило им. Флаги трещали на ветру. Оркестры перебивали друг друга. Все конторы и магазины были закрыты. Тысячи людей пели: «Да, мы любим эти скалы!»

Вечером Нансен был у себя в «Годтхобе». На мысу догорали жаркие угли приветственного костра. Праздничный гул постепенно стихал. Шумели сосны, внизу плескались волны фиорда.

Он вспоминал пережитое за последние три года. «Мы боролись, работали, сеяли зерна, — думалось ему. — Теперь настала осень — пора жатвы».

Существует ли Земля Санникова?

Весь мир хотел видеть и слышать Нансена.

«Париж лежит у его ног, Берлин стоит во фронт, Петербург празднует, Лондон аплодирует, Нью-Йорк бурлит» — так писали в газетах о триумфе норвежского исследователя.

Нансену пришлось отложить на время обработку научных материалов экспедиции и поехать сначала по Норвегии, а потом по главным городам Европы и Америки с лекциями о путешествии. Благодаря ему о маленькой Норвегии говорили на всех континентах. Он стал признанным героем своего времени. Королевское географическое общество в Лондоне, где еще не так давно его план был встречен с холодным скептицизмом, устроило покорителю льдов восторженный прием. При появлении Нансена в зале все встали со своих мест, а оркестр грянул гимн победы из оперы Генделя. Эти почести были признанием огромных заслуг Нансена перед наукой.

Говорили, что экспедиция на «Фраме», по существу, открыла для науки Северный Ледовитый океан — до той поры дело ограничивалось только прибрежными арктическими морями.

Нансен установил, что в Центральной Арктике находится не мелководный бассейн с многочисленными островами, как думали многие, а океан с глубинами в три-четыре километра.[3] Его поверхность покрыта мощнейшими многолетними льдами, которые под влиянием течений дрейфуют с востока на запад. А на глубине нескольких сот метров под этими льдами движутся теплые атлантические воды, проникающие на север через Баренцево и Гренландское моря.

Экспедиция сделала множество магнитных, астрономических, метеорологических наблюдений в тех широтах, куда еще никогда не проникал человек.

Беспримерный рейс «Фрама» был также блестящим доказательством правильности идеи Нансена о возможности исследования Арктики с дрейфующего во льдах и со льдами корабля. Да, «Фрам» дрейфовал медленнее и южнее, чем первоначально предполагал Нансен; но, возможно, скорость и направление течения меняются в зависимости от состояния льдов в более теплые и более холодные годы?

В 1897 году вышла в свет книга Нансена «„Фрам“ в полярном море». Это не был научный отчет об экспедиции. Это была увлекательнейшая документальная повесть о человеческом мужестве, о романтике подвига. Она звала в неведомые дали. Ее перевели на многие языки мира, и год спустя после появления

норвежского издания читающая Россия получила русское.

На первой странице своей книги Нансен сделал посвящение: «Ей, которая дала имя кораблю и имела мужество ждать».

Нашелся, однако, человек, который не радовался успеху Нансена, — американский адмирал Грили. Перед экспедицией он пророчил Нансену неудачу. Когда о «Фраме» не было известий, говорил, что давно предвидел неизбежность его гибели. Теперь Грили обвинил начальника экспедиции на «Фраме» в том, что тот покинул товарищей на затертом льдами судне.

Это обвинение Нансен целиком напечатал в своей книге. Он не спорил с Грили, не возражал ему. Сама книга, где описывалась вся экспедиция и невероятно трудный поход Нансена и Иохансена, была достойнейшим ответом на недостойные нападки.

Нансену хотелось поскорее сесть за научный отчет об экспедиции, но пока об этом нечего было и думать. Доклады, заседания научных обществ, обсуждение проектов разных экспедиций и помощь в их снаряжении занимали все его время.

Вместе со Свердрупом и Иохансеном он побывал на шхуне «Бельгика», которую бельгиец де Герлах готовил для похода в Антарктику.

В команде «Бельгикн» было шестеро норвежцев. Лицо молодого штурмана, с восторгом смотревшего на гостей, показалось Нансену знакомым. Этот нос, похожий на клюв орла, — где он видел его раньше? Штурман назвался Руалом Амундсеном и сказал, что плавал матросом на «Язоне».

— Ах, вон оно что! И давно? — оживился Нансен.

— Нет-нет, совсем недавно, господин Нансен, — ответил тот, запинаясь от волнения. — Но там есть люди… Они хорошо помнят, как девять лет назад вы ходили с ними к Гренландии. А я… я встречал вас, когда вы вернулись оттуда. Вы стояли на палубе… Махали шляпой. Мне было тогда семнадцать лет…

После первых поездок по европейским столицам Нансен весной 1898 года отправился в страну, где его идеи встретили горячее сочувствие, где у него были искренние друзья.

Норд-экспресс пришел в Петербург апрельским полднем. На перроне собралось множество людей. Нансен узнал исследователя Тянь-Шаня, знаменитого географа Петра Петровича Семенова, и адмирала Степана Осиповича Макарова. Они были в парадной одежде, при орденах. Нансен почувствовал себя неловко в суконной накидке, небрежно наброшенной на одно плечо.

Под руку с Евой он прошел сквозь рукоплещущую толпу в парадные комнаты Варшавского вокзала. Тут же, прямо на

вокзале, ему вручили награду — орден Станислава I степени.

Кареты помчались по Невскому проспекту, повернули к Европейской гостинице. Роскошные апартаменты были украшены пейзажами Норвегии. У подъезда стоял экипаж, запряженный рысаками: он должен был дежурить день и ночь.

Нансены два дня осматривали город, побывали в Эрмитаже, в Русском музее, в Мариинском театре. Холодная петербургская весна напоминала бергенскую зиму. По Неве плыл лед с Ладожского озера. Небольшой черный пароходик с высоким носом и плоской кормой, густо дымя, пробирался возле берега. Длинные низкие мосты висели над рекой. Шпиль Петропавловской крепости, казалось, прокалывал хмурые облака. Ровно в полдень с ее серых стен ухала пушка.

— Что теперь там, в крепости? — спросил Нансен переводчика.

Тот замялся.

— Музей?

— Нет, тюрьма.

— Вот как! Для убийц? Для грабителей?

— Не совсем. Для политических преступников. Достоевский, например. Князь Петр Кропоткин, географ, вы, возможно, слышали о нем…

Нансен удивленно поднял брови, но переводчик поторопился переменить тему разговора…

Нансену нравились широкие петербургские улицы, холодноватый простор Дворцовой площади и Марсова поля. Перспектива каменных, плотно поставленных друг к другу домов заканчивалась сверкающей золотой иглой Адмиралтейства — к ней сходились многие улицы города. Роскошные дворцы, красноватые громады старинных казенных зданий соседствовали с новыми, сверкающими зеркальными стеклами домами богачей.

На Невском проспекте кучер молодецки выпрямлялся, натягивал вожжи. Экипаж быстро и бесшумно катился на резиновых шинах в потоке других экипажей. «Эй, эй!» — повелительно покрикивал кучер на перебегавшего улицу чиновника или мальчика-разносчика. По тротуару плыла толпа; среди скромно одетых людей мелькали нарядные мундиры гвардейцев, черные цилиндры франтов, огромные, с перьями, шляпы модниц, направлявшихся к Гостиному двору.

Вечером 15 апреля в зале Дворянского собрания расселась петербургская знать. Нансену шепнули, что в зале присутствуют члены царской семьи.

Он с Евой пошел к эстраде. Навстречу поднялся Петр Петрович Семенов.

— Вы видели до сих пор только холодные окраины России, — сказал он. — Примите теперь привет и дань восхищения от всей страны. Я счастлив, что могу сегодня передать вам, почетному члену нашего Географического общества, его высшую награду — Константиновскую медаль.

Нансен рассказывал о дрейфе «Фрама». Говорил он по-немецки, без особого воодушевления: слишком много парадности, слишком много придворных мундиров. Дамы зевали, прикрываясь веерами. Они пришли посмотреть Нансена и наряд его жены. Теперь им было скучно. Шепотом они осуждали Еву за гордый и высокомерный вид — простая певичка, дочь какого-то зоолога, а держится, словно принцесса крови.

Только два дня спустя, после приемов у принца Альберта Саксен-Альтенбургского, у великого князя Константина и еще у каких-то сановных лиц, пожелавших видеть у себя во дворцах приезжую знаменитость, Нансен попал к людям, с которыми ему было хорошо и интересно. Они собрались в особняке Географического общества.

Тут были Толль, адмирал Макаров, океанограф Шокальский, геодезист Тилло, климатолог Воейков и другие люди, которыми гордилась русская наука.

Голубая карта Северного Ледовитого океана с красным пунктиром дрейфа «Фрама» висела на стене.

— Дорогой доктор Нансен, — сказал Петр Петрович Семенов, — мы хотели бы посоветоваться с вами о наших дальнейших исследованиях на Севере.

Он задал Нансену несколько вопросов. Отвечая, Нансен сказал, что он не может сказать определенно, как далеко на восток простирается глубоководная часть полярного бассейна и что продолжить ее исследование можно разными способами, в том числе и тем, которым воспользовалась экспедиция на «Фраме».

— Наконец есть способ, который предлагает адмирал Макаров: пробиться в неизвестное море на большом ледоколе, — сказал Нансен. — Это трудно, но возможно. Я уверен, что, куда бы ни пробил его ледокол дорогу — далеко или близко внутрь неизвестных морей, — опыт этот будет иметь величайшее значение. Он даст чрезвычайно важные результаты и, быть может, откроет новую эру полярных исследований.

Попросил слово Эдуард Васильевич Толль. Он говорил о горах, которые видны в ясные летние дни с острова Котельного, о никем еще не достигнутой Земле Санникова. Почти сто лет назад впервые увидел ее промысловый человек Яков Санников далеко в океане и до сих пор она остается загадкой для науки.

— В августе 1886 года я сам, своими глазами видел вдали ясные контуры ее гор, похожих на базальтовые горы Сибири…

— Простите великодушно, Эдуард Васильевич, — перебил кто-то с места, — доктор Нансен на «Фраме» прошел как раз вблизи тех мест, где вы полагаете землю. Однако же никакой земли он там не обнаружил…

— Доктор Нансен пишет в своей превосходной книге, что девятнадцатого и двадцатого октября 1893 года, когда «Фрам» находился возле Земли Санникова, был густой туман, который мешал что-либо видеть, — возразил Толль.

Он стал развивать план экспедиции. Судно высадит ученых на Землю Санникова, перезимует в устье Лены, а через год заберет первых исследователей таинственного острова. Разве плавание доктора Нансена не доказало, что подобная экспедиция для поисков неведомой земля вполне возможна?

— Именно Россия должна осуществить этот план! — говорил Толль. — Девятнадцатое столетие подходит к концу, а нам еще предстоит многое сделать для завершения тех научных завоеваний на Севере, за которые тяжелыми жертвами заплатили первые русские исследователи. Кому, как не русским, приличествует выполнить эту задачу?

Толль сел на место. Все ждали слова Нансена.

— Время уже позднее, — сказал он, — и ответ мой будет кратким. Я согласен с моим другом Толлем в том, что к северу от Новосибирского архипелага могут быть неведомые острова. Мы видели стаи гаг, летящих с севера; один раз оттуда же пролетела стая бекасов. Позже к нам часто наведывались песцы. Возможно, что там есть земли или небольшие острова. Исследование этих земель было бы подвигом величайшей научной важности. Я искренне надеюсь, что такая экспедиция скоро осуществится.

Толль сиял. Земля Санникова давно стала мечтой его жизни. Мог ли он думать в эти минуты, что путь к загадочной земле станет его последним путем…

Нансен, забыв о позднем времени, стал разбирать план Толля. Петербургские улицы уже затихли. Гасли газовые фонари.

Ева скучала в роскошном номере гостиницы, перебирая петербургские газеты. Там много писалось о Фритьофе и о ней. В посольстве сделали переводы. Бульварная газетка напечатала карикатуру: Фритьоф верхом па белом медведе возле полюса. Под карикатурой были стишки:

— Чуть-чуть я полюс пе открыл, —
Рёк Нансен о злой досаде.—
Не то он спереди тут был,

Не то левее, сзади.

Ева прислушивалась, не зацокают ли подковы рысаков у подъезда. Из ресторана доносилось пение цыганского хора.

Так мало, в сущности, вечеров ей и Фритьофу удается побыть вместе, и еще меньше — вдвоем…

ЛИНИЯ ОТСТУПЛЕНИЯ

Штурман с «Бельгики»

Как славно дома, под родными соснами! Довольно гостиниц, парадных заседаний и званых обедов. За работу!

Фритьоф сказал Еве, что теперь станет отшельником. На год, на два, на три — на сколько нужно, чтобы написать научный отчет об экспедиции «Фрама».

С раннего утра Фритьоф уединялся в своем рабочем уголке. Иногда ночевал там на жестком диване. Детей к ному не пускали, даже Ева старалась как можно реже открывать обитую шкурами дверь, непроницаемую для шума. Пианино перенесли в самую дальнюю комнату. По вечерам Ева пела там вполголоса, готовясь к своему прощальному концерту. Она бросала сцену, чтобы заняться воспитанием детей: у Лив появился брат Коре.

Прошло лето и еще одно лето. Многое было передумано в рабочей комнате, где зря пылилось экспедиционное снаряжение. Чем больше углублялся Нансен в груды научного сырья, которое так кропотливо накапливали фрамовцы, тем яснее становилось ему, что и после его экспедиции воды полярных морей храпят еще множество загадок.

Ему вспоминалось старое предание о мудреце, который неделями вглядывался в сложнейшее, причудливое переплетение течений морского пролива. Мудрец силился постигнуть законы, управляющие ими, но, поняв, что задача эта непосильна ему, в отчаянии бросился со скалы в водоворот. А современные океанографы? Так ли уж далеко ушли они от этого мудреца? Каждый действует по своему разумению; сложная жизнь морей и океанов изучается ненадежными методами, без единой системы; приборы океанографов неудобны, громоздки, иногда их показаниям трудно верить.

В свой и без того набитый всякой всячиной кабинет Фритьоф поставил небольшой станок. Когда от работы на столом болели глаза и начинало стучать в висках, он брался за слесарные инструменты.

Особенно удалась ему новая конструкция батометра — прибора для взятия проб воды с разных глубин. Свою модель Нансен послал на испытание знатокам, и те признали его батометр лучшим из всех когда-либо бывших в их руках.

А пока он горбился за письменным столом и мастерил у верстака приборы, в «его» Арктику уходили корабль за кораблем. Свердруп стал начальником Второй норвежской полярной экспедиции и повел «Фрам» на север, чтобы «хорошенько потолкаться во льдах возле Гренландии и навестить архипелаг

Парри». Когда они обнялись при прощании, Свердруп сказал дрогнувшим голосом:

— Ты остаешься, а мне трудно без тебя…

И разве один Свердруп ушел?

Нансен сам выбрал для Толля норвежское промысловое судно. Старый Колин Арчер переделал его на своей верфи, где родился «Фрам». На этой шхуне, переименованной в «Зарю», русский полярник намеревался искать свою Землю Саиникова. Нансен прислал ему длинное напутственное письмо с выводами части обработанных научных материалов экспедиции «Фрама», с набросками карт гаваней, пригодных для зимовки, с советами по поводу экспедиционного снаряжения. «Дорогой друг, от всего сердца желаю Вам всего доброго и прекрасного в Вашем долгом и важном путешествии… На прощание мы скажем, как эскимосы на восточном берегу Гренландии: „Чтобы вам всегда плыть по свободной ото льда воде“».

И Толль повел «Зарю» вдоль берегов Сибири в те воды, которые еще не так давно утюжил «Фрам».

Возле Шпицбергена крушил льды на своем новом ледоколе «Ермак» адмирал Макаров. Нансен переписывался с ним, рассказал о своем способе взятия проб воды с больших глубин, просил присылать ему эти пробы для ускорения обработки.

На воздушном шаре «Орел» улетел к Северному полюсу швед Андрэ. С дороги он посылал почтовых голубей. Третий голубь был последним, связь прервалась — и никто не знает, что случилось в холодном, злом небе…

Ушла к полюсу экспедиция на «Стелла Поляре» — так итальянцы переименовали купленного ими старого «Язона».

Со стороны Гренландии упрямо разведывал путь к полюсу Роберт Пири.

Эти люди отмораживают пальцы, едят собачину, вскакивают по ночам от грохота льдин, а он, Нансен, скрипит пером, водит яхту по тихому фиорду и подписывает отпечатанные на машинке ответы на нетерпеливые письма норвежских, французских, венгерских, русских юношей: «К сожалению, я не могу пока принять вас в состав своей новой экспедиции: научный отчет о плавании „Фрама“ поглощает все мое время и заставляет откладывать экспедиционную работу».

Особенно горький осадок оставила встреча с Робертом Скоттом. Этот вдумчивый, собранный англичанин намеревался зимовать в Антарктиде, совершая санные поездки в глубь материка.

По его словам, в Англии совсем разучились делать сани, и он специально приехал в Норвегию, где Нансен воскресил это

искусство.

— Я знаю, как вы заняты: в Англии говорят, что Нансен помнит о втором полюсе Земли. Ваш доклад о проекте норвежской экспедиции в Антарктику произвел очень сильное впечатление на лондонцев. И все же я прошу вас уделить мне хотя бы час.

Нансен тотчас велел заложить экипаж и поехал с англичанином к мастерам и торговцам санями. Он сам выбирал самое лучшее дерево и набрасывал мелом форму полозьев и стоек.

Они вместе вернулись в «Годтхоб». За обедом Скотт снова вскользь упомянул об упорных слухах, приписывающих Нансену усиленную подготовку южнополярной экспедиции на «Фраме». Но хозяин дома не поддержал этого разговора. Прощаясь, англичанин сказал:

— После нашей поездки и бесед я узнал нечто гораздо большее, чем устройство саней, — я узнал много ценного о том, как мне следует снарядить всю мою экспедицию. Правда, я по-прежнему думаю, что в Антарктиде наибольшего успеха можно добиться, используя выносливых пони и моторные сани, а не собачьи упряжки, какими вы пользовались во время вашего знаменитого путешествия.

Нансен не стал спорить. Он готов был признаться себе, что завидует этому англичанину, завидует всем, кто чувствует себя неловким и недолгим гостем на городских улицах и торопится в страну ледяного безмолвия.

И еще одна встреча состоялась в «Годтхобе» — встреча, повлиявшая впоследствии на жизненные пути ее участников.

— Войдите, — отозвался Нансен на робкий стук в дверь, с неудовольствием отрываясь от рукописи.

Вошедший в кабинет, видимо, чувствовал себя самым незначительным человечком, одним из тех, кто должен входить в дверь дважды, чтобы его, наконец, заметили.

В руках он мял папку. От робости и волнения лицо его покрылось пятнами.

Нансен узнал в своем госте молодого норвежского штурмана с «Бельгики» Руала Амундсена.

— Я хотел бы просить вашего совета… — неуверенно начал тот. — У меня есть план. Это моя первая самостоятельная экспедиция. Я хочу…

Гость замялся.

— Итак, вы хотите?..

— …попытаться пройти на судне Северо-западным проходом.

Когда-то он сам вот так же пришел к старому Норденшельду

с планом своей гренландской экспедиции.

— Так, значит, Северо-западный проход? Крепкий орешек! Если не ошибаюсь, около шестидесяти экспедиций пробовали разгрызть его до вас. Мак-Клюр, правда, прошел, но частью по суше, покинув корабль. А вы?

— Я, господин Нансен, не намерен покидать судна.

Нансен последнее время кое-что слышал об Амундсене. Когда экспедиция «Бельгики», которую не так давно провожал Нансен, вернулась, говорили, что штурман Амундсен фактически заменил в Антарктике начальника экспедиции, действовал необыкновенно решительно и смело.

Но Северо-западный проход?! Пройти из Атлантического океана вдоль северных берегов Америки в Тихий океан почти неведомой дорогой…

— Так, так. Каков же ваш маршрут?

Гость поспешно развязал папку, вынул карты.

Несколько часов спустя Руал Амундсен вышел из кабинета Нансена с горящими глазами и высоко поднятой головой. Этот день он потом назвал великим днем своей жизни.

А хозяин, проводив гостя, долго не мог приняться за работу.

— Ты видела его? — спросил он Еву. — Крепкая хватка… А я только и знаю, что напутствую других.

«Город, суматоха и пустота…»

Новое экспедиционное судно «Михаэл Сарс» идет к Исландии и острову Ян-Майен. Это исхоженные тысячами судов воды. О таких рейсах в газетах пишут самым мелким шрифтом даже тогда, когда на палубе судна — сам Нансен.

Он вместе с профессором Бьёрном Хелланд-Хансеном намерен изучать холодные и теплые морские течения. Биологи, как видно, окончательно потеряли Нансена; океанография интересует его все больше.

«Михаэл Сарс» должен уходить из порта Гейрангер на западном побережье страны. Нансен едет туда горной дорогой.

Хорошо, что город, суматоха и пустота остались позади, там, внизу. Сырой воздух, дыхание ледников освежает как роса, прогоняет душевную хмурь.

Полно, ему ли жаловаться на душевную хмурь, на пошлость жизни, на пустоту? Весь мир знает и прославляет его. У него есть все, что, по мнению многих, нужно для полного счастья.

Но с годами человек все зорче и требовательнее приглядывается к окружающему миру. И, приглядываясь, Нансен убеждается, что мир этот не так хорош, как казалось ему в беспечные годы юности. Сильный угнетает слабого, целым народам не дают жить так, как им хочется. Вокруг слишком много ненужной шумихи, жизнь загромождена условностями. Горе тебе, если заметят у тебя шляпу, рубашку или взгляды, уже вышедшие из моды!

Как подумаешь обо всем этом, о суматохе и пустоте больших городов, таким чудесным кажется маленький порт, где стоит у причала «Михаэл Сарс»! Тут, наверное, живут просто и мудро. Сегодня воскресенье, и мужчины, покуривая коротенькие трубки, валяются на солнечном зеленом пригорке. Они болтают о ветре и об улове. Тут же девочка-подросток в красной яркой шапочке пиликает на гармонике. Из гавани выходит лодка с темным заскорузлым парусом: парень с девушкой отправились на прогулку по фиорду.

«Михаэл Сарс» ждет только Нансена, все уже давно в сборе. Тотчас поднимают якорь. Море зыблется сталью, огненный шар солнца погружается в него. Буревестники реют, как будто ищут чего-то, чего никогда не находят и чего нельзя найти. Не так ли и у людей?

Дни плавания разнообразит только погода. Ползет густой туман, и чудится — вот-вот из шерстисто-серых масс покажутся корабли древних викингов. Эти люди были способны на подвиги

и на злодеяния, они наполняли свою жизнь борьбой и приключениями.

«Михаэл Сарс» встает на якорь в исландском фиорде. Стайки уток носятся над водой, в здешних реках наверняка водится форель, в горах — куропатки. И Нансен говорит Хелланд-Хансену:

— Вот где можно жить полной жизнью. Пусть себе мир крутится, как ему заблагорассудится!

Он как-то мало задумывался до этого о том, что видел во время своих поездок в больших городах Европы. Странно, что их жизнь привлекает многих — жизнь с робкой нищетой и вызывающей роскошью, жизнь, где теснота, скученность, серость давят человека. А здесь, на берегу фиорда, среди зеленых склонов, базальтовых скал и крестьянских домиков, люди свободны, добры и прямодушны.

Так думается ему — и он не хочет видеть, что на самом деле жизнь тут тяжела, груба и бедна, что исландские батраки нищи и забиты. У него одно желание — вновь обрести утраченное душевное равновесие. Он сыт по горло своей славой, и невеселые мысли о ней доверены дневнику:

> «Никогда я не чувствовал себя таким бедным и ничтожным, как теперь, в качестве героя, которому воскуривают фимиам; моя душа словно разграблена, обшарпана незнакомыми людьми. Куда бы убежать и спрятаться, чтобы вновь найти самого себя».

Он не хочет признаться себе, что в желании пожить в стороне от больших событий, предоставив миру крутиться, как ему заблагорассудится, нет и капли мужества. Уйти от того, что волнует, не бороться против пошлости, несправедливости, а бежать в приукрашенный, придуманный мирок — разве это не пресловутая «линия отступления», противником которой он был там, где дело шло о борьбе с природой?

И, хотя в рейсе Нансену удается выполнить давно задуманное исследование внутренних волн, успех не радует его. Лавовые склоны потухших вулканов острова Ян-Майен, по которым ползут бледно-голубые ледники, кажутся ему слишком мрачными, а плавник на узкой полоске прибрежного песка напоминает выветрившиеся кости неведомых ископаемых.

Душевная хмурь не проходит.

В горном доме

Дрейф «Фрама» продолжался три года. Обработка же его результатов растянулась куда больше, потому что Нансену так и не удалось целиком отдаться науке. Добровольное его отшельничество длилось совсем недолго. В сущности, он никогда не был кабинетным ученым и не смог бы им стать. К любому делу он старался привлечь как можно больше заинтересованных способных людей. И любое общественное дело не оставляло его равнодушным, если он был убежден, что оно действительно полезно. Он считал, что люди науки — слуги общества, и не только в научной сфере.

В «Годтхоб» заглядывал Бьёрнстьерне Бьёрнсон, читал стихи, новые свои пьесы; иногда с ним приезжали его политические единомышленники. И тогда страстные споры о будущем Норвегии, о борьбе против унии со Швецией продолжались до птичьей зоревой переклички.

Частым гостем был художник Эрик Вереншельд, живший неподалеку. Наезжали какие-то юноши с планами самых необыкновенных экспедиций, географы, моряки, журналисты.

«Годтхоб» стал казаться тесным, неудобным для разросшейся семьи. Да и гости с удивлением косились на его потемневшие, потрескавшиеся бревна, на потертую мебель.

Нансен затеял постройку нового двухэтажного дома поблизости от старого, среди милых сердцу сосен Люсакера.

Дом назвали «Пульхегда». Над ним поднималась башня. Там Нансен устроил рабочий кабинет. Мебель в новом доме была куда богаче, чем в «Годтхобе», но ее не хватило на все комнаты. Нансен и Вереншельд расписали стены.

Новоселье отметили карнавалом. Хозяева нарядились снежным королем и королевой. Фритьоф, к восторгу Лив и маленького Коре, приклеил себе бороду до пояса. Брат Евы, профессор зоологии Оссиан, надел коротенькие панталоны, черную безрукавку и пиликал в передней на скрипке, изображая бродячего музыканта.

Марта Ларсен пришла в старинном, с цветными вышивками костюме крестьянки. В руках у нее была корзина с деревенскими лепешками «лефсер». Коре и Лив тотчас набросились на них. Детям, по строгим домашним правилам, неизменно давали на завтрак овсянку или «флётегрёт» — вязкую кашу из муки на молоке, и они отнюдь не были избалованы лакомствами.

Карнавал удался на славу, было много забавных костюмов. Брат Александр, явившийся в безукоризненном фраке, и его жена

в модном бальном платье чувствовали себя не очень-то хорошо на этом шумном домашнем празднестве.

За столом Александр сидел неподалеку от Бьёрнстьерне Бьёрнсона, могучий голос которого раскатывался по дому. «Некоронованный король Норвегии» в застольном шуме расслышал, как Александр сказал Еве, что новый столовый сервиз слишком хорош, чтобы им пользоваться.

— Видит бог, вы правы! — озорно загремел Бьёрнсон. — Да, в самом деле, этот сервиз так хорош, что грешно было бы поцарапать его вилкой!

И, осторожно отодвинув тарелку, поэт спокойно положил жирный кусок мяса на белоснежную скатерть. Александр остолбенел. Бьёрнсон же невозмутимо полил кушанье красным соусом и принялся за еду. Дети ждали, что гость будет наказан, но отец хохотал до слез…

После ужина пела Ева, почему-то выбравшая грустные старинные песни. Пела она превосходно. Растроганный Бьёрнсон, подперев могучую голову кулаками, неподвижно застыл в углу. Старая Марта подносила к глазам платок. Когда захлопнулась крышка пианино, Фритьоф, стараясь развеселить гостей, запел хрипловатым голосом моряка:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен.

Подхватив Марту, он закружился с растерявшейся старушкой по комнате.

В общем, новоселье отпраздновали весело и шумно. Но в новом доме уже не было той простоты, той свободы, которую ценил Нансен. На мягкие кресла неудобно было раскладывать куски пеммикана и связки книг, гвозди на башмаках царапали паркет.

И Фритьоф купил еще один дом, далеко в горах. Бревенчатый, без всяких украшений, с крестьянскими столами и скамьями, с некрашеным полом, он стоял над озером, в которое смотрелись темные ели.

Фритьоф боялся, что Еве не понравится в Сёрке — так называлась местность, где находился дом. Но Ева, напротив, была в восторге:

— Тут все так славно, так легко дышится! Зимой мы будем ходит на лыжах в те горы, да?

— Уж под Новый год непременно! — рассмеялся Фритьоф. — Помнишь скалу Норе? Славное было время!.. Но не будет тебе здесь скучно?

— С тобой? С детьми? — удивилась Ева.

Фритьоф благодарно сжал се руки. Годы разлуки, или, может быть, дети, или простая жизнь — а вернее, все вместе взятое, — помогли Еве расстаться с той взбалмошностью избалованного существа, которая была в ней когда-то. Она вела все хозяйство, сводила концы с концами, с взяв на себя заботу о денежных делах, в которых Фритьоф был удивительно беспечным.

— Я бы никогда не поверил, что из вас выйдет настоящая мать и хозяйка, если бы не видел это своими глазами, — сказал ей как-то Бьёрнсон. — Удивляюсь и, чего греха таить, завидую Фритьофу.

На лето в горный дом перебралась вся семья. По утрам рыбаки приносили к крыльцу форелей, выловленных в ледяных речках. В пристройке для скота на бревенчатом настиле топтались две исландские низкорослые лошади с косматыми гривами. Лив и Коре тайком «объезжали» их, к восторгу самых младших Нансенов: льно-волосой Ирмелин и крошки Одда.

Как-то норовистая лошадь сбросила Лив на камни. Девочка разбила лицо, кровь залила платье. Испуганный Коре помчался было за отцом, но вернулся с полдороги: ведь Лив сама, без спроса, затеяла езду на лошадях, а теперь получится, что он, Коре, должен сказать об этом отцу, наябедничать… За ябеду же в доме наказывали беспощадно.

Лив сама пошла в отцовский кабинет. Отец сначала обмыл ей лицо, потом спросил, что случилось.

— Молодец, что не трусишь и не хныкаешь! — похвалил он, выслушав Лив. — Но учись держаться крепче!

«Возьмите руль, Фритьоф Нансен!»

Четыре тома научного отчета о плавании «Фрама» в темных, солидных переплетах уже стояли на книжной полке. Пятый печатался в типографии; шестой, последний, был почти готов к печати. Близилась к концу многолетняя работа.

В томах научного отчета и моряк ледового плавания, и полярный путешественник, и натуралист, посвятивший себя Арктике, могли найти новые ключи к решению загадок северных морей. Надежно, прочно подкрепленные таблицами и формулами, в этих томах содержались закономерности, относящиеся к температуре и солености воды, к скорости и направлению течений, к образованию и движению льдов.

Запутаннейшие зигзаги дрейфа «Фрама» нашли объяснение, когда Нансен принял в расчет ветры, дующие над океаном. Он вывел два основных правила, по которым каждый мог определить, куда и с какой скоростью должны перемещаться арктические льды под действием воздушной стихии. Нансен доказал, что вращение Земли заставляет их идти не прямо по ветру, а основательно отклоняться вправо.

Имя Нансена произносилось теперь рядом с именами крупнейших океанографов мира. Он добился создания Международного совета по изучению морей. Океанографическая лаборатория в Осло, основанная Нансеном, и он его участии разрабатывала новые методы и конструировала более совершенные приборы. Нансен помогал русскому океанографу Книповичу, который на специально построенном корабле наметил обширную программу исследований в Баренцевом море. Произошел важный сдвиг от описания явлений к их объяснению, и океанографы разных стран говорили о начале «золотого века» в разгадке вечных тайн моря.

И все же Нансен не чувствовал полного, глубокого удовлетворения. Он хотел «живого» моря, ему недоставало блеска льдов, захватывающего ощущения борьбы. Да, он все время помнил, что у Земли есть второй полюс. Но план экспедиции в Антарктику пока что не воплощался в тысячи мелких практических дел, которые подготавливают выполнение.

Нансен часто думал о Руале Амундсене. У этого безвестного смельчака не было ни славы путешественника, ни научных трудов, ни дома, ни денег — не было ничего, кроме железного характера и крохотной яхты «Йоа». Эту яхту Амундсен удивительно быстро приспособил к дальнему плаванию. Одно лето он провел в море, занимаясь океанографическими

исследованиями по заданию Нансена, потом стал готовиться к штурму Северо-западного прохода.

Когда Нансен, все время помогавший молодому штурману, побывал на «Йоа» незадолго до ее отплытия, Амундсена на борту не было — он где-то носился, собирая недостающие деньги. Нансен тщательно осмотрел все: придраться было не к чему.

— Передайте Амундсену, что, по-моему, он может выходить в море хоть сегодня, — сказал Нансен, прощаясь с командой «Йоа». — Я жалею, что не застал его. Это вот ему, он просил…

И Нансен протянул вахтенному свой портрет с надписью: «Капитану Руалу Амундсену с надежной, что его путешествия увенчаются успехом, от его друга Фритьофа Нансена. 16 июня 1903 года».

На следующую ночь Амундсен не вышел, а убежал в море — убежал от кредиторов, которые грозили за долги продать его суденышко, если он в двадцать четыре часа не отдаст им деньги.

И вот теперь Амундсен, свободный как ветер, качается в море где-то далеко-далеко и от Норвегии, и от кредиторов, и от мелких повседневных забот, опутывающих человека.

А в нансеновском кабинете, где штурман получил первое доброе напутствие, теперь все чаще собираются люди, вряд ли способные отличить тюленя от моржа и за всю свою жизнь ни разу не засыпавшие в отсыревшем спальном мешке.

Эти люди лишь смутно представляют себе, что где-то существует Северный полюс, торосы, снежные хижины. Совсем другие речи слышат теперь стены комнаты, увешанные морскими картами, серыми позвонками китов и эскимосскими копьями, — речи о свободе норвежского народа, о его независимости.

Долгие годы борьба за разрыв шведско-норвежской унии велась на газетных страницах да на собраниях патриотических обществ. Но теперь силы норвежцев окрепли, а терпение иссякало. Все громче раздавались голоса, что независимость нужно не ждать, а завоевать.

1905 год был самым подходящим для норвежцев. Они могли надеяться на поддержку Англии: у той ухудшились отношения с Германией, которая всегда держала сторону Швеции. Революция 1905 года в России заставила шведских рабочих гораздо сочувственнее относиться к своим норвежским товарищам, требовавшим независимости. А это означало, что шведской аристократии и буржуазии было бы нелегко поднять народ на войну против соседней страны.

Мог ли остаться Нансен в стороне от дела, которому горячо сочувствовал с юных лет?

Он стал писать статьи в норвежские и английские газеты.

Одна из них называлась: «Лучше поражение с честью, чем сдача без боя». Выступая с речью перед студентами Кристианийского университета, он воскликнул:

— Разве нет больше храбрости в Норвегии? Поистине жалок тот, кто останавливается на полпути!

Студенты неистово аплодировали. Какой-то пылкий юноша вскочил на скамью:

— Возьмите руль, Фритьоф Нансен!..

17 мая 1905 года Нансена слушали в Кристиании пятьдесят тысяч человек. На площади и ближайших улицах люди стояли плечом к плечу, полные энтузиазма.

— Мы не можем получить нашу независимость, как милостыню! — говорил Нансен под крики одобрения. — Наше знамя должно развеваться над народом, верящим в свои силы и свое будущее! Все дороги назад для нас закрыты. Остается одно — вперед! Фрам!

На следующий день норвежский парламент принял закон о том, что страна должна иметь за границей своих послов, как всякое другое самостоятельное государство. Шведский король не утвердил этот закон. Тогда парламент сделал решительный шаг — объявил о расторжении унии.

Шведские и норвежские представители съехались в городе Карльстаде. Переговоры проходили бурно.

«Докажите сначала, что не только ваш парламент, а все норвежцы действительно не хотят унии», — требовали шведские дипломаты.

В Норвегии назначили всенародное голосование. Против унии проголосовало 368 200 человек. Во всей стране нашлось только 184 человека, хотевших сохранить ее.

Это жестокое поражение не убедило шведских аристократов, буржуазию и военщину. К норвежским границам была стянута семидесятитысячная армия.

Республика или монархия?

Стремительные переезды из города в город по поручению норвежского правительства. Копенгаген, Лондон, Берлин. Снова Копенгаген, Карльстад, Лондон, Кристиания, опять Копенгаген… Открытые совещания и тайные переговоры, газетные статьи и шифрованные донесения… Нансен окунулся в самую гущу политических событий. Они захватили его, оторвали от привычных дел. Стремясь предотвратить обострение событий на Скандинавском полуострове, он особенно добивался поддержки Англии, убеждал английское правительство сказать слово в защиту норвежских требований. И недаром одна из лондонских газет написала о нем: «Этот человек значит для своей страны больше, чем целая армия».

В горный дом на берегу озера Фритьоф смог вырваться после долгого отсутствия лишь на день. Никогда еще не испытывал он такого душевного смятения, такой свинцовой усталости, такой борьбы противоречивых чувств.

Ева услышала от него последние новости. Ему только что предложили возглавить новое норвежское правительство. Он отказался, сославшись на то, что не исповедует протестантскую религию и по законам страны не может занять столь высокий пост. Тогда его стали уговаривать вернуться в «лоно церкви». Он снова ответил отказом. И вообще он чертовски устал от всего этого! Ему приходится теперь часто скрывать свои мысли, хитрить, лгать, притворно улыбаться. И он бы бросил все, политика и дипломатия — не его стихия, но именно сейчас, в такую трудную минуту…

— Почему трудную? — с удивлением перебила Ева. — Я читала, в газетах пишут, что вы наконец договорились со шведами, что главная опасность миновала, благоразумие взяло верх…

Да, это верно, шведы в конце концов пошли на уступки, почувствовав, что Англия покровительствует норвежцам. Но до победы еще далеко и впереди очень много неясного. Например: должна ли Норвегия остаться монархией или стать республикой?

— Я помню руки матери: красные, загрубелые, все в трещинах, — взволнованно говорил Фритьоф. — Она умела и любила работать. И разве жизнь нашего народа — это не труд изо дня в день?

Но тут Ева не поняла Фритьофа:

— Ты забыл, что твоя мать была урожденной баронессой Ведель-Ярлсберг-Форнебо. И потом, скандинавами всегда

управляли короли.

Фритьоф уехал поздно вечером, рассеянно простившись с детьми и Евой. Он не замечал дороги, временами ловил себя на том, что бормочет вслух.

Многие норвежцы хотят республики. Им надоел шведский король. Их чувства понятны. Но надо взвешивать все «за» и «против». Трезво, расчетливо. В Лондоне напуганы русской революцией. Там дали понять, что какие-либо политические перемены в Норвегии могут оттолкнуть от нее английских друзей. А Норвегия еще так слаба… С другой стороны, что, собственно, изменится, если во главе будет президент? Неважно, кто стоит во главе, — важен дух, живущий в народе. И какая драка начнется за президентское кресло!

Когда Нансен, вернувшись в Кристианию, открыто выступил в поддержку монархии, это разочаровало многих его друзей. Норвегии нужна республика во главе с таким президентом, как Нансен. Или как Бьёрнсон. Неужели Нансен боится ответственности? Разве не он сам писал о драгоценном чувстве человеческой свободы, о величии свободного духа, разве не он призывал к простой трудовой жизни?

И когда однажды Нансен выступал в северном городке перед рыбаками, склоняя их к мысли о пользе монархии, один простоватый детина слушал, слушал и вдруг заорал на всю площадь:

— Да здравствует Нансен, долой короля!

Ева получила письмо: он понимает и разделяет чувства тех, кто не хочет монархии, но у страны и так много трудностей, все разговоры о республике сейчас несвоевременны. Письмо обрадовало Еву, больше всего она боялась, что Фритьоф может стать президентом…

Вскоре стало известно, что, по поручению правительства, доктор Нансен поехал предлагать норвежскую корону датскому принцу Карлу, женатому на дочери английского короля.

Дипломат

Из окон лондонской гостиницы «Рояль-Палас», где временно разместилось норвежское посольство, виден Гайд-парк.

Чаще всего за желтоватым туманом только угадывались деревья, но сегодня было ясно. На полянке возле дорожки паслись овцы, охраняемые собакой. Серые, с длинной шерстью, они, пощипывая траву, обходили людей, валявшихся на земле, — бездомных бедняков, отсыпавшихся после ночи, когда полисмены гоняли их из подъездов и дворов.

Нансен распахнул окно. До него донеслись голоса разглагольствовавших в парке ораторов и пение религиозных гимнов. По старому обычаю, в Гайд-парке каждый мог взобраться на скамейку и говорить, говорить, говорить — лишь бы нашлись слушатели. Вот и сейчас джентльмен в потрепанном узком сюртуке, размахивая руками, убеждал трех старушек и какого-то верзилу отрешиться от себялюбивых помыслов и познать блаженство христианской любви к ближнему.

— Господин посол, почта из Норвегии.

На серебряном подносе — груда бумаг, пачки газет. Иргенс, секретарь посольства, успел подчеркнуть самое интересное синим карандашом. А-а, почерк Евы на нераспечатанном конверте…

— Господин посол, к вам от портного.

Вошел детина с рыжими бакенбардами, за ним — мальчик, нагруженный плоскими коробками с вензелями на крышках.

— Для вечернего приема при дворе, сэр.

В одной коробке белые, до колен, штаны, белый жилет, белые шелковые чулки. В другой — черные, до колен, штаны, белый жилет и черные шелковые чулки. Еще какие-то чулки, штаны и жилеты…

— Неужели я должен вырядиться, как другие обезьяны? — промолвил Нансен, когда посыльный, сопровождаемый мальчиком, с достоинством удалился.

Иргенс беззвучно рассмеялся:

— Однако, господин Нансен… Нарушить придворный этикет — великий боже!

— Я удивляюсь, почему они не приходят во дворец в латах, как при короле Артуре. Останусь вот в этом сюртуке! — пробурчал Нансен.

Иргенс пожал плечами:

— Вы слишком заметный человек, чтобы это повредило вашей карьере в Лондоне, но все же…

Зазвонил телефон. Иргенс взял трубку:

— Алло! А-а, здравствуйте, господин Хаустон. Да, господин посол надет вас… — И обращаясь к Нансену: — Это тот банкир из Сити. Он будет здесь через четверть часа. Я приготовил все бумаги.

После банкира был секретарь датского иосольства, логом приехали дамы-благотворительницы, потом отставной полковник из Индии, зашедший исключительно затем, чтобы засвидетельствовать свое глубокое уважение «победителю льдов и полярной ночи»…

А вечером Нансен все же надел белые чулки, белые штаны и, стесняясь своего нелепого вида, юркнул в экипаж, стоящий у подъезда гостиницы. Только по дороге во дворец он вспомнил, что письмо Евы так и осталось нераспечатанным в кармане сюртука.

Уезжая послом в Лондон, чтобы помочь укреплению молодой норвежской независимости, он говорил друзьям, что его нельзя приручить. И все же в английской столице его приручали. Понемногу, исподволь. Он ворчал, хмурил лохматые брови и… смирялся.

Мировая слава путешественника и ученого, полученный перед отъездом из Норвегии ранг министра выделяли его среди дипломатов. При дворе ему оказывали почести, как пэру — представителю высшей аристократии. Король Эдуард VII несколько раз сказал о нем: «Мой дорогой друг».

К «Рояль-Паласу» теперь часто подкатывали кареты деловых людей из лондонского Сити — той части города, где в угрюмом, без окон, здании Английского банка и во множестве банков поменьше, в зданиях денежной, угольной и хлебной бирж решались судьбы миллионов людей.

Господа из Сити интересовались норвежским лесом, норвежской рыбой, норвежской железной рудой. Нансен еще плохо разбирался в закулисной политике. Англия, думалось ему, помогла Норвегии стать самостоятельной.

Норвегия так слаба и бедна — пусть трезвые дельцы Сити оживят ее торговлю и промышленность.

Чертыхаясь про себя, но отвешивая поклоны на приемах в королевском дворце, заглядывая по долгу посла в аристократические клубы и салоны, Нансен незаметно втягивался в чужую для него жизнь. Он еще не научился глубокомысленно говорить о погоде — эта вечная и неисгякаемая тема всегда позволяет англичанину поддержать угасающую беседу, — однако иной раз мирился со скукой гостиных. Великосветские сплетники и сплетницы уже злословили, связывая его имя с другим…

Ева чувствовала перемену в том, кого любила, кому верила, и

постоянная, сосущая тревога сделала ее раздражительной, замкнутой. Письма от Фритьофа приходили часто, но была в них какая-то сухость, отчужденность, недосказанность.

Однажды Лив — ей уже исполнилось тринадцать лет — застала мать плачущей. Еве было невыносимо тяжело и одиноко. Обняв дочь, она неожиданно стала сбивчиво говорить ошеломленной девочке об отце, о своей тревоге, обо всем, что мучило, давило. Там, в Лондоне, их отца подменили. Он стал чужим, непонятным, холодным. Вот его письмо. Он собирается в Норвегию, но не домой, а прямо в Тронхейм, на коронацию принца Карла: «У меня будет каюта на яхте принца Уэллского»… Половина письма — это советы, какие платья нужно заказать для присутствия на торжествах. И все это сухо, деловито. Ни слова о том, как она, что дети… Разпе так писал он раньше! Нет, отец больше не любит их, не любит…

Лив плакала вместе с матерью.

Ева не спала ночь, а утром кучер повез на почту письмо. Пусть Фритьоф прямо напишет ей, если полюбил другую. Здесь, в Норвегии, говорят о какой-то даме из самого высшего лондонского общества. Намекают, что Фритьоф пользуется лестными симпатиями женщины из королевской семьи. Это правда? Пусть ответ будет открытым и честным, она так измучилась…

Ева ждала письма, в котором Фритьоф, ее Фритьоф, сердито или насмешливо — все равно — опровергнет слухи, скажет, что все это чепуха, пустые сплетни.

Черен несколько дней пришел ответ. Ева прочла первые строки — и упала в кресло, задыхаясь от острой боли в сердце.

Фритьоф писал, что давно мучился «всем этим», не имея мужества сознаться. Он запутался, или, может быть, его запутали. Но «теперь там все кончено». Он любил и любит только Еву, одну Еву…

Потянулись мучительные дни. Каждый день из Лондона приходили письма, полные раскаяния. Наконец она телеграфировала: «Понимаю все, буду тебе помогать».

Фритьоф приехал в горный дом внезапно. Его костюм был смят и запылен. Дети — Лив, Коре, Ирмелин, маленький Одд — прыгали вокруг отца, но он не замечал их.

Он видел только темный прямоугольник двери и застывшую там Еву в старом домашнем платье.

Пепел, развеянный бурей

Зачем она поехала в Лондон? Ей так не хотелось, но Фритьоф упрашивал, умолял: ему невыносимо одиночество в этом постылом городе.

В первые же дни Ева получила приглашение во дворец. Придворные дамы мило улыбались ей; за спиной она слышала насмешливый шепот.

Приемы следовали за обедами, обеды — за банкетами. Через педелю Ева чувствовала себя разбитой, усталой. Ей хотелось домой, к детям. Лондонская квартира, которую Фритьоф тщетно старался сделать уютной, казалась случайным номером гостиницы, где к каждой вещи прикасались чужие руки.

Принесли приглашение на завтрак в один из самых аристократических домов. Но Ева решительно отказалась ехать. С нее довольно! В юные годы ей казалось, что во всей этой нелепице, которую называют светской жизнью, есть какой-то смысл, что-то привлекательное. Но Фритьоф сам же открыл ей тогда глаза. Теперь она хочет вернуться в свой мир, привычный и простой, — вернуться как можно скорее.

Фритьоф слушал ее с мрачным видом.

— Ты находишь, что я неправа? — удивилась Ева.

— Нет, что ты! Права, тысячу раз права. Я тоже устал от всего этого. Я вот думаю, что жители больших городов похожи на зверей, набитых в каменные ящики. Поспав в одном ящике, мы выскакиваем из него и бежим с толпой подобных себе по узенькому проходу улицы в другой. Там проводим несколько часов, затем возвращаемся в свой ящик. Вот мы с тобой были вчера во дворце и кланялись, как обезьяны. Позавчера нас потащили на обед. Вместе с другими зверями мы забрались в ящик побольше. Подвернув длинные хвосты фраков и положив передние лапы па стол, упихивали в себя пять, десять, пятнадцать блюд и вливали крепкие напитки до тех пор, пока не увидели самих себя, друг друга и весь свой ящичный мир в каком-то идиотском тумане. И подумать, что это называется праздником…

— Я знаю, ты тяготишься этим… Но когда же, наконец, кончится эта мука?

— Теперь скоро. Я должен довести дело до конца. Поверь, еще не просохнут чернила подписей на договоре о норвежской независимости, как я буду на полпути к дому.

Вскоре Ева уехала в Норвегию. Фритьоф почти все дела посольства поручил секретарю и, отложив в сторону папки с дипломатической перепиской, засел за старинные фолианты и

записи исландских саг. Он давно задумал написать книгу о том, как с древних времен человек стремился проникнуть в тайны Арктики, написать о тех, кто в борьбе с суеверием и мраком бодро шел с развевающимися знаменами к неизвестному.

Словно освежающим ветром пахнуло на него со страниц, где описывались страдания и приключения героев полярной пустыни. И, когда весной 1907 года Королевское географическое общество попросило его прочесть доклад о ближайших исследованиях в Арктике, он охотно согласился. Нансен говорил о повторении дрейфа, подобного дрейфу «Фрама». Но корабль новой экспедиции должен вмерзнуть в лед северо-восточнее, чтобы его пронесло ближе к полюсу. Так будет заполнен пробел, оставшийся после плавания «Фрама».

Доклад вызвал много толков. Если Нансен так подробно рассказал о плане новой экспедиции в Арктику, то не намеревается ли он возглавить ее после того, как покинет пост посла? Но ведь те, кто ближе знают его, говорят, будто он по-прежнему верен своей мечте о втором полюсе Земли; Антарктика не потеряла для него притягательной силы, и «Фрам» еще покажет себя среди полярных льдов возле шестого материка. Впрочем, вскоре все, по-видимому, станет ясным: уже известно, что Нансен намеревается уйти в отставку и покинуть Лондон.

Но месяц шел за месяцем, а Нансен оставался в английской столице. Россия признала норвежскую независимость, однако неожиданно возникли задержки в переговорах со стороны Англии, где так много говорили о сочувствии норвежскому народу.

Нансен встречался с дипломатами, ездил с влиятельными лицами охотиться на лисиц, посещал балы, сопровождал королевскую чету в поездке на север — а время шло… Опять ненадолго приезжала в Лондон Ева, и снова говорили они о том, что уж теперь-то осталось ждать совсем недолго…

Пришло лето, и, потеряв терпение, Нансен взял короткий отпуск. Ненадолго задержавшись в Кристиании, он поспешил в Сёрке. Горный дом ждал его. Дети собрали морошку, наловили форелей. Отец пришел со станции пешком, с рюкзаком за плечами. Ева заметила, что какая-то мысль мучает его. Он вздыхал, уединялся в лес. Наконец пришел в комнату Евы, сел в кресло. Ева молча ждала.

— Что делать, а? — спросил он с какой-то трогательной, непохожей на него беспомощностью. — Ему нужен «Фрам»… Ну да! Для экспедиции к Северному полюсу. Для такой, о какой я говорил в Лондоне.

«Ему» — это Амундсену. Оказывается, Амундсен узнал о его приезде и явился в «Лульхегду», едва он переступил порог. Это ведь уже не прежний робкий штурман, — его звезда поднялась высоко, очень высоко! И разве Амундсен не доказал, что способен на многое, когда на своей крохотной «Йоа» прошел Северо-западным проходом и со славой вернулся в Европу? Но отдать Амундсену «Фрам», который может скоро понадобиться самому…

— Я ответил ему, что подумаю. Не решился сразу сказать

тебе…

Ева сидела неподвижно. Опять разлука? Опять неизвестность, опять томительное ожидание…

Фритьоф продолжал. Она ведь знает, что давняя мечта об экспедиции в Антарктику манит его по-прежнему, тут ничего не изменилось. Это настоящее большое дело. После конца лондонской канители можно было бы взяться за подготовку. А теперь Амундсен… Отдать ему «Фрам» — прощай мечта о Южном полюсе. Но можно ли держать корабль для себя год, а то и два, когда Амундсен готов в рейс хоть сегодня, хоть сейчас, полон сил, ничем не связан…

— Ты хочешь сказать, что мы связываем тебя?

Фритьоф запротестовал. Нет, он имел в виду совсем другое, все, вместе взятое. Но Ева снова перебила его. Пусть он не думает о ней, о детях. Она не станет отговаривать. Ей будет трудно без него, очень трудно. Но она привыкла, готова терпеть и дальше.

— Ты такая чуткая, ты всегда все знаешь лучше меня! — горячо и растроганно воскликнул Фритьоф.

Он ушел довольный, а Ева в отчаянии упала в кресло и зарыдала. Сквозь рыдания она слышала хрипловатый голос:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен…

Амундсен явился за ответом в «Пульхегду» накануне возвращения Нансена в Лондон. Ева, приехавшая проводить Фритьофа, первой увидела за стеклянной дверью орлиный профиль. Хозяин дома был в башне. Гость присел на стул в гостиной, но тут же вскочил и принялся ходить по ковру. Ответ, которого ждал Амундсен, значил для него слишком много.

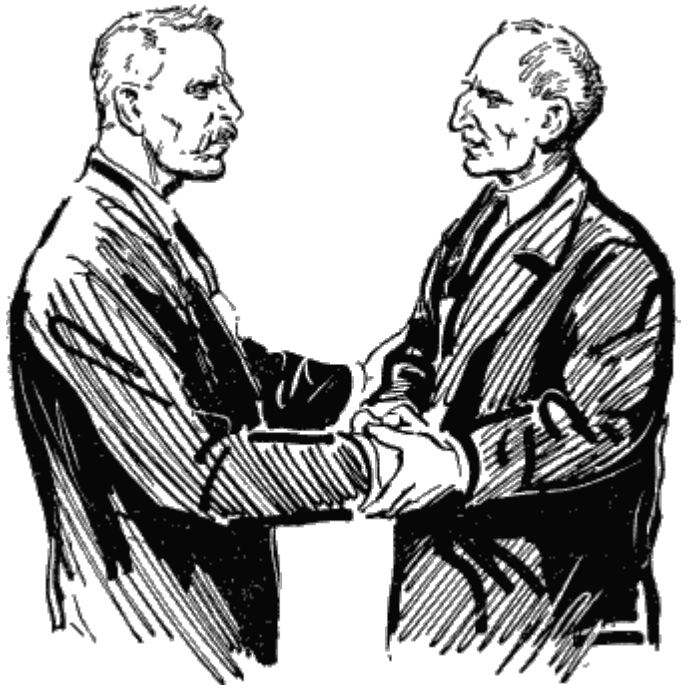
Ева поднялась по лестнице в башню.

— Он пришел… — Волнение мешало ей говорить. — Ждет там, внизу…

— А-а! — Фритьоф шагнул к двери.

— Ты решил снова оставить нас?.. — вырвалось вдруг у нее.

Фритьоф остановился, мгновение пристально смотрел на жену, потом сбежал вниз по лестнице. Ева услышала приветствия. Затем наступила пауза.

— Вы получите «Фрам»! — очень громко сказал Фритьоф.

…Нансен снова вернулся в Лондон.

«Я не могу забыть, какой чуткой и доброй ты была, когда мы говорили о „Фраме“… — писал он Еве. — Скоро я закончу здесь все работы, и мы опять будем вместе».

«Тот, кто любит, счастлив, если чем-либо помогает любимому в его труде, — отвечала Ева. — Помни об этом на будущее. Уедешь ты или останешься около меня — я все равно благодарю бога, что мы встретились когда-то. Лучше с тобой и с грустью, чем без грусти с банальным человеком, который ничего не ищет и никуда не стремится».

Потом из Лондона пришло долгожданное письмо:

> «Родная, договор будет подписан в ближайшие дня. Моя долгая и тяжелая миссия заканчивается».

Вскоре Фритьоф читал ответ:

> «Какое счастье, ты можешь вернуться к рождеству! Как мы ждем тебя! Ты знаешь, болел Коре — у него было воспаление легких. Он читает сейчас твою книгу „На лыжах через Гренландию“. Мальчик так похож на тебя! Я думаю иногда, что все же кое-что сделала в этом мире, вырастив хороших детей, преданных тебе. Не помню,

писала ли я, что у меня тоже было воспаление легких. Но теперь все хорошо».

Это письмо Ева писала, лежа в постели. Был холодный ноябрь 1907 года. Она долго боролась с болезнью, но хотела сдаваться, просила ничего не сообщать Фритьофу, чтобы не волновать его. Боясь, что он все же узнает, написала успокоительную фразу: «теперь все хорошо».

6 декабря был день рождения Евы. Поздравительная телеграмма из Лондона лежала под подушкой. Ева несколько раз перечитывала ее. Фритьоф писал, что скоро вернется домой и у них будет впереди много счастливых лет.

Когда Лив пришла вечером пожелать спокойной ночи, мать сказала:

— Лив, если со мной что случится, помогай отцу, помогай Коре и маленьким.

Слабыми руками Ева притянула к себе дочь. Лицо больной было белее подушки, ее черты заострились.

Вскоре врач телеграфировал в Лондон: «Положение Евы серьезное, выезжайте немедленно». Но Нансен, которого встревожили первые же известия о затягивающейся болезни жены, был уже в дороге.

…В комнату, где лежала больная, никого не пускали. Там бессменно находился доктор. В гостиной собрались друзья и родные. Сквозь рамы с улицы доносились голоса малышей, игравших в лошадки.

Ева лежала в глубоких подушках, прерывисто и часто дыша. Доктор сидел рядом. Вдруг больная прошептала:

— Бедный, он опоздал…

Это были ее последние слова.

Уже сгустились сумерки, когда дети услышали шаги на крыльце. У отца был дикий и страшный вид. Лив бросилась к нему. Он зарыдал так безнадежно, с таким отчаянием, что у Лив зашлось сердце. Ей показалось: дети потеряли многое, отец — всё.

Долгие недели никто не видел Нансена. Он закрылся в своей башне. Ночами дети испуганно прислушивались к его тяжелым шагам. Они раздавались в опустевшем доме до позднего зимнего рассвета.

Дотом отец неожиданно уехал в горный дом.

Говорили, что в снежную бурю он пошел на лыжах к заросшему темными елями ущелью, куда раньше ходил с Евой. В руках у него видели что-то похожее на погребальную урну; и тут вспомнили, что перед смертью Ева просила отдать ее пепел

горным ветрам.

Как все было — никто не знает точно. Фритьоф Нансен никогда, никому и ничего не говорил об этом.

Но в Норвегии нет могилы Евы Нансен…

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Северный и Южный…

Нансен долго болел. Врачи говорили о подавленном состоянии духа, о последствиях тяжелого душевного потрясения. Пыльные зеленые шторы постоянно закрывали окна башни.

Чаще других в башню поднималась Лив. Отец либо лежал на диване, либо мерным, тяжелым шагом расхаживал по кабинету. Он безучастно слушал рассказы дочери о том, что маленький Одд порезал ногу и что вчера в «Пульхегду» приезжал какой-то шумный иностранец с крашеными усами, требовавший, чтобы господин Нансен подписал воззвание о защите безнадзорных собак и кошек.

Лив на год оставила школу: надо было присматривать за младшими. Отец ни во что не вмешивался — старшая дочь стала хозяйкой дома.

От поста норвежского посла в Лондоне Нансен отказался наотрез.

— Это стоило мне слишком дорого! — ответил он премьер-министру, приехавшему уговаривать его.

«Пульхегду» посетили затем высокие гости Норвегии: английский король Эдуард и королева. Их сопровождала норвежская королевская чота. Короли сожалели о том, что Нансен оставляет дипломатическую карьеру.

Младшие дети таращили глаза: нет, короли в сказках были совсем другие, они ходили в коронах и мантиях, а эти, наверное, не настоящие, у них такие же пиджаки, как у отца…

Чтобы показать особое расположение к хозяину дома, норвежский король затеял с детьми игру в прятки. Он должен был с закрытыми глазами считать до ста, а потом искать спрятавшихся. Но маленькому Одду показалось, что король открыл глаза слишком рано.

— Ты жульничаешь! — гневно воскликнул мальчуган.

Все обмерли. Сам король на секунду растерялся. Лив давно уже не видела улыбку отца — тут он рассмеялся впервые за много месяцев…

1909 год Нансен провел почти в одиночестве. Его имя все реже упоминалось в газетах. Корреспонденты, по старой памяти приезжавшие в «Пульхегду», возвращались с пустыми блокнотами: Нансен неизменно говорил им, что ни в какие экспедиции пока не собирается.

Корреспонденты находили, что он заметно постарел. Глубокая складка между бровями придала его лицу несколько угрюмое выражение. Пряди поредевших волос сильно тронула

седина.

Его навещали друзья. Иногда приходил Свердруп, который после второй экспедиции на «Фраме» и важных открытий в Североамериканском полярном архипелаге тоже не предпринимал больших походов. Старые товарищи уединялись в башне.

Под осень Нансен со старшим сыном, Коре, ходил на своей яхте «Веслеме» вдоль норвежского побережья. В маленьком приморском городке почтовый чиновник прибежал на яхту: «Господина Нансена срочно просят к телефону».

Звонили откуда-то издалека. Среди шума, потрескиваний, писка Нансен расслышал лишь несколько английских слов — какой-то человек хотел сообщить нечто о Северном полюсе. Но что именно, Нансен так и не понял — связь прервалась.

— Северный полюс теперь меня не интересует, — угрюмо сказал Нансен почтовому чиновнику, просившему подождать, пока починят линию.

Может быть, это было известие об экспедиции Роберта Пири, который в апреле 1909 года достиг Северного полюса на собачьих упряжках. Нансен ушел на яхте в море, так и не узнав, кто разыскивал его в маленьком городке.

Душевное оцепенение проходило медленно, постепенно. Нансен лечился работой. Он закончил начатую еще в Лондоне книгу «В туманах севера», вернулся к чтению лекций в университете.

Вместе с семьей своего друга, профессора океанографии Хелланд-Хансена, он еще раз отправился вдоль побережья. Было похоже, что ему хотелось пройти по следам своей молодости. Нансен встретился с пастором, у которого жил когда-то в Бергене, поехал в Арендаль, разыскал там сильно потертого, но еще не поставленного на прикол «Викинга», где провел столько счастливых часов с капитаном Крефтингом и где удостоился чести стать стрелком большой лодки.

— Это была моя первая официальная должность, — сказал он Хелланд-Хансену. — И, честно говоря, я чувствовал тогда себя более на своем месте, чем позднее на всех других должностях, которые занимал.

Может быть, именно с этой поездки начался перелом. Друзья услышали от него, что он «снова видит горы и долины», что ему еще надо кое-что сделать в этом мире.

В науке он остался верен области, где исследователя не ждала шумная слава первооткрывателя. То были вечные загадки моря, скрытые волнующейся водной гладью; не постигнутые человеком законы, управляющие движением водных масс

Мирового океана.

А тем временем полярный мир, который так захватывал, так звал его в молодые годы, жил особенно бурно. Чего стоила одна история с Амундсеном!

Получив «Фрам», Амундсен готовил экспедицию к Северному полюсу. Нансен согласился быть председателей «Фрам»-комитета, помогавшего ее снаряжению. Он составил программу научных исследований и настоял, чтобы перед отплытием Амундсен поучился у Хелланд-Хансена новым методам океанографических работ.

И вот однажды Хелланд-Хансен появился на террасе «Пульхегды». Он был чем-то взволнован, и Нансен спросил с улыбкой:

— Ты, конечно, хочешь сказать, что кредиторы по пускают Амундсена на Северный полюс?

— На Северный? Только не волнуйся… Дело в том, что Амундсен уже отправился на «Фраме» к полюсу. Но только к Южному. К Южному, понимаешь? Он уже в море.

Нансен побледнел:

— Это невозможно! Он не мог обмануть всех нас!

Хелланд-Хансен подождал, пока Нансен немного успокоился, и рассказал, что Амундсен «повернул план на 180˚» вскоре после того, как узнал об успехе Пири. Амундсену откровенно говорили, что чисто научные работы в районе Северного полюса, уже открытого другим, не имеют в глазах широкой публики почти никакой ценности. Те, кто давал Амундсену недостающие деньги на подготовку рейса к полюсу, сразу накрепко закрыли кошельки. При тяжелом финансовом положении экспедиции это грозило полным крахом. И Амундсен увидел выход в том, чтобы быть первым на Южном полюсе, а не вторым на Северном.

Никто не подозревает о новом замысле, даже команда: ей скажут всё далеко в море, и тот, кто не захочет идти в Антарктику, сможет вернуться домой с острова Мадейра, где корабль сделает остановку. Но Амундсен уверен в своих людях. Он думает, что ни один человек не покинет корабль.

— Ты знаешь, этот Амундсен с юношеских лет робеет перед тобой. И он уже незадолго до отхода упросил меня поехать в «Пульхегду». Сам он не решился.

— Но ведь можно было не тянуть до последнего часа!

— Если бы ты узнал все заранее, — возразил Хелланд-Хансен, — то, конечно, твоя честность не позволила бы тебе ничего скрыть от других членов комитета. Слухи дошли бы до кредиторов, и тогда… А что касается плана Амундсена, то он смел, но отнюдь не безрассуден. Вот послушай…

Нансен сначала слушал молча, потом стал задавать вопросы, беспокоясь, предвидел ли Амундсен то-то и не забыл ли он того-то…

Когда в «Пульхегду» нахлынули репортеры, которым не терпелось узнать, что думает Нансен о «трюке» Амундсена, они услышали:

— Насколько я знаю Амундсена, он способен доводить свои планы до конца. Если не произойдет чего-либо неожиданного, мы будем иметь случай поздравить Амундсена с новой победой.

В «Пульхегду» пришло письмо с Мадейры. Амундсен писал, что не с легким сердцем решился скрыть от Нансена свой шаг. Но успех Пири был тяжелым ударом для экспедиции. Однако после возвращения с Южного полюса еще будет время для того, чтобы отправиться для научных работ к Северному…

Прошло много времени после получения этого письма, и однажды в башню, не постучавшись, ворвалась раскрасневшаяся Лив. В руках у нее была перевязанная голубой лентой огромная коробка конфет.

— Папа, посмотри, я выиграла у Кнута пари! Амундсен возвращается. Он был на Южном полюсе. Вот газеты…

Отец посмотрел на возбужденную дочь:

— Ты не многим рисковала, когда спорила с твоим юнцом. Как можно было сомневаться в Амундсене?

Это было сказано спокойно, но Лив заметила, что отец взволнован. Помолчав, он встал из-за стола, положил руки на плечи дочери:

— Мне пятьдесят лет, но у меня еще достаточно сил, чтобы дойти до Южного полюса. Я много думал об этом. Теперь туда прошел Амундсен. Я только потом понял, какую жертву принес, отдавая «Фрам».

Кажется, никогда еще отец не говорил с Лив так откровенно.

— Да, я понял все только потом. Никто не знает, чего мне это стоило! Никто… — Он глубоко вздохнул. — Ну, иди, дочка…

Чуть не в первый день после возвращения на родину Амундсен приехал в «Пульхегду». На нем был парадный смокинг и модный котелок, в петличке — гвоздика. Но человек, которого Норвегия только что встретила королевскими почестями, так неуверенно и смущенно встал у дверей, что Лив подумала: совсем как мальчик перед экзаменом у строгого учителя.

Отец встретил его с открытой улыбкой, естественно и просто:

— Поздравляю, мы все рады и горды!..

А на крыльцо уже взбегал выскочивший из подъехавшего экипажа Яльмар Иохансен. Он плавал с Амундсеном и тоже поспешил сюда, к Нансену.

— Яльмар, Яльмар!.. — Растроганный Нансен обнял своего старого товарища.

Потом, когда Нансен и Амундсен говорили о чем-то у большой карты, Иохансен подошел к Лив:

— Вы дочь самого лучшего человека из всех, кого я знал в своей жизни…

Снова палуба под ногами

Короткие заметки в норвежских газетах: летом 1912 года Фритьоф Нансен намерен заняться океанографическими исследованиями севернее Шпицбергена. Он пойдет во льды на своей яхте «Веслеме» водоизмещением в двадцать восемь раз меньше, чем у «Фрама», — на то он и Нансен! Одна газета, впрочем, намекнула, что даже самому Нансену не следовало бы брать с собой детей (хотя Лив исполнилось уже девятнадцать лет, а Коре в свои пятнадцать выглядел двадцатилетним).

С тремя Нансенами на яхте отправлялись также молодой океанограф Грендаль, боцман, машинист, повар и юнга.

«Веслеме» легко скользит по волнам. Нансен с наслаждением вдыхает бодрящий морской воздух.

Не отрываясь смотрит он на сурово прекрасные берега: горы с большими шапками ледников, ультрамариновая синь фиордов и скалы, скалы, скалы…

Сильно качает. У детей еще нет «морских ног»; оба, бедняжки, страдают от морской болезни.

Лив совсем взрослая. У нее независимый характер и манеры матери. Священник спросил ее в гимназии, верующая ли она. «Нет». Из гимназии прислали возмущенное письмо.

Тетя Малли, которая теперь осталась с младшими, находит, что иногда отец слишком суров с детьми. Может быть, может быть… Но из них не должны получиться кисейные барышни и изнеженные балбесы.

Вот Лив — ей захотелось учиться рисовать и петь. Он сказал: «Или петь, или рисовать». Бедняжка плакала, но ведь и так развелось слишком много верхоглядов, которые хватаются сегодня за одно, завтра за другое и в конце концов ничего не умеют делать по-настоящему. Потому-то, когда Лив сказала, что хотела бы научиться «немножко готовить», он посоветовал ей поступить в кулинарную школу: немножко — это все равно что ничего.

Попутный холодный ветер гонит «Веслеме» к Хаммерфесту. На улицах городка пусто. Небо и море хмурятся. И всюду запах рыбы.

В этом городке они встретились с Евой после возвращения «Фрама». Тогда он не замечал этого запаха. На Еве было белое платье. По улицам за ними, стуча сапогами, ходили рыбаки в гарусных шарфах. Потом Ева пела в салоне «Отарии» морские песни, и Иохансен плакал, кулаком утирая слезы.

Лив должна возвращаться из Хаммерфеста домой. Ей хочется

побыть с отцом еще немножко, и она лишь за последним мысом пересаживается в лодку с уходящей в море яхты. Отец долго-долго следит взглядом за фигуркой, стоящей в маленькой лодке. Потом ее поглощает холодный туман, а «Веслеме» берет курс на север.

Шпицберген встретил яхту такой порцией дождя, тумана и шквалов, что Нансен основательно поплутал, прежде чем ввел суденышко в Ис-фиорд.

«Веслеме» пошла оттуда дальше вдоль изрезанных берегов. Ветер гнал яхту на прибрежные камни. Коре сказал, что он предпочел бы местечко поуютнее, чем эти воды.

— Ты лучше скажи, что будет с нашей работой, если так пойдет и дальше — шторм за штормом! — отозвался отец.

А дальше так и пошло — шторм за штормом, да еще со снегом. По утрам Коре сгребал с яхты мокрую снежную кашу. Отец либо стоял у руля, либо работал в каюте. Коре было холодно и неинтересно.

Только в самом конце июля яхта вошла в воды теплого Атлантического шпицбергенского течения. Оно уже не раз исследовалось, но важно было узнать, что изменилось в нем за последние годы. В недолгие часы затишья Нансену удалось сделать несколько станций — другими словами, в нескольких местах как бы разрезать толщу воды, с помощью приборов определив все главные явления, которые в ней происходят.

Воды течения оказались значительно холоднее, чем обычно. И Нансен подумал, что, может быть, 1912 год оказался особенно тяжелым для плавания во льдах как раз потому, что Арктика получила от Атлантики меньше тепла.

В бухто Вирго, куда зашла яхта, Нансен нашел домик, где перед полетом к полюсу жил Андрэ. Подальше на берегу торчали развалины каких-то ангаров.

— Так вот, Коре, возле этих ангаров американец Уэльман несколько лет подряд раздувал интерес к своей экспедиции и надувал свой шар. Любопытное это было предприятие!

Нансен хорошо помнил невероятную шумиху, поднятую вокруг необыкновенного воздушного шара Уэльмана, еще более необыкновенных моторных саней и, наконец, вокруг «великого открытия», совершенного Уэльманом в области воздухоплавания. Речь шла о колбасе, самой длинной колбасе в мире — 50 метров! — начиненной сушеным мясом, горохом и другими вкусными вещами. Ее нижний конец должен был волочиться по льду за летящим к полюсу воздушным шаром. Предполагалось, что от колбасы будут отламываться куски, которые помогут «победителям полюса» отыскать обратную дорогу и в то же время

послужат им для подкрепления сил.

Туристы так и валили на Шпицберген, где Уэльман был главным «аттракционом». Наконец настал исторический момент. Это было в 1907 году. Выбрав почему-то западный ветер — не совсем попутный для полета к полюсу, — Уэльман поднялся в воздух, перелетел фиорд и… плюхнулся там на ледник. После этого он уехал в Европу — строить новый шар.

В 1909 году этот шар со своей колбасой пролетел несколько километров к северу, потом зацепился волочившимся по льду якорем за торос. Находившееся поблизости судно вызволило Уэльмана; при этом шар рвался как бешеный в разные стороны, а болтавшаяся колбаса грозила сломать мачты спасательного судна.

Когда шар втискивали обратно в ангар, он вырвался, взлетел высоко вверх, лопнул и пустым мешком шлепнулся в бухту, где восторженные туристы мигом разорвали его, хватая кусочки на память.

— Этот Уэльман доказал, что с помощью одной шарлатанской рекламы можно несколько лет быть центром внимания всех частей мира и купаться в деньгах. Серьезные же исследователи ломали голову в поисках гроша — тот же Амундсен, например. Или Андрэ. Вот его домик. В нем жил настоящий человек, скромный, ненавидевший рекламу. Я встретился с ним в Тромсё, когда возвратился с «Фрама». На следующий год он поднялся на своем шаре «Орел» вместе с двумя такими же смельчаками и полетел к полюсу. Но у его бедного «Орла» были слабые крылья, и он упал где-то на торосы ледяной пустыни.

Труженики моря

Опять океан и льды, на которых нежатся морские зайцы, слишком ленивые для того, чтобы удирать от яхты.

«Веслеме» пришвартована к большой льдине. Свыше суток маленькая команда не знает отдыха. Сделано шестьдесят измерений температуры в разных слоях, пятьдесят наблюдений над течениями, шестьдесят проб воды, тридцать измерений глубин, столько же определений направления дрейфа — и каждый раз нужно было погружать прибор на точно заданную глубину, пускать его в ход, держать некоторое время, вынимать, отсчитывать и записывать все показания, брать пробы воды и разливать по бутылкам, писать этикетки, снова готовить прибор к спуску. Все это без лебедок, вручную, при изрядной качке.

Нансену хотелось дорисовать общую картину движения вод в Северном Ледовитом океане, в основном набросанную еще на «Фраме». В глубоководном Полярном бассейне поверхностный слой наиболее холоден, но наименее солен — его опресняют воды сибирских рек. Ниже — теплая вода Атлантического течения. В ней много солей. Несмотря на относительно высокую температуру, она поэтому гораздо тяжелее холодного поверхностного слоя и по закону тяжести «ныряет» иод него.

Как показали исследования на «Фраме», под теплый слоем снова лежит холодная соленая вода. Откуда берется она? Ведь, казалось бы, тепло земных глубин должно нагревать ее. Не охлаждается ли она там, где нет ни верхнего защитного слоя опресненной воды, ни подстилающих его вод теплых течений? Из такого места тяжелая холодная вода могла бы растекаться во все стороны, заполняя самые глубокие места Полярного бассейна.

Нансен полагал, что Гренландское море между Шпицбергеном и Ян-Майеном было «холодильником» глубинных вод. Теперь наблюдения показали ему, что он, видимо, не ошибся.

Нансен сравнил новые данные с записями «Фрама»: оказывается, в наиболее глубоких слоях Полярного бассейна вода все же была теплее, чем в самых глубоких слоях Гренландского моря. Не потому ли, что самым тяжелым и холодным водам этого моря не дает растекаться на север какой-то подводный хребет, порог?[4]

Нансен снова пришвартовывает яхту к надежной льдине. Тридцать шесть часов без сна и отдыха, ломота в руках и спине, десятки страниц, испещренных цифрами, — и опять раздумья, сопоставления, выводы. Некоторые океанографы думают, что гонимые ветром поверхностные течения просто распространяются

вглубь и вызывают там движение воды в том же направлении. Нет, все обстоит гораздо сложнее: в глубинах течения сильно отклоняются под влиянием вращения Земли.

Но давно пора покинуть эти воды, осеннее плавание в которых становится все опаснее. «Мы уходим обратно на юг, навстречу людям и жизни, а чего мы, в сущности, ищем там…» — записывает Нансен в дневнике.

«Веслеме» идет на юг. Заведующий телеграфной станцией в Грин-Харборе, передавая Нансену телеграммы из дому, говорит:

— А вас ждал здесь господин Кучин!

Нансен хорошо знает этого энергичного и способного моряка, занимавшегося океанографией в Бергене, у профессора Хелланд-Хансена. У Кучина были какие-то нелады с русским правительством: полиция едва не сцапала его, но он уехал в Норвегию. Амундсен по совету Нансена взял Александра Кучина с собой на «Фрам» вопреки решению парламента о том, что экспедиция должна состоять исключительно из норвежцев. Взял — и не ошибся: русский моряк блестяще проявил себя во время похода к Южному полюсу.

Заведующий телеграфной станцией сказал, что теперь Кучин командует яхтой «Геркулес», на которой экспедиция русского исследователя Русанова намеревается идти на восток вдоль берегов Сибири.

— Русский корабль поднял якорь как раз накануне вашего прихода. Господин Кучин так ждал вас! Он хотел посоветоваться, говорил, что это ему очень важно.

В начале сентября «Веслеме» вернулась к берегам Норвегии. Над скалами в небе мерцал знакомый призрачный свет. «Это весть из того мира, который мы покинули и который теперь погружается в зимнюю ночь, — записал Нансен на последней странице дневника плавания. — И все же я тоскую по этому миру с его вечным одиночеством, длительной тишиной и быстрыми, мятущимися огнями северного сияния».

Знакомой дорогой

Обрусевший делец с американским паспортом Ионас Лид, превратившийся в Иону Ивановича, собрал деньги у норвежских, английских, русских предпринимателей и организовал «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли». Общество намеревалось вывозить Северным морским путем сибирское сырье и продавать его в Европе.

Господин Лид ожидал великих барышей. Но предпринимателей пугали льды Карского моря: вдруг корабль с ценным грузом будет раздавлен? Тогда Лид снарядил небольшой морской пароход «Коррект» и объявил, что сам пройдет на нем до устья реки Енисея, чтобы убедить сомневающихся.

Когда все было готово, Лиду пришла в голову мысль: а что, если пригласить на «Коррект» Нансена? Это было бы вдвойне полезно. Во-первых, какой превосходный советчик в море, а во-вторых — реклама! Сам Нансен, великий Фритьоф Нансен, на борту судна, зафрахтованного для перевозки грузов «Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли»!

Лид приехал в «Пульхегду» без особой надежды на успех и, разумеется, даже не заикнулся об акционерах и торговле.

— Неисследованность Карского моря… Интересы мореплавания и науки… — вкрадчиво повторял он, поглядывая на неподвижно сидевшего в кресле хозяина дома.

— Я согласен! — внезапно сказал тот просиявшему Лиду.

Летом 1913 года Нансен поднялся на борт «Корректа».

Лид познакомил его там с секретарем русского посольства в Норвегии — щеголеватым Иосифом Лорис-Меликовым и с пухлым господином с заплывшими глазками и благообразной бородкой, Степаном Вострotиным. Лид сказал, что господин Вострotин выбран от сибиряков в русский парламент — Государственную думу. Он умолчал, однако, что тот был акционером лидовского «Общества».

До самых Карских ворот «Коррект» шел без всяких затруднений, будто перед ним была обычная морская дорога средних широт, хоженая и перехоженная.

Дальше стали попадаться льды, сначала рыхлые, потом все более сплоченные. Вот если бы на корабле был аэроплан, думалось Нансену, сколько дней могла бы сберечь им воздушная ледовая разведка! Но пока что на аэропланах в Арктике еще никто не летал, и «Коррект», тычась носом то туда, то сюда, сам искал дорогу.

У низменного песчаного берега Ямала к кораблю подошла лодка с сибирскими ненцами. Нансену показалось, что он уже видел однажды и этот плоский, голый берег, и лодку, нырявшую в холодных волнах. Конечно же, видел — как раз здесь в августе 1893 года они на «Фраме» принимали таких же гостей! Неужели с тех нор прошло двадцать лет?

Да, ровно двадцать. И эти годы не принесли перемен безжизненному Карскому морю. По-прежнему мелькнет в волнах голова тюленя, пролетит одинокая чайка — и снова только волны, небо, ветер…

Смерзшиеся льдины, нагроможденные ветрами и течением, все сильнее мешали «Корректу». Нансен поднялся в «воронье гнездо». Старый лоцман охотно уступил ему право выбирать путь. Капитан судна смотрел вверх, ожидая сигнала. Нансен показывал рукой: ближе к берегу, там должна быть полоса чистой воды.

Вполне благополучно дошли они по Карскому морю до острова Диксона, сторожащего вход в Енисейский залив. Лид потирал руки, пил коньяк за здоровье «великого лоцмана» и за успех экспедиции.

Нансен велел спустить шлюпку. Может быть, на острове Диксона удастся обнаружить следы без вести пропавших в прошлом, исключительно тяжелом для ледового плавания году, русских полярных экспедиций на судах «Святая Анна» и «Геркулес», узнать что-либо о судьбе Кучина?

Но в старом складе, устроенном еще для экспедиции Толля, уголь не был тронут. В сарае лежали ящики с отсыревшими спичками, дверь была распахнута ветром. Ни письма, ни знака.

Должно быть, суда унесло далеко в Северный Ледовитый океан. «Геркулес» не обладал прочностью «Фрама». Несчастный Кучин…

«Коррект» вошел в Енисейский залив. Нансен так и не понял, где кончился этот залив и начался Енисей. По-прежнему был виден только тот берег, которого придерживалось судно; до другого оставалось почти 40 километров. И не мудрено, что на этой удивительной реке капитан «Корректа» заблудился среди больших и малых островов, завел судно в какую-то протоку и не знал, как оттуда выбраться.

На призывные зеленые ракеты пришел русский пароход «Туруханск» с баржами, в трюмах которых лежал груз для «Корректа». Нансен заметил на пароходе толстых полицейских с шашками и пистолетами. Как видно, они должны были следить, чтобы «Коррект» не увез в Европу кого-нибудь из политических преступников, сосланных царем на берега Енисея.

К ужину подали свежую черную икру. Но Нансен решительно

отодвинул лакомое блюдо в сторону и обратился к Лиду:

— Где же ваш бифштекс из мамонта?

Лид уже давно забыл, что, соблазняя Нансена плыть на «Корректе», обещал необыкновенное угощение. В низовьях Енисея, говорил он, течение размыло в береговом обрыве гигантскую Мамонтову тушу. Мясо ископаемого отлично сохранилось и…

— Так где же бифштекс? — повторил Нансен.

Лид выскочил из-за стола и побежал к капитану «Туруханска». Вернулся он с самыми огорчительными новостями. Оказывается, псы, которых на Севере не балуют кормом, добрались до мамонта. Мясо гиганта, сохраненное вечной мерзлотой, пришлось им вполне по вкусу. Капитан «Туруханска» сказал, что приезжавшая недавно на Петербурга экспедиция нашла объедки собачьих пиров и забрала с собой довольно жалкие трофеи.

«Коррект», приняв груз, должен был вместе с Лидом возвращаться в Норвегию. Нансен же намеревался поехать в глубь Сибири. Он пересел на русское экспедиционное судно «Омуль», чтобы плыть вверх по Енисею. Вместе с ним отправились Лорис-Меликов и Вострotин.

Гигантская река несла навстречу, в океан, чудовищную массу воды. За селением Дудинкой тундра сменилась жиденькими ивовыми зарослями; потом пошла редкая ольха и чахлая береза; затем лес стал мужать и густеть, превращаясь в знаменитую сибирскую тайгу. Белые лебеди, вытянув длинные шеи, неслись к югу над вершинами деревьев, над свинцовой рекой. Приподнятые миражем плоские берега как бы парили в воздухе. Бревенчатые избы крохотных деревушек темнели возле воды. У деревушек были странные названия: Игарка, Курейка, Хантайка.

«Омуль» притыкался к крутому яру. Нансен карабкался наверх и бродил меж желтых осенних берез и зарослей колючего шиповника. Ветер шумел в хвое кедров, где дозревали красноватые смолистые шишки. Лесная тропинка вела к заброшенным могилам, прикрытым старыми оленьими санками, — северяне кладут их для того, чтобы покойнику было на чем ехать в лучший мир. Норвежец жадно слушал гул ветра в вершинах деревьев, и ему казалось, будто этот могучий шум доносится к нему из родных лесов.

В деревушках жили политические ссыльные. Нансену запомнился ссыльный фабричный рабочий из Харькова. Жена его умерла вскоре после того, как он был угнан по этапу в Сибирь. Что привязывало его теперь к жизни? Может быть, он полюбил одиночество? Или его синие мечтательные глаза видели что-то

светлое в далеком будущем — такое, ради чего стоило жить и терпеть?

Центром края ссылки, где полицейский пристав считался высшей властью, был городишко Туруханск. Вокруг каменной церкви с воронами на крестах и деревянного монастырского дома, занятого почтой и полицией, разбросались избенки, лачуги, хибарки.

Неподалеку стояло несколько ненецких закопченных шалашей, накрытых оленьими шкурами. Внутри, в тесноте и грязи, копошились женщины и дети. Мужчины были на промысле.

Возле одного из подобных становищ Нансен наткнулся на двух пьяных, путешествовавших по грязи на четвереньках. Это был ненецкий князек со своим приближенным. Пробормотав несколько слов, «его светлость» растянулся на берегу.

Кроме князьков, у «инородцев» были выборные старшины. На становище приезжал полицейский чин, намечал угодного себе человека и велел остальным выбирать его. Попробуй-ка не выбери! А настоящими владыками на Севере были купцы, безбожно спаивавшие и обманывавшие простодушных охотников.

В краю, думалось Нансену, где сама природа зовет к свободе, где все так величественно, просто, где горы, леса, реки как бы очерчены крупными, сильными штрихами, — в этом краю царствуют темнота и произвол. Так в Сибири, так в Гренландии. Человек всюду угнетает человека.

Сибирь проснется, проявятся скрытые силы…

К знаменитым Осиновским порогам «Омуль» подошел под вечер, когда на западе догорал багряный отблеск ушедшего дня. Реку стиснули скалы. Вода и камень — как в фиордах. Посреди реки торчал скалистый островок. Бури и молнии обломали вершины сосен, вцепившихся в него корнями.

Течение все усиливалось. Сверкающие воды неслись из ущелья на север. Тяжелые грозовые тучи цеплялись за темные зубцы леса. «Омуль» едва-едва полз возле берега, где течение было слабее. Затем поток подхватил его и понес наискось. Мотор захлебывался, катер тянуло к зловещим воронкам водоворотов.

Когда «Омуль» вышел из ущелья, запахло дымом. Отдаленный лай собак донесся с берега, где возле шалашей лежали узкие лодки. Совсем индейский лагерь из романа Фенимора Купера! Странно, что эти необозримые лесные пространства с их кочевыми обитателями никогда так не пленяли детской фантазии, как девственные леса Америки с ее индейцами. Не потому ли, что леса Сибири еще не нашли своего Купера? А ведь жизнь здесь не менее фантастична!

Нансен поделился этими мыслями с Востротиным. Тот усмехнулся:

— Сибирские могикане?! Эти вот нищие, дикие инородцы? Вот, даст бог, повырубим тайгу, наладим торговлю с Европой…

Множеством церковных куполов обозначился Енисейск, первый большой город на реке. Нансен выступил в енисейской гимназии и в местном клубе, говорил о возможности плавания через льды к устью Енисея.

Возле музея, где Нансен долго рассматривал одежду, орудия и утварь енисейских кочевников, к нему подошел господин в черной крылатке, отрекомендовался иностранцем, давно ведущим торговые дела «в этой ужасной, варварской стране».

— Здесь живешь как в пустыне. Не с кем отвести душу. Вокруг одни разбойники… Вы, господин Нансен, как порядочный человек, поймете меня…

— Я, разумеется, сочувствую вам, — осторожно сказал Нансен. — Но, видимо, мне посчастливилось: я, напротив, встретил тут много очень симпатичных людей.

— Симпатичных? О, вы их просто мало знаете! Все они каторжники, уверяю вас!

Нансен записал содержание этого разговора. Нет, он не мог

согласиться со своим собеседником. В большинстве ссыльные были политическими преступниками, иначе говоря, «людьми, пострадавшими за свои убеждения, и часто лучшими элементами русского народа». Отметив, что местное население весьма даровито, он закончил запись такими словами о Сибири: «Настанет время — она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения».

От Енисейска до большого сибирского города Красноярска Нансен ехал по почтовому тракту. Тарантас трясся круглые сутки, задерживаясь на почтовых станциях лишь для смены лошадей. Нансен находил у сибиряков удивительное сходство со своими земляками: те же мужественные лица, русые волосы и бороды, спокойная неторопливость.

К Красноярску Нансен подъехал вечером. Светлячки электрических огней мерцали в котловине, занятой городом. Моросил дождь, пахло травами. Мокрые русские и норвежские флаги свешивались с парадной арки, сколоченной у въезда в город. Горели костры. Чадные факелы колыхались над огромной толпой, и какой-то господин, подбежав к тарантасу, на плохом немецком языке поздравил Нансена с окончанием путешествия.

А путешествие вовсе и не кончилось. Из Красноярска поезд помчал Нансена к Тихому океану. За окном вагона мелькали сопки, гари, пашпи; чаще же всего тянулась нескончаемая тайга. Даже при вялом и бездарном русском правительстве новые города росли в Сибири с быстротой, не уступающей американской. Русский народ, думалось Нансену, выполняет великую задачу, заселяя эти пустующие сибирские земли на пользу человечеству.

В туманный день поезд обогнул Байкал. Вагоны то ныряли в туннели, то стучали колесами по мостам над речками, такими же дикими и бешеными, как в горах Норвегии. Степи Забайкалья сменились потом маньчжурскими; дорога пересекла границу Китая и зазмеилась по нагорью, как бы продолжавшему пустыню Гоби.

Колея кончилась у каменного вокзала Владивостока. Этот тихоокеанский город походил на Неаполь, у которого отняли Везувий.

От океана Нансен возвращался на запад другим путем. На рабочих поездах, на дрезинах, а то и на бойкой тройке ехал он по трассе достраивавшейся Амурской дороги. От еще безымянной станции у реки Бурей начинался готовый рельсовый путь на запад. Железнодорожники, встречавшие здесь гостя, сделали ему подарок: на желтом деревянном здании вокзала была прибита вывеска: «Станция Нансен, Амурской ж. д.».

После небольшой поездки на пароходе по реке Зее Нансен возвращался через Сибирь домой. Опять Чита, Иркутск, Красноярск, дорожные встречи, разговоры… В Красноярске в вагон сел Родичев, один из знаменитых ораторов Государственной думы от партии кадетов. Этот холеный, важный барин, с большим перстнем на пальце, тоже только что проехал Сибирь.

— Я разочарован, — говорил он, прислушиваясь к своему голосу. — Да, если хотите, разочарован и в стране и в народе. Это дикая пустыня. Здесь нет предприимчивых людей. Будущность у Сибири?!

Нансен слушал с неприязнью. Но спорить с этим самодовольным господином ему не хотелось. Он чувствовал, что полюбил Сибирь — огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, ее равнины и горы, замерзшие берега Ледовитого океана, пустынное приволье тундры и таинственные дебри тайги, волнистые степи, — полюбил Сибирь с вкрапленными в ее безграничные пространства селениями мужественных людей.

На вокзале в Петербурге были только представители Географического общества: публика не ожидала, что Нансен приедет с почтовым поездом, и собиралась встречать курьерский.

Проворный господин — репортер газеты «Петербургский листок» — подскочил к Нансену:

— Несколько слов для нашей газеты… Господин Лид весьма заинтересовал деловые круги сообщением, что с коммерческой стороны рейс «Корректа» окупился вполне. Итак, если позволите: во-первых, возможны ли постоянные рейсы к устью Енисея?

— Безусловно, да. Коммерческая же сторона дела меня не интересует и не касается. Это пока все, что я хотел бы вам сообщить. — И Нансен прошел к автомобилю.

Желающих попасть на доклад об экспедиции было так много, что чрезвычайное собрание Географического общества пришлось созывать в огромном актовом зале Кадетского корпуса. Он вмещал более трех тысяч человек — и все же не всем хватило места.

— То, что служит предметом моего доклада, имеет для вас, русских, громадное значение, — начал Нансен. — Путь, которым прошел «Коррект», должен дать дешевый выход к морю колоссальным богатствам Сибири. Этот путь открыт не нами, не «Корректом», мы только прошли им. Честь и слава его открытия и исследования всецело принадлежит вам, русским…

Нет никаких оснований считать Карское море непроходимым, — твердо заявил он дальше. — Неудачи там случайны, удачи же, напротив, закономерны. Но, чтобы хорошо

наладить судоходство по Карскому морю, надо постоянно наблюдать за его льдами, изучить его морские течения, построить радиостанции…

Нансен рассказал, как бы, по его мнению, следовало осваивать Карское море, и закончил доклад вдохновенными словами:

— Я вижу картину, которая откроется в недалеком будущем среди вечных снегов и льда. Небольшой отряд аэропланов парит в воздухе. От этих воздушных разведчиков не укрывается малейшее движение льдов. Сведения, добытые аэропланами, передаются радиостанциями — и, пользуясь ими, корабли смело идут к Оби и Енисею через Карское море, которым еще недавно пугали моряков. Да, это пока еще фантазия. Но я верю, что, послушное гению человека, Карское море станет таким же судоходным, как любое из морей земного шара. Только поменьше сомнений, побольше энергии и доброй воли довести дело до конца!

У ПОРОГА НОВОГО МИРА

Когда бушует пожар…

Лив носит пуховый русский платок, мягкий, теплый, легкий. Забавные глиняные игрушки вятских кустарей и плетенные из соломы корзиночки пылятся на полке возле рабочего стола Нансена, заваленного переводами сочинений русских географов.

Нансен пишет книгу о поездке в Сибирь, «в страну будущего». Поставив в рукописи последнюю точку, он отправится в экспедицию на Восток. Это почти решено, если не помешает война. В Европе твердят о ее неизбежности, о том, что огромные армии приведены в готовность. Многие норвежцы не верят этому, посмеиваются над опасностью, считают, что благоразумие возьмет верх. Но опыт дипломата подсказывает Нансену, что тучи слишком сгустились.

И вот на Балканах, в городке Сараеве, молодой серб Гаврило Принцип стреляет в наследника австро-венгерского престола.

А через месяц чуть ли не вся Европа — в огне и крови.

Норвегия не воюет, она — в стороне. В газетах описываются ужасы войны, но эти ужасы где-то далеко. Тем норвежцам, которые выступают против войны, деловые люди намекают, что донкихотство теперь не в моде и что нужно яснее представлять себе, в чем национальные интересы страны. Доходы фирм растут, спрос на норвежскую руду увеличился, норвежская треска возросла в цене, можно выгодно торговать и с немцами и с англичанами — о чем же шуметь?

Нансена просят высказаться о войне. По мнению многих солидных людей, он говорит странные вещи: что будущее Норвегии темно и неясно, что надо готовиться к тяжелым дням и побольше думать об обороне. Он утверждает, что в Норвегии возможен голод, что страна может остаться без угля. Одна из газет вызывает его паникером: Норвегия ведь так далека от фронтов!

Даже первые заметки о торпедированных немцами норвежских кораблях и черные траурные рамки вокруг имен погибших моряков не колеблют уверенности, что Норвегия — в стороне, что Норвегии война никак, ни с какой стороны не коснется.

Нансен хочет собраться с мыслями, в спокойном одиночестве обдумать все, что бередит душу. Когда с разливами рек, со звоном льдин, с запахами прелой листвы и мокрой земли, со студеными ночами пробралась на север норвежская неяркая весна, он едет в горы.

Ночь застает его у костра. Смолистая сосна горит весело,

стреляя сучками. Отсветы костра бегают по скале с темным провалом пещеры.

Нансену не спится. Мир болен. Пожар войны разгорается все сильнее. Кто же виноват в том, что миллионы людей попали в кровавый котел? Сколько было разговоров о великом значении культуры, но ведь не спасла она людей от бойни!

Из-за чего дерутся в Европе? Из-за власти, только из-за власти! Во всяком случае, те, что начали эту бойню. Но, конечно, и они утверждают, что сражаются за высшие идеалы. Такова цена европейской культуры. Она обманула. Она привела к этому безумию и, значит, изжила себя! Может быть, старое и изношенное горит лишь для того, чтобы на его месте могло появиться новое?

Предрассветный ветерок шумит в кронах сосен, и Нансену кажется, что только среди природы люди становятся самими собой. Он мечтает о том, чтобы его будущий родной угол был в хижине, где тысячелетний лесной гул стоит гад крышей, а папоротники перед дверью окроплены утренней росой. Но он слишком много жил и много видел, чтобы не понять, как детски наивны его мечты.

Так неужели же нет средств для излечения больного человечества?

Норвежские рабочие и моряки, вышедшие с красными флагами на весенние улицы портовых городов, хорошо разобрались в том, что ставило в туник этого прожившего большую жизнь человека. Такой зоркий, смелый, уверенный при поисках законов движения вод и льдов, он мучительно трудно, сомневаясь и останавливаясь, искал теперь путь к познанию законов развития человеческого общества…

«В страну будущего»

Человечеству не до открытий в полярных водах. Людей волнуют фронтовые сводки, известия о потерях, о разрушенных, сожженных городах. Забыты покорители полюсов, на архивные полки отложены планы арктических экспедиций.

Далеко во льдах остались лишь те, кто ушел туда еще до первых выстрелов на Балканах. Следы одних затерялись в «белом безмолвии». Другие достигли многого, и, не будь войны, мировая пресса шумно прославляла бы их.

Удивительное открытие — наверное, самое значительное из всех, которыми было отмечено наступление XX века в Арктике, — сделала русская экспедиция Северного Ледовитого океана. С борта кораблей «Таймыр» и «Вайгач» в водах севернее мыса Челюскина моряки увидели неведомые до той поры берега. Когда с карт полярных морей было стерто уже немало мифических земель, вполне реальная Северная Земля очертилась огромным архипелагом у берегов Сибири.

«Таймыр» и «Вайгач» предприняли затем попытку пройти Северным морским путем из Тихого океана в Атлантический. Однако в Арктике удача редко следует за удачей. Сплоченные льды затерли корабли возле берегов Таймыра, где уже приготовился зимовать на шхуне «Эклипс» капитан Отто Свердрун. По просьбе русского правительства он искал во льдах следы исчезнувших в тяжелом 1912 году экспедиций на «Святой Анне» и «Геркулесе».

Нансен внимательно наблюдает за рейсом своего старого друга. Когда русские гидрографы обращаются за советом по поводу тяжелой зимовки «Таймыра» и «Вайгача», которым угрожают сжатия льдов, он в пространном письме рассказывает, что, по его мнению, следовало бы сделать, чтобы избежать несчастья.

Тем временем выходит книга Нансена о путешествии в Сибирь, дописанная уже в дни мирового военного пожара.

«Какая зловещая расточительность благородных сил человеческого духа!» — пишет Нансен о войне. Он не берется предсказывать ее исход, но уверен в том, что «они может привести к полной переоценке жизненных ценностей и принудить старую Европу к составлению нового баланса, о котором мы пока еще не имеем понятия».

Книгу переводят на английский и немецкий языки.

В Швейцарии читатель Цюрихской библиотеки, русский политический эмигрант, живущий на квартире у сапожника

Каммерера, выписывает требование на немецкий перевод книги Нансена. Его интересует вся новая литература о России.

Фамилия русского эмигранта — Ульянов.

Книга Нансена, несмотря на трудности военного времени, выходит и в России. На обложке — рулевой у штурвала, ведущий корабль навстречу поднимающемуся солнцу. «В страну будущего» — так озаглавлена книга.

Нансен думает теперь о тех временах, когда жизнь вернется в нормальную колею: война не может продолжаться вечно. Восток по-прежнему интересует его. Конечно, в азиатских просторах, где столько сделали Пржевальский, Козлов, Свен Гедин, прошло время больших открытий. Но разве этнографическая экспедиция в малоизвестные уголки Китая, во все еще притягательно-загадочный Тибет не обогатила бы науку?

Такая экспедиция будет, возможно, не менее изнурительной, чем любая полярная; только вместо льдов придется преодолевать огромные пустыни, восходить на заоблачные горы. Но хватит ли у него сил? Не будет ли подготовка к такой экспедиции бесполезной тратой времени?

И зимой 1916 года Нансен отправился в те горы, куда давно, очень давно, еще до гренландской экспедиции, выгнала его из Бергена нудная дождливая погода.

К перевалу возле озера, где он тридцать два года назад тщетно разыскивал занесенную снегом хижину, теперь проложили железную дорогу.

Возле поблескивающей зеркальными окнами гостиницы прогуливались молодые люди в ярких свитерах. Провалявшись до полудня в мягкой постели после проведенной за карточным столом ночи, эти туристы не прочь были поразмять ноги, нагуливая аппетит.

Пятьдесят пять лет не самый лучший возраст для горного пробега на лыжах! К вершине Фоссе с Нансеном пошел молодой Адреас Клем, директор гостиницы. Клем был хорошим лыжником, и Нансен почувствовал, что на подъеме уступает ему. Плохо дело! Но нельзя ли взять свое на спуске?

После головокружительных виражей у Нансена дрожали и разъезжались ноги, но все же он первым влетел на лед озера.

— В жизни не видал более лихого лыжника! — воскликнул запыхавшийся Клем, когда они пошли дальше.

— Где же наш пес? — будто не расслышав, спросил Нансен. — Посмотрите, как он кувыркается в снегу!

Конечно, Нансен снова выбрал тот отчаянно трудный суть, по которому прошел тогда, в молодости. Мешок с продуктами, сброшенный вниз, летел очень долго и превратился в черную

точку на дне долины. Ветер сорвал пса, скользившего по снежному карнизу. Пес свалился ка крутой скат и, царапая когтями лед, задержался лишь у самого края пропасти.

— Я, кажется, доволен собой! — сказал Нансен Клему, когда они, наконец, закончили прогулку.

— Это был самый рискованный спуск в моей жизни! — признался тот.

— Не в том дело. Три десятка лет назад все это оставило у меня более глубокое впечатление. Право, тогда казалось даже труднее!

После этого горного похода у Нансена три дня болели ноги, но он твердо знал теперь, что еще вполне способен переносить тяготы экспедиционной жизни. Когда в начале 1917 года Ионас Лид, дела которого после плавания «Корректа» сильно пошли в гору, собрался за океан, Нансен попросил его встретиться в Вашингтоне с китайским послом и поговорить относительно своей экспедиции.

По ту сторону Атлантики

Соединенные Штаты Америки вступили в войну только в 1917 году, и сразу же из норвежского посольства в Вашингтоне полетели тревожные телеграммы.

Недостающий хлеб и топливо Норвегия получала из-за границы. Теперь американцы резко сократили поставки зерна и предупредили, что вовсе прекратят их, если норвежцы не выполнят особых требований относительно торговли рыбой и медью.

Случилось то, что предвидел Нансен: народ невоюющей Норвегии стал голодать. Хлеб не всегда выдавали даже по карточкам. Белую муку отвешивали в аптеках но рецептам врачей.

К Нансену пришла делегация членов парламента:

— Вы должны поехать к американцам в Вашингтон. Только вы можете спасти положение. Уговорите их — иначе мы погибли!

Нансен пересек океан. В Вашингтоне его встретили холодно, почти надменно. Норвежская миссия? Восемь человек? Это слишком много. Достаточно трех.

Рассерженный Нансен хотел было отказаться от переговоров, но в гостиницу принесли телеграмму: «Зерна осталось на два месяца». И пять человек отправились обратно в Норвегию, а трое — Нансен, его помощник и секретарь — остались, чтобы уговорить американцев дать хлеб норвежским рыбакам и рабочим.

Уговаривать пришлось долго. Американцы соглашались дать зерно в том случае, если норвежские корабли станут работать на Америку. Немного продуктов Нансену удалось сначала выхлопотать лишь для новой экспедиции Амундсена. Разбив при спуске со стапеля о нос заменившего «Фрам» корабля «Мод» кусок льда вместо бутылки шампанского — пусть сразу привыкает к своей стихии! — Амундсен намеревался осуществить теперь тот план дрейфа к Северному полюсу, которому изменил ради броска к Южному…

Соскучившись на чужбине, Нансен вызвал к себе дочь. Он встретил ее в нью-йоркской гавани. Лив не верила своим глазам: отец повез ее в лучшую гостиницу на Пятом авеню; он занимал там несколько комнат, обставленных с вызывающей роскошью. Апартаменты для миллионеров!

— Что поделаешь, здесь ценят человека и по содержимому кармана. — Отец посмеивался в усы, наблюдая за изумленной дочерью. — Если человек не тратит столько-то долларов в день,

считается, что он вообще немного стоит, и с ним, чего доброго, не будут вести солидные дела.

На следующий день они поехали по самым дорогим магазинам, самым модным портным. Отец, всегда такой скромный, всегда зло вышучивавший тех девиц, которые интересуются «тряпками», впервые в жизни заказал дочери изысканные туалеты. Лив сияла. Отец вздыхал:

— Так надо!

Прожив неделю в Нью-Йорке, Нансен снова вернулся в Вашингтон. И Лив с ним. Переговоры шли туго, кто-то ловко и хитро мешал норвежской делегации. Нансен потом узнал, что это действовал английский посол лорд Перси, называвший себя другом Норвегии.

Однажды отец вернулся в гостиницу хмурым и рассерженным. Лив ни о чем не расспрашивала, но он заговорил сам:

— Американцы, видите ли, хотят получить точные сведения о будущей норвежской политике, прежде чем помогать нам дальше. И, представь, они искренне удивились, когда я сказал, что норвежская политика — внутреннее дело самих норвежцев.

Штормы, потрясшие мир

Первые известия об Октябрьской революции застали Нансена еще в Америке.

Смысл событий был ему неясен. Новая Россия сразу потребовала покончить с войной, заключить мир, — и это говорило в ее пользу. Но что последует дальше?

По утрам он искал на газетных страницах новостей из России. Сообщалось, что главный большевистский штаб — в Смольном, бывшем институте благородных девиц; что министры Керенского выдворены из Зимнего дворца и посажены в Петропавловскую крепость; что вождь восставших Владимир Ульянов-Бланк-Ленин обладает огромным влиянием на рабочих и крестьян.

Русским не дали мира, которого они просили. Тогда на защиту их революции поднялись люди во многих странах по обе стороны океана. Американские социалисты послали в Петроград телеграмму: «Приступаем к мобилизации Красной гвардии для службы в России. Среди американских рабочих огромный энтузиазм. Ваша борьба — наша борьба». Эту телеграмму вашингтонские и нью-йоркские газеты напечатали рядом с сенсационными сообщениями о большевистских комиссарах, которые бросают в клетки к свирепым сибирским медведям университетских профессоров и прославленных артистов императорских театров.

А когда Нансен, подписав, наконец, соглашение с американцами, возвращается домой, он узнает, что даже в Норвегии кое-где были попытки создать по русскому образцу Советы рабочих депутатов!

Революционные бури сотрясают мир, измученный войной. Вчерашние враги, рабочие и крестьяне воюющих стран, одетые в разную солдатскую форму, не хотят больше сражаться друг против друга, братаются на политой их кровью земле.

Разваливается Австро-Венгрия, «лоскутная империя» Габсбургов. Оголяют фронты, выходят из войны Болгария, Турция…

«Восстание матросов в Киле! Революция в Германии!» — кричат газетчики на улицах Осло.

И вот в Комипенском лесу, в штабном вагоне главнокомандующего войсками союзников маршала Фоша, немецкая делегация спешит поставить подписи под условиями перемирия.

Кончается мировая война.

Из Нью-Порка отправляется в Европу пароход «Георг Вашингтон». Над гаванью реют флаги, палят пушки; впервые в истории президент Соединенных Штатов Америки покидает страну. На столе в президентской каюте стоит стальной ларец с замысловатым замком. В нем Вудро Вильсон хранит план послевоенного устройства мира: Америка вышла из войны достаточно крепкой и сильной, чтобы попытаться навязать свою волю другим…

В Европе заговорили об организации, которая поможет лучше, разумнее устроить мир.

Художник Вереншельд, сосед Нансена по «Пульхегде», старый добрый знакомый, застал его однажды возбужденным:

— Ты слышал: организуется Лига наций?

И Нансен стал говорить соседу, что воображение моряка рисует Лигу кораблем, плывущим к обетованной земле под флагом человечности. На нем все государства, все нации, большие и малые. Корабль построен так, что противостоит натиску военной истерии, военной пропаганде, этим остаткам варварства. У него крепкие борта…

— Как у «Фрама»? — пошутил Вереншельд. — А кто же будет капитаном? Сам Вильсон? Или этот «тигр» Жорж Клемансо, который теперь у руля во Франции? Что-то не верится в его миролюбие!

Но Нансен был полон надежд. В приподнятом настроении он, как представитель Норвежского общества содействия Лиге наций, отправился в Париж, где заседала мирная конференция.

На севере Франции Нансен видел разрушенные станционные водокачки, черные обожженные деревья возле оплывших от дождей окопов. Ржавые мотки колючей проволоки валялись возле путей. Поезд медленно переполз мост, который ремонтировали рабочие в потрепанных армейских куртках.

Эти вчерашние солдаты знали ненависть, теперь они должны протянуть руку своим недавним врагам: тот, кто сеет примирение, пожнет доверие. Нансен скажет об этом там, в Версальском дворце, где мирная конференция готовит проект Лиги. Он скажет, как надежнее, лучше построить будущий международный корабль, как сделать человечным, гуманным корабельный устав.

В Париже все было очень торжественно. От флагов рябило в глазах. Но… устав Лиги наций, оказывается, был уже составлен великими державами-победительницами, а представителей небольших государств позвали только для того, чтобы подписать его.

«Совет четырех», или «большая четверка», — Вильсон,

Клемансо, английский премьер-министр Ллойд-Джордж, итальянский премьер Орландо — был занят в это время не столько будущей Лигой наций, сколько планами интервенции против молодой Советской России, истерзанной войной, разрухой, голодом.

Однажды все члены «большой четверки» получили одинаковые письма. «Сэр, положение с продовольствием в России, где каждый месяц сотни тысяч людей умирают от голода и болезней, является одной из проблем, больше всего волнующих в настоящее время умы всех людей» — так начиналось это необычное послание частного лица главам государств. Заканчивалось же оно просьбой помочь России лекарствами и продуктами.

Подписаны письма были лишь именем автора, без перечисления чинов и званий: Фритьоф Нансен.

Обратная почта сначала принесла ему самые лестные комплименты по поводу его гуманизма и сочувствия «несчастным русским». Но с ответом по существу «большая четверка» не торопилась. Наконец Нансена известили: первое условие для начала переговоров о помощи русским — прекращение большевиками военных действий против белых.

Нансен понимал, что именно теперь, весной 1919 года, большевикам трудно пойти на это: армии адмирала Колчака, еще недавно успешно наступавшие, покатились назад под натиском красных. Своим условием «большая четверка» хотела дать передышку этому «верховному правителю России», которому помогала оружием.

Но Нансен все же решил сообщить Ленину о результатах своего обращения к «сильным мира сего». Это было нелегко: почтамты отказывались принимать телеграммы в Россию, курьеры боялись туда ехать через линии фронтов. Наконец, с большим опозданием, немецкая радиостанция «Науен» передала письмо Нансена в Москву.

Ответ народного комиссара по иностранным делам Георгия Чичерина был получен также по радио. «Позвольте мне от имени Российского Советского Правительства передать Вам нашу глубочайшую благодарность за проявляемое Вами горячее участие в благосостоянии русского народа, — писал Чичерин. — Правительство… принимая во внимание всеобщее уважение, которым Вы окружены, будет особенно радо вступить с вами в сношения в целях проведения в жизнь Вашего плана помощи… Мы, разумеется, покроем все расходы этого предприятия и стоимость съестных припасов и можем уплатить, если Вы пожелаете, русскими товарами».

Чичерин сообщал о готовности России к мирным переговорам и в заключение предлагал назначить время и место для встречи с Нансеном советских делегатов.

Нансен поспешил сообщить об этой радиограмме «большой четверке». Но интервентов теперь меньше всего устраивали переговоры о мире или мирная передышка в России: белый генерал Юденич наступал на Петроград, Черчилль возвестил о «походе четырнадцати держав» против красных.

…Позднее Владимир Ильич Ленин, напоминая о многих мирных советских предложениях, сделанных разным путем, в том числе и через Нансена, сказал, что правительства стран Антанты, скрывая от народа правду, побоялись полностью напечатать эти документы.

Нансен действовал, как гуманист. «Большая четверка» попыталась сделать его орудием своей политики.

У большевиков

В «Пульхегду» пришла телеграмма Совета Лиги наций, предлагающая доктору Нансену взяться за человеколюбивое дело — возглавить комиссию, которая должна помочь военнопленным всех воевавших стран вернуться по домам.

Нансен отказался: у него был последний долг перед без вести пропавшим на «Геркулесе» Александром Кучиным — обработка наблюдений, сделанных молодым русским в Антарктике; теперь как раз удалось выкроить время.

Но следом за телеграммой в «Пульхегду» приехал секретарь Лиги наций Ноэль-Беккер. Ему поручили уговорить Нансена. Ноэль-Беккер уверял, чго, занявшись делами военнопленных, Нансен совершит подвиг, равный плаванию «Фрама». А ведь важно только начать дело. Это отнимет месяц, два, ну, самое большее три…

— Мне пятьдесят девять лет, и я не легковерен… — усмехнулся Нансен, — Кстати, о каком количестве пленных идет речь?

Гость замялся:

— Видите ли… Этого точно никто не знает!

— Где они находятся?

— Об этом, к сожалению, еще нет сведений.

— Каким же способом вы предполагаете вернуть их на родину?

— Гм… Пока мы еще не думали над этим.

— Вот как! А на какие средства вы намерены организовать их перевозку?

— Видимо, придется где-то искать деньги.

— Хорошо, но, по крайней мере, советские власти согласны на обмен пленными?

— Я думаю, что… Но мы их еще не спрашивали.

Нансен крупными шагами ходил по комнате, насмешливо поглядывая из-под седых бровей на посланца. Тот понял, что дело выиграно: Нансен заинтересован необыкновенной трудностью и сложностью задачи.

Через некоторое время разнеслась сенсационная новость: Фрнтьоф Нансен поехал договариваться с большевиками.

Перед поездкой ему советовали быть твердым и непреклонным. Эти комиссары в кожаных куртках и с маузерами на боку признают только грубую силу. Нечего с ними церемониться, удар кулаком по столу действует на них лучше любых разумных доводов!

Нансена принял народный комиссар иностранных дел Георгий Чичерин.

Не было ни куртки, ни маузера. Человек в самом обыкновенном костюме, со свободными манерами усадил гостя в кресло. Извинившись, что он не владеет норвежским, Чичерин предложил гостю на выбор любой из трех языков: английский, французский, немецкий.

Удивленный Нансен выбрал английский. Чичерин спросил, как норвежец чувствует себя после утомительной дороги. Гость поблагодарил и, в свою очередь, осведомился, где господин комиссар так хорошо овладел английским. Оказалось, в Лондоне.

Через несколько минут Нансен понял, что перед ним блестяще образованный человек. Чичерин, оказывается, жил в эмиграции во многих городах Европы. Он упомянул, что в свое время был увлечен мужественной книгой о путешествии на «Фраме».

Нансену хотелось спросить, каким образом его собеседник стал народным комиссаром (после он узнал, что Чичерин — родовитый русский аристократ, с молодых лет примкнувший к революции). Но пора было переходить к сути дела. Итак, по уполномочию Совета Лиги наций, он хотел бы…

— Простите, — перебил его народный комиссар. — Совет Лиги наций не признает нас, и мы не признаем его. Я, к сожалению, не могу считать ваши полномочия достаточными для ведения переговоров.

Нансен поднялся во весь рост:

— В таком случае, я немедленно уезжаю. Вся ответственность за последствия падет на ваше правительство.

— Паровоз к вашему вагону будет подан через два часа, — тоже встав, спокойно сказал Чичерин.

Однако столь быстро паровоз не понадобился. Чичерин нашел простой выход. Он сказал, что в глазах советских деятелей авторитет Нансена как ученого и исследователя достаточно велик для того, чтобы норвежец мог веста переговоры просто от своего имени, И он рад сообщить собеседнику, что Советское правительство обещает бесплатно перевозить военнопленных до границы и вообще всячески содействовать благородной миссии гражданина Фритьофа Нансена.

Вечером Нансен попытался разыскать кого-нибудь из тех, с кем он встречался, несколько лет назад, после поездки в Сибирь. Ему удалось найти лишь одного гидрографа, который приносил ему когда-то карты Карского моря. Гидрограф сказал, что у него работы по горло: большевики не забывают о Севере — сразу после революции Ленин распорядился дать деньги на большую

экспедицию для продолжения обследования Северного Ледовитого океана. Но тут гражданская война, интервенция…

— Вы помните Вилькицкого? Да, именно того, открывателя Северной Земли. Он должен был командовать западным отрядом экспедиции. Но ушел к белым. Однако многие остались, работают с большевиками. Есть так называемая Северная научно-промысловая экспедиция с очень большими правами. Там академики Карпинский и Ферсман. И Максим Горький с ними. Теперь вот собираются создавать Плавучий морской институт для изучения северных морей, дело только за подходящим кораблем. Говорят, это указание Ленина.

Вызов

На первую ассамблею Лига наций собралась осенью 1920 года в Женеве, в огромном зале Реформации. Он был декорирован пальмами — пальмовая ветвь символизирует мир. Пышные пальмы стояли и на возвышении возле трибуны.

Нансен выступил с отчетом о возвращении военнопленных на родину: первые 186 тысяч вернулись к своим очагам.

— Конечно, очень важно, что Лига наций занимается этими несчастными, — сказал он, — но я думаю, что еще важнее исключить в будущем возможность мировых катастроф, приносящих неисчислимые страдания. Минувшая война была жестокой, будущая может стать варварской. Надо объединить усилия всего мира, чтобы пушки умолкли навсегда. Если некоторые государства окажутся за дверью нашей организации, она уже не будет подлинно мировой. Я хотел бы видеть здесь представителя России…

Господам, поглощенным планами передела мира, мечтающим о вооруженной расправе с Советской Россией, Нансен казался по меньшей мере странным идеалистом. Он утверждал, например, что чертовски недальновидно силой вмешиваться в русские дела. Фальшивый сверху донизу царский режим мешал развитию России, и пусть теперь ее народ сам устраивает судьбу. Допустима лишь одна интервенция — против эпидемий и голода!

А призрак голода уже бродил над разоренной Россией.

Зима была бесснежной. С первых дней весны 1921 года появились грозные признаки небывалой засухи. Волга не вышла из берегов. Листья, едва распустившись, ссыхались и облетали. Всходы сгорели. Черные, мертвые поля окружали деревни Поволжья. Дым пожаров стлался над землей. В небе внесло красное, зловещее солнце. Знойные ветры несли со стороны Заволжья тучи мельчайшего песка — это дышала пустыня.

Спасаясь от лютой беды, крестьяне заколачивали избы. На пристанях и вокзалах скапливались толпы голодных. К середине лета беженцы из Поволжья растеклись по всей стране.

Правительство собирало хлеб всюду, где могло, и посылало на Волгу. Красноармейцы отдавали в фонд голодающих свои пайки. Было известно, что Ленин питается так же скудно, как рабочие Москвы. Когда однажды Дзержинскому поджарили картошку с салом, он вспылил, сурово отчитав «расточителей». Горький отбирал в музеях антикварные вещи, не представляющпе особенной художественной ценности: их продавали за границу, чтобы купить хлеб.

Но засуха захватила не только Поволжье. Пыльные бури и суховеи губили урожай на Украине, в Крыму, и Приуралье. Надо было накормить десятки миллионов людей, у которых уже с прошлых лет было пусто в закромах.

На помощь голодающим Поволжья пришли рабочие и коммунистические организации Европы и Америки. Они посылали в Россию хлеб, собирали деньги. Во многих странах рабочие постановили отчислять каждую неделю часовой заработок для голодающих Поволжья. В те дни югославский революционер Алия Алиянов, приговоренный к повешению, писал перед казнью: «Мое последнее желание, чтобы моя одежда и вообще все мое движимое имущество были проданы и выручка вместе с 400 кронами наличными, оставленными мною на хранение тюремному сторожу, была передана в фонд помощи голодающим в России».

Нашлись, однако, люди, которых радовал голод в Поволжье. Делегация русских эмигрантов, бежавших от большевиков, умоляла американского посла в Париже сделать все, чтобы Поволжье не получило ни крошки американского хлеба: лучше принести в жертву несколько сот тысяч русских мужиков, чем поддерживать правительство, прогнавшее законную российскую власть. «Толпы голодных идут к границам, чтобы ринуться в Европу, разнося заразу большевизма!» — сообщали газеты.

Нансен, который в эту пору был поглощен завершением огромной работы по возвращению на родину бывших военнопленных — два месяца, легкомысленно названные Ноэль-Беккером, превратились в годы непрерывных разъездов и бесконечных переговоров, — получил письмо от Горького. Они познакомились во время первого приезда Нансена в революционную Россию и с тех пор переписывались. На этот раз Горький спрашивал, не сможет ли Норвегия послать в Поволжье немного сушеной трески.

А пока Нансен хлопотал об отправке рыбы, пришла телеграмма из Женевы, от Международного Красного Креста: в Швейцарии собирается конференция по оказанию помощи голодающим в России и ему, Нансену, предлагается стать ее главным уполномоченным, или верховным комиссаром.

Два дня Нансен не отвечал. Мрачный ходил он по кабинету в своей башне, заваленному книгами путешественников по Азии. Художник Вереншельд, вызванный к соседу для совета, сказал:

— Я тебя знаю. Если ты откажешься, тебя потом замучат угрызения совести.

— Но пойми: соглашаясь, я должен снова отказаться от всего, что мне дорого.

— Я тебя знаю, ты согласишься! — упрямо твердил художник.

А восемь дней спустя Нансен уже встретился в Риге с заместителем народного комиссара по иностранным делам Литвиновым и вместе с ним поехал в Москву.

Ожидалось, что Нансен, как дальновидный политик, потребует от большевиков прежде всего согласия на уплату долгов, сделанных царским правительством, и лишь после этого будет разговаривать о помощи голодным. Но доктор Нансен поступил совсем по-другому.

Он сказал, что далеко не во всем сочувствует большевикам и настоящий коммунизм видел лишь… у эскимосов Гренландии, где нет ни зависти, ни борьбы за власть. Но Россию нельзя зачеркнуть, будущее Европы — только с Россией. У русского народа неограниченные силы, и раз большевики направляют их на восстановление страны, то было бы ошибкой этому мешать. И разве человеколюбие не обязывает помогать голодающим людям независимо от их политических убеждений? Он считает, что помощь должна быть оказана и несчастным в Поволжье, и тем, кто покинул Россию, спасаясь от большевиков, а теперь скитается по чужим странам.

Газеты накинулись на доктора Нансена: как, ставить знак равенства между пострадавшими от большевиков защитниками «истинной свободы» и какими-то темными мужиками, которые подняли руку на своих благодетелей, а теперь расплачиваются за это! Нет, доктор Нансен явно превысил свои полномочия, его надо отозвать с поста. И пусть доктор Нансен объяснит цивилизованному миру, почему из комиссара Международного Красного Креста он превратился в красного комиссара!

Корреспондент английской газеты «Дейли Кроникл» первым встретил вернувшегося из Москвы Нансена. Норвежец прежде всего снова подтвердил свое намерение всеми силами и средствами помогать голодающим в России, добиваться получения международного займа для этой цели.

Когда корреспондент попросил его высказаться о Советском правительстве и о «красной опасности» для Европы, то «Нансен выразил уверенность в том, что в настоящее время для России невозможно какое-либо другое правительство, кроме советского, что Ленин является выдающейся личностью и что в России не делается никаких приготовлений к войне».

Эти слова были напечатаны в газете жирным шрифтом и звучали как вызов.

Женева говорит: нет!

Сентябрь в Женеве солнечен и мягок. Озеро лежит застывшим синим стеклом в горной чаше, и чайки отражаются в нем.

Туристы — почти одни американцы — фотографировали Монблан, ослепительно и холодно поднятый в лазурное небо. Их крепкие башмаки стучали о плиты собора Святого Петра, о камни набережной, откуда маленький пароходик отправлялся в обычный рейс к Шильонскому замку.

На Монбланском мосту Нансена догнал его старый знакомый, политический обозреватель крупной английской газеты, человек влиятельный, с которым считались в Лиге.

— Русский вопрос непопулярен, — сказал он как бы между прочим и дружески взял Нансена под руку. — Мне кажется, что никто не намерен кормить большевиков. Требовать для них хлеба — значит ставить на карту свою репутацию.

Они пришли задолго до начала заседания Лиги наций. Обозреватель, извинившись, пошел к группе английских дипломатов.

Сытые, довольные люди подкатывали к подъезду в автомобилях и экипажах. Несколько фоторепортеров караулили их на мраморных ступеньках. Нансена не фотографировали. Он сел на скамейку под тенистым буком. В листве перекликались птицы.

Да, комиссия Лиги пока ему отказала. Безразличными словами о том, что Лига будет с интересом и доверием следить за усилиями доктора Нансена в организации частной благотворительности, прикрывалась насмешка. Но сегодня он расшевелит этих политиков и дипломатов. Он скажет всю правду. Ее услышат не только здесь — услышит весь мир. Посмотрим, что будет после того, как речь напечатают в газетах…

Нансен пошел к трибуне. Через открытые окна слышалось пение зябликов. Кто-то захлопал в ладоши, другой подхватил, и не очень дружные аплодисменты прошумели в зале.

Он стоял на трибуне, высокий, жилистый, загорелый, похожий на моряка, ждущего бури.

— От двадцати до тридцати миллионов людей находится под угрозой голода и смерти, — ровно, спокойно начал он и повторил: — От двадцати до тридцати миллионов! Если в продолжение двух месяцев они не получат помощи, их участь предрешена. Все, что нужно для спасения людей, находится от них только за несколько сот миль. Средства передвижения можно получить в продолжение месяца. Я достиг полного соглашения с

Россией. Никто в комиссии Лиги наций, которая рассматривала мой доклад, не мог выдвинуть против него никакого серьезного возражения.

Мы делаем все, что можем, средствами частной благотворительности, но даже в этой области встречаем серьезные противодействия. Против нас начата кампания лжи. Я укажу только на известия, появившиеся в газетах.

Писали, что первый поезд, посланный для голодных, был захвачен и разграблен Красной Армией. Это ложь! Но она обошла все газеты Европы. Обо мне рассказывали, что я послал экспедицию в Сибирь с оружием для большевиков. Я читал об этом в нескольких газетах. Писали, что экспедицией руководит мой друг — капитан Свердруп. Но капитан Свердрул повез в Сибирь только земледельческие орудия. Распространяется целая куча подобных историй. Не подлежит сомнению, что они распространяются каким-то центральным агентством. Я его не знаю. Но, очевидно, эти известия распространяет кто-то, кто заинтересован в том, чтобы ничего не было сделано для спасения голодных…

В зале задвигались, заскрипели кресла. Свернутые пополам странички белейшей бумаги поплыли через стол к председателю: кажется, доктор Нансен переходит границы, его намеки оскорбительны.

— Я знаю подоплеку этой кампании. Боятся, что если помощь, которую я предлагаю, будет оказана, то усилится Советское правительство. Я думаю, что это ошибка. Я думаю, что мы не усилим Советское правительство, доказав русскому народу, что в Европе есть сердца, есть люди, готовые помочь ему. Но допустим, что это усилило бы Советское правительство. Разве есть на этом собрании человек, который посмел бы сказать, что лучше гибель двадцати миллионов человек, чем помощь Советскому правительству? Я требую от этого собрания ответа.

— И вы его услышите!

Это крикнули с места. Шум в зале усилился. Председатель предостерегающе поднял руку. Не следует перебивать, пусть господин Нансен продолжает. Опять крики с места. У председателя — страдальческое лицо. Нельзя превращать заседание Лиги наций в митинг. Возгласы неуместны. Спокойствие, господа, спокойствие!

Нансен стоит, опершись руками о края трибуны. Тому, кто перебивает его, должно быть, не нравится, что он согласился иметь в своей комиссии советского представителя.

И Нансен открыто говорит, что он хочет помочь России без всякого вмешательства в ее политику и при содействии советских

властей. Он предостерегает против всяких проволочек — тогда помощь может прийти слишком поздно. Его голос крепнет, наливается силой. Нансен, обычно спокойный, выдержанный Нансен, стучит кулаком:

— Я не верю, чтобы народы Европы могли много месяцев сидеть со скрещенными руками и ждать голодной смерти миллионов русских людей. В этом году урожай к Канаде так хорош, что Канада можег вывезти в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что страна не может ее продать и употребляет как топливо для паровозов. В Америке стоят в гаванях корабли без дела, а там, на Востоке, гибнет тридцать миллионов людей!.. Надо смотреть фактам прямо в глаза. Говорят, что правительства не могут дать пяти миллионов фунтов стерлингов. Правительства не могут собрать этой суммы, которая равна только половине расходов, нужных для постройки одного военного корабля…

Я убежден, что народные массы Европы принудят правительства изменить свои решения! — почти кричит Нансен. — Я возьмусь за дело и подниму на ноги все страны Европы, чтобы устранить бедствие, неслыханное в истории! И я верю: что бы это собрание ни решило, — я найду средства помощи! Но ужас состоит в том, что приближается русская зима. Скоро замерзнут реки в России. Скоро снег будет затруднять перевозки. Должны ли мы допустить, чтобы замолкли навсегда голоса, которые зовут нас на помощь? Еще есть время спасти их!

Попробуйте представить себе, что пришла русская зима и что население без хлеба двинулось в путь по пустой, сожженной стране, ища его: мужчины, женщины и дети будут умирать тысячами в снегах России! Попробуйте себе представить, что это значит! Если вы когда-нибудь знали, что такое голод и холод, то вы поймете меня…

Лишь некоторые делегаты внимательно слушают. Многие раздражены: зевают, скептически улыбаются, чертят что-то в своих блокнотах. Господин Нансен, кажется, собрался агитировать Лигу наций. Это было бы просто забавно, если бы господин Нансен не был так популярен.

— Во имя человечности, во имя всего, что вам свято, я обращаюсь к вам, имеющим жен и детей, чтобы вы подумали, что означает гибель миллионов женщин и малюток! С этого места я обращаюсь к правительствам, народам, ко всему миру и зову на помощь! Спешите с помощью, пока не будет чересчур поздно!..

И столько гнева, боли было в его голосе, когда он произносил

эти слова, что даже самые яростные враги того дела, за которое он теперь боролся, не посмели сразу выступить против. Он сошел с трибуны. На галереях, где сидела допущенная на заседание публика, загремели аплодисменты. Это была почти овация. Но зал не подхватил ее.

Выступил представитель Южной Африки. Он поддержал Нансена. Но тут, бледный от ярости, поднялся делегат Сполайкович.

— Что касается меня, — голос его срывался, — то я предпочел бы быть свидетелем гибели всего русского народа, чем рисковать поддержкой большевистскому правительству!

Сполайковича не одобрили: зачем так резко и откровенно? Но некоторые делегаты, выступая вслед за ним, выражали недоумение по поводу того, что в речь уважаемого представителя королевства Норвегии проник дух большевистской пропаганды.

Нансен потерпел поражение. Лига наций отказалась поддержать его. Она решила ограничиться лишь ролью советчицы во всем, что касается помощи России. Голодным предлагали пустые слова вместо хлеба.

Скорбь бесконечная…

Паровоз протолкнул вагоны под деревянную пограничную арку с выцветшей кумачовой звездой на верхушке.

— Ура! Да здравствует Нансен!..

К вагону, толкая друг друга, бросились люди. Нансен хмурился, взволнованно поглаживая усы. И красноармейцы в остроконечных суконных шлемах, и железнодорожники, и мужики, стучавшие от холода лаптями по мерзлой земле, чего-то ждали от него.

— Я постараюсь, чтобы вашему Поволжью помогли! — сказал он, и переводчик прокричал его слова в толпу. — Помочь должны все западноевропейские державы. И я хочу добиться этого!

Загудел надтреснутый станционный колокол. Мальчишки бежали рядом с поездом. На других белорусских станциях за окнами вагона тоже темнели толпы, кричавшие «ура». Нансен выходил на площадку и махал широкой черной шляпой, подставляя голову ледяному ветру, гулявшему над осенней Россией.

В Москве Нансен задержался недолго. Он сказал Михаилу Ивановичу Калинину, что хотел бы проехать по голодным местам Поволжья. Калинин недавно вернулся оттуда и посоветовал Нансену:

— Если вы хотите увидеть всё — поезжайте в Саратовскую и Самарскую губернии.

Нансен отправился на Волгу вместе с доктором Феррером, человеком доброй души, долго жившим в Индии и видевшим там много страданий.

Паровоз с двумя прицепленными к нему вагонами бежал на восток. Кое-где на станциях разгружались эшелоны с зерном. Их охраняли голодные красноармейцы. Хлеб увозили в детские дома, смешивали с лебедой и кормили детей.

Саратов встретил гостей метелью. К вагону вышли со знаменами люди — нет, скорее тени людей. Какие бледные, бескровные лица…

Нансену дали старый автомобиль, кузов которого был прострелен пулями и неумело залатан. Закутавшись в тулупы, он и доктор Феррер поехали в степь. Мела поземка. Машина застревала в сугробах — дорога была едва наезжена.

Внезапно шофер затормозил. Впереди лежало что-то полузанесенное снегом. Нансен вышел — и снял шапку: то был труп женщины.

Деревня, иуда машина добралась в сумерки, казалась брошенной. На багровом фоне заката чернели оголенные стропила.

— Съели солому с крыш… — сказал шофер.

В первой избе чадила лучина. На лавке под одеялом из цветных лоскутков лежал старик. Пар дыхания еле курился над его головой. Женщина с черными, обмороженными щеками, растиравшая что-то в каменной ступке, безучастно взглянула на вошедших.

Нансен подошел ближе: в ступе была солома, дубовая кора и еще какая-то серая масса.

— Глина, — сказал переводчик. — И еще мука из старых лошадиных костей. Подмешивают к соломе и едят.

Во второй избе было холодно, как на уляце. На полу рядом лежали два трупа со скрещенными на груди костлявыми руками. В темноте на кровати кто-то стонал.

Доктор подошел туда с фонариком.

— Агония, — тихо сказал он. — Здесь уже ничем не поможешь.

Все последующие дни Нансеном вспоминались потом как тяжелый кошмар. В голове смешались названия незнакомых городов и деревень. Нансен заходил в детские дома, куда собирали сирот. Опухшие животы, отекшие ноги, бессильные, тонкие руки, изгрызенные с голоду. Он бывал в селах, где половина людей лежала в беспамятстве. Темные провалы окон смотрели на мертвые улицы. Трупы относили на кладбище, но у людей не было силы долбить мерзлую землю. Мертвые лежали в

снегу меж старых могил.

В одной из деревень мальчик лет десяти, как щенок, забрался под крыльцо опустевшего дома и безропотно ждал там своей участи. Нансен подошел к нему, хотел взять, унести в дом. Мальчик протянул было ручонки, попытался встать, но как-то странно повалился на бок — и затих навсегда.

Нансен входил в избы, где бредили тифозные. При нем вынули из петли женщину, которая, чтобы не видеть мук своего ребенка, бросила его в колодец, а потом удавилась сама на вожжах, перекинутых через ворота. Сердце разрывалось от боли, а в памяти вставали сытые физиономии, брезгливо оттопыренные губы, в ушах звучал злой, срывающийся голос: «Я предпочел бы быть свидетелем гибели всего русского народа…»

Из Самары Нансен снова поехал по деревням. В декабрьскую злую пору его автомобиль пробирался по занесенным дорогам Мелекесского уезда. Стояла лютая стужа. У деревенской околицы ждала толпа.

Нансена обступили. К нему протягивали руки. Он видел глаза, полные мольбы. Молодая женщина со счастливым безумным лицом качала на руках трупик ребенка и что-то быстро-быстро шептала. Другой мальчик, совсем крохотный, жался к шубе Нансена: «Дяденька, хлебца… хоть корочку, дяденька, милый».

Вдруг голодные увидели, что высокий нерусский человек, который должен был привезти им хлеб, заплакал. Он плакал, судорожно всхлипывая и вытирая лицо рукавом шубы. Потом заговорил на незнакомом языке, в отчаянии махнул рукой и почти побежал к автомобилю. Люди бросились за ним, хватали за шубу: «Хлеба! Хлеба!»

— Феррер!.. — Голос у Нансена прыгал. — Феррер, я больше не могу!.. Мы возвращаемся в Москву. Я должен рассказать… Я расскажу об этом всему миру.

Гражданин Нансен

23 декабря 1921 года.

На сцене Большого театра — обтянутая кумачом кафедра. В опустевших фойе плавают клубы махорочного дыма. Сверкающая позолота зала плохо вяжется с гимнастерками, косоворотками, матросскими бушлатами, тулупами, валенками.

Открывается IX Всероссийский съезд Советов. Дипломатическая ложа полна. Среди гостей — представители зарубежных организаций, помогающих бороться с голодом в Поволжье.

Слово предоставляется Ленину, встреченному бурной овацией и приветственными возгласами.

Он говорит о международном и внутреннем положении страны, на которую впервые после революции в течение года не было нп одного крупного нашествия и которая смогла хоть сколько-нибудь приложить силы к восстановлению хозяйства и лечению ран. Ленин рассказывает о первых успехах новой экономической политики, о том, что они были бы значительнее, если бы не голод.

— Прекрасно вам известно, товарищи, какой неслыханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году…

Ленин упоминает о том, что помощь, полученная голодающими из-за границы, скудна, что европейская буржуазия корыстно отнеслась к мукам голодных, но что последние дни принесли очень порядочный успех: фонд помощи вырастает на двадцать миллионов долларов.

В голодных губерниях удалось засеять три четверти озимого клина, в остальных местностях посевные площади озимых расширились, и есть надежда весной добиться еще большего успеха.

Ленин заканчивает доклад пророческими словами о новом обществе, основанном на союзе рабочих и крестьян, который будет настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут.

Одно из заседаний съезда целиком посвящается борьбе с голодом. Среди выступающих — участник штурма Зимнего, видный советский работник Антонов-Овсеенко. Он рассказывает о том, как Нансен в каждой деревне обходил крестьянские избы и как даже этот, привыкший ко всему исследователь полярных стран, был до слез потрясен глубиной народного страдания.

С заключительным словом выступает Михаил Иванович Калинин. Он упоминает о тех, кто помогает голодным.

— Я, товарищи, считаю нравственным долгом и обязанностью выделить одну фигуру, одного бойца, который выделился персонально в Российской Советской Республике. Этим бойцом является норвежский гражданин Нансен.

Долгие аплодисменты прерывают речь «всероссийского старосты».

— Я думаю, — продолжает Калинин, — что выражу пожелание всего съезда, если съезд Советов разрешит президиуму письменным образом засвидетельствовать признательность гражданину Нансену за ту бескорыстную работу, которую выполнил гражданин Нансен в пользу наших голодающих.

Снова бурные аплодисменты, крики «Просим! Просим!»

— Русский народ эту помощь не забудет никогда, даже и в лучшую минуту своей жизни. Кто за предложение о том, чтобы выразить благодарность гражданину Фритьофу Нансену, одному из крупнейших борцов за наших голодающих, прошу поднять руку!

«Предложение при шумных аплодисментах всего съезда принимается единогласно» — так написано в газетном отчете об этом заседании.

Чугунные сердца

Нансен, Нансен, Нансен!..

Это имя снова не сходит со страниц газет, как в те далекие годы, когда «Фрам» вернулся к родным берегам. Но теперь его нередко называют с раздражением, с насмешкой, с угрозой.

Нансен неутомим. Его видят во всех европейских столицах. Он стучит в чугунные сердца.

Сообщение из Стокгольма: «Профессор Нансен телеграфирует, что голод в России не поддается никакому описанию. Нужна помощь правительств и народов».

Из Лондона: «Последнее послание Нансена о голоде произвело большое впечатление. Ряд газет отмечает, что люди в Поволжье мрут как мухи, в то время когда хлеб гниет на американских элеваторах, а пароходы ржавеют в портах».

Из Женевы: «Сюда прибыл Нансен. В своем докладе он утверждал, что в России голодает 33 миллиона человек. Каждая тонна зерна может спасти 12 человек от смерти. Три доллара обеспечивают человеку пропитание».

Из Лондона: «Нансен обратился с телеграммой к английскому правительству, а затем приехал сам и выступает с докладами о русском голоде».

Из Парижа: «Сюда прибыл Нансен. „Не опоздайте с помощью! — говорит он. — Европа должна помочь Поволжью уже хотя бы потому, что Россия — житница Европы“. Пять тысяч человек, собравшиеся слушать выступление Нансена, устроили ему продолжительную овацию».

Из Рима: «Фритьоф Нансен встретился здесь с Бомбаччи, председателем коммунистического комитета помощи России».

Из Москвы: «Газета „Правда“ напечатала передовую „Нансен и Лига наций“, где утверждает, что даже такие люди, как Нансен, то есть просто гуманные люди, не имеющие ничего общего с коммунизмом, начинают с презрением смотреть на ту людоедскую политику, которую проводят заправилы Антанты».

Из Осло: «Нансен сделал в самом большом зале Осло доклад о русском голоде. Присутствовало 3000 человек. Нансен защищал Советское правительство, которое нисколько не повинно в катастрофе и прилагает героические усилия для помощи голодающим».

Из Лондона: «Нансен требует от английского правительства помощи голодающим на Волге. Нансен заявил корреспондентам: если Англия не желает подать примера, он покинет ее с отчаянием в сердце».

Из Нью-Йорка: «Видный американский журналист Х. Э. Труэсделль в связи с призывами Нансена утверждает, что помощь Поволжью со стороны американцев — это не благотворительность, а стремление загладить прошлое. „Мы должны со стыдом помнить, — пишет Труэсделль, — что американское правительство тратило миллионы долларов для поддержания контрреволюционных пиратов в их войне с русским народом“».

Из Лондона: «Британский кабинет признал невозможным ассигновать какую-либо сумму денег голодающим в России. Ряд газет резко критикует правительство, утверждая, что отказ в помощи Поволжью ставит Англию вне цивилизации».

Из Женевы: «Совет Лиги наций отверг представленный Нансеном меморандум норвежского правительства о помощи голодающим в России».

Из Москвы: «Советская газета „Известия“» пишет сегодня: «Слово таких кристально чистых людей, как доктор Нансен, всколыхнуло Старый и Новый свет. Это произошло не сразу. Доктор Нансен был на Волге, он воочию убедился во всей трагичности нашего стихийного бедствия. И когда он свои неизгладимые впечатления привез в Европу, дело резко изменилось. Его голос, вернее, голос Поволжья, был услышан. Но кем? Опять-таки не правительствами. Отозвались прежде всего рабочие организации Запада».

Из Москвы: «Советское правительство предоставило в распоряжение Нансена полмиллиона долларов для закупки продовольствия».

* * *

На крышах Стокгольма лежал серый, источенный солнцем снег, ветер доносил запахи моря.

Нансен пошел в церковь пешком. День был хмурый и теплый. В скверах кричала детвора. Розовощекий малыш бросил мяч так неловко, что он покатился под ноги прохожим. Нансен поднял мяч и протянул его раскрасневшемуся мальчугану. Какой крепыш! И тотчас выплыло восковое личико ребенка, безропотно ждавшего смерти под крыльцом опустевшего дома.

На мосту Норрбро Нансена окликнули. Харальда Бремера Нансен знал по дипломатической работе. Харальд, как всегда, безукоризненно одет и весьма приветлив. Сегодня он даже приветливее обычного: хочет показать, что не придает значения тому, что говорят о его знакомом.

— Ты похудел, старина! — Голос Харальда полон участия. — Ты много ездишь… Ты ведь бываешь «у них»! Не очень-то это осторожно с твоей стороны…

— Как здоровье твоей жены? — перебивает Нансен.

— Благодарю, благодарю. Тебе бы следовало навестить нас. Ты знаешь, мы всегда рады. Мне безразлично, что о тебе пишут. Но это правда, что Московский Совет избрал тебя почетным членом?.. Вот как! И ты не отказался? Послушай, ты же всегда был трезвым, реальным политиком. Пусть большевики выкарабкиваются сами. Твои статьи…

— Ну, я пошел, Харальд. Извини меня — тороплюсь. Я был рад тебя видеть. Кланяйся жене.

Харальд посмотрел ему вслед: ссутулился, постарел.

Нансен шагал по узеньким улицам Стадена, этого уголка старого Стокгольма, где лавчонки любителей древностей притулились подле глухих стен домов, украшенных гербами средневековья. Странно, что обычно пустынные улочки сегодня так оживленны.

Он вышел на небольшую площадь возле церкви. Боже, какая толпа! Моряки, докеры, люди в комбинезонах. Очень много женщин. Двое полицейских в черных мундирах, с короткими саблями у пояса сдерживают людей у входа в церковь. Неясный гул стоит над площадью.

Нансен медленно пробирается сквозь толпу. Полицейский узнает его, предупредительно расчищает дорогу.

В церкви полны все скамьи, забиты проходы. Джонсон, его помощник, нервно перебирает фотографии. Гул с площади, где шумит толпа, сначала мешает Нансену говорить.

— В одной из самарских больниц сестра милосердия, сидевшая у постели тифозного, неожиданно обратилась ко мне по-шведски. Ее имя Карин Линдског. Она добровольно поехала к голодающим России. Вот телеграмма из Москвы. — Нансен достает голубой бланк. — Неделю назад она умерла в Самаре от сыпного тифа. И вот еще телеграмма. Доктор Феррер, с которым я ездил по Волге, только что скончался в московском госпитале. Он заразился сыпным тифом в голодных деревнях. Когда я прощался с ним, его рука была суха и горяча. «Расскажите всем, что делает тут голод!» — сказал он мне. Это был настоящий человек, герой долга. Вечная ему память, вечная память Карин Линдског, женщине с большим сердцем.

Торопливо встали те, кто сидел на скамьях. Минута молчания — и снова голос Нансена, разносящийся под гулкими сводами. Ровный голос, страшный рассказ. Снимки, которые Джонсон поднимает над головой, — правда о Поволжье.

Тишина такая, что, когда кто-то роняет на плиты ключ, все вздрагивают. Вдруг зарыдала молодая женщина. Ее уводят.

А Нансен говорит и говорит. Правда о Поволжье, страшная правда…

…Нансен сел на ночной поезд, идущий в Кристианию. Почти все свои деньги он отдал для помощи голодающим и ездил теперь в неудобных вагонах с жесткими, тесными сиденьями.

По перрону носились мальчишки, размахивая пачками вечерних выпусков газет.

— Покупайте «Дагбладет»! Протест против выступления Нансена в церкви! Масса интересных новостей! Покупайте «Дагбладет»!..

Нансен не стал покупать газету.

Дома накопилась груда писем. Он вскрывал конверты ножом из моржового клыка, подаренного ему когда-то в Хабарове. Письмо «группы русских патриотов» с обычной бранью и угрозами. Среди подписей странно знакомая фамилия: Лорис-Меликов. Неужели тот, с которым он путешествовал по Енисею?

Бланк перевода: рабочий из Монтевидео шлет свои сбережения. Перевод от рыбаков с Лофотен.

«Дорогой мальчик», — прочел он еще на одном бланке. Ошибка? Нет, нет… «Дорогой мальчик, помнишь ли ты пастора Вильгельма Холдта, у которого жил в Бергене… Я теперь совсем стар, одинок, бог взял мою Марию… Посылаю тебе 371 крону — это все, что у меня есть… Купи им хлеба, я читаю о тебе в газетах, молюсь за тебя…»

В других конвертах были отчеты нансеновскои организации из России, протоколы Лиги наций, журналы научных обществ.

Он давно не писал писем. Прежде всего надо ответить Калинину.

Нансен взял в руки кожаную папку с тисненым гербом Советской России. В ней — грамота съезда Советов, где выражается глубочайшая признательность гражданину Фритьофу Нансену от имени миллионов трудящихся. «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина…»

Русский народ… Доверчивый и радушный, стойкий, обладающий каким-то удивительным душевным здоровьем, позволяющим ему не падать духом в самые тяжелые времена, верить в лучшее будущее. И разве он заслуживал лишь такую помощь, какую ему оказали?

«Я счастлив, — написал Нансен, — что благодаря многим благородным людям Западной Европы удалось хоть немного помочь бедствующим миллионам жителей Волги». Он

поблагодарил Калинина за прочувствованные слова и выразил надежду, что действительная большая помощь — еще впереди.

Нансен беспокойно спал ночь, прислушиваясь к гулу сосен. Свист ветра напоминал ему о буранах Поволжья, о дорогах, переметенных снегом.

Через всю первую страницу утренней газеты протянулся хлесткий заголовок: «Нансен показывал в стокгольмской церкви снимки голодающих в Сирии и Ливане, выдав их за фотографии голодающих русских».

Опять ложь. Они хотят, чтобы он отступил. Но он не отступит.

«Я верю в великую будущность России»

В январе 1923 года Нансен снова был на пути в Москву.

Россия поборола голод. Ей помогли рабочие многих стран, создавшие Международный комитет рабочей помощи. Помогла организация, созданная Нансеном. Часть продовольствия послала Америка. Но главное сделали сами большевики. Ленин провозгласил новую экономическую политику. Крестьяне увеличили посевы. Им разрешили торговать хлебом, продразверстка была отменена, ее заменил налог.

Нансен ехал в Россию, чтобы своими глазами увидеть перемены. Утверждения, будто именно из России должен хлынуть свет, всегда казались ему пропагандой. Но разве Европа, которая последние годы управлялась самым нелепейшим образом, вселяет розовые надежды? В России, по крайней мере, хотят мира. А в Европе — вспышки военных страстей. Греки перестреливаются с турками. Французские оккупационные войска маршируют по Рурской области. Литовские повстанцы захватили Мемель. Англичане отправляют новые транспорты с войсками в Индию. И все это сейчас, когда еще свежа память об ужасной бойне…

Поезд пришел в Москву утром. От Рижского вокзала Нансен ехал но Мещанской улице. Возле Сухаревой башни шумел рынок, мелькали платки, кепки, глянцевито чернели кожанки. В магазинных витринах лоснились окорока, белели калачи, громоздились синие пирамиды сахарных голов.

На заборах уже не было серых листков декретов и плакатов «Чем ты помог голодающим?». Рекламные тумбы пестрели афишами. Нансен попросил, чтобы ему перевели надпись на особенно яркой. Это была реклама кино: «„Доктор Мабузо“, мировой боевик. Ввиду грандиозности картины только два сеанса. Колоссальный успех».

Нансен поморщился.

Вечером он пошел в Большой театр. В «Дон-Кихоте» танцевала известная русская балерина Гельцер.

Театр был полон. Красноармейцы, рабочие, коротко остриженные девушки, молодые люди в косоворотках — и тут же хорошо одетые господа, дамы, кутающиеся в белые песцовые меха. Гостю объяснили, что это нэпманы, торговцы и промышленники, которым государство разрешило открыть частные магазины и мастерские.

Нансен прошел в ложу и развернул программу. Вдруг раздались аплодисменты. Он оглянулся, ища, кому аплодируют: наверное, в театре появился какой-нибудь видный большевик.

Нет, все смотрят сюда, на него. Оркестр заиграл туш. Нансен встал, смущенно теребя красный бархат обивки.

Последующие дни он много ходил но Москве, встречался с советскими деятелями. На столе в номере его гостиницы росла горка статистических таблиц, отпечатанных на машинке лиловых копий докладов. В кладовых Государственного банка ему показали золотой запас большевиков. От него, как от друга страны и народа, ничего не скрывали.

Не скрывали от него и тревоги, вызванной тяжелой болезнью Ленина. В этом году Ленин ни разу не переступил порог рабочего кабинета. Народ не слышал голоса своего вождя с прошлой осени, а ведь Ленин до болезни выступал иногда перед рабочими и крестьянами по нескольку раз в день. Тяжелые приступы болезни были в середине и в конце декабря.

Нансен встречался с соратниками Ленина. Он поехал к Дзержинскому, который, как и другие видные большевики, после введения новой экономической политики получил дополнительную хозяйственную работу, возглавив Народный комиссариат путей сообщения.

Нансен знал, что именно Дзержинский был правительственным уполномоченным по вывозу хлеба из Сибири для голодающих Поволжья.

С какой ненавистью произносилось имя председателя Чрезвычайной Комиссии на Западе, каким «кровожадным зверем» рисовался он воображению врагов Советов!

Навстречу Нансену вышел из-за длинного пустого стола

очень худой и очень утомленный человек в гимнастерке. Нансена поразили его глаза — острые, проницательные и вместе с тем детски чистые. По-видимому, Дзержинский был болен — на обтянутых скулах горел нездоровый румянец.

— Человеку, который ездил по России в 1918 и 1921 годах, — начал Нанеси, — приходится удивляться: вы многого добились.

Дзержинский внимательно слушал. То и дело на столике в углу звонили телефоны, и он, извинившись с какой-то удивительно мягкой улыбкой, тянулся к трубке.

Потом снова обращал к собеседнику худое, нервное лицо, собирая в горсть бородку.

— Теперь, проехав по стране, я сам убедился, что положение русского транспорта далеко не катастрофично. Но вы, вероятно, знаете, что пишут по этому поводу европейские газеты?

Дзержинский заметил, что за рубежом редко пишут правду о Советской России. Сейчас Советская страна — это переживший кризис больной, здоровье которого еще только восстанавливается.

Нансен спрашивал о доходах дорог, о том, сколько стоят перевозки грузов. Дзержинский без напряжения приводил цифры на память.

— Не следует ли вам привлечь для восстановления транспорта иностранный капитал? — между прочим, спросил Нансен.

Он слышал, что многие деловые люди хотели бы получить концессии в Советской России. Старый знакомый Ионас Лид создал, например, в Нью-Йорке «синдикат коммерсантов и промышленников», чтобы опять затеять выгодную торговлю на севере Сибири; но большевики пока что отказались от его услуг и денег.

Дзержинский считал, что советские органы сами справятся и с финансированием железных дорог. Нансена удивляла логика и здравый практический ум собеседника. Когда же и где успел научиться хозяйствовать этот сын учителя, который одиннадцать лет провел на каторге, в тюрьме и ссылке, а после революции без устали боролся с ее врагами?

И ведь этот «железный Феликс» еще находит время для того, чтобы возиться с беспризорными детьми!

Нансен побывал и у Михаила Ивановича Калинина. Они сидели за столом возле стаканов остывшего чая.

Человек, стоявший во главе государства, неторопливо говорил ему о нуждах деревни, о том, что теперь нужна помощь скотом и машинами. Калинин сказал, что в голодные губернии Советское правительство отправило шестьсот тысяч тонн зерна,

чтобы там смогли продержаться до урожая.

Потом Калинин заговорил об инвалидах войны, о их заслугах и страданиях. Нужно сделать все, чтобы помешать развязыванию новой войны!

И у Калинина, и у Дзержинского, и у других людей, с которыми Нансен встречался в Москве, чувствовалась непоколебимая вера в лучшее будущее. Русские явно и страстно хотели мира, чтобы без помех заниматься своими делами.

Как-то поздним вечером к Нансену неожиданно пришел статный человек в пенсне. Он хорошо говорил по-английски; вполголоса, не очень внятно назвал свою фамилию и добавил, что прежде служил в царской армии.

— Я считаю своим нравственным долгом раскрыть вам глаза, господин Нансен. Я хорошо знаю современную русскую жизнь. От вас многое скрывают.

И гость стал рассказывать о массовых расстрелах в подвалах Чека, об ограблении храмов бандами комиссаров и о том, что цвет русской интеллигенции сгоняют на очистку улиц и площадей.

О комиссарах Нансен слышал вещи и занятнее. Но очистка улиц — это что-то новое. Он переспросил.

— Каждую субботу, — с готовностью пояснил гость, — дам высшего света, аристократок, сгоняют для уборки вокзалов и общественных зданий. Они превращены в белых рабынь, они…

Гость замолчал, заметив, что Нансен сдерживает улыбку. А тот вспомнил о чеке на двадцать пять фунтов стерлингов, который прислал ему из Лондона Востротин, спутник в плавании по Енисею. Бывший член Государственной думы поступил на службу к Колчаку, стал едва ли не министром, потом бежал от большевиков настолько поспешно, что в дороге потерял супругу, даму рыхлую и медлительную. Востротин просил Нансена «ради старой дружбы вызволить невинную жертву» и к письму приложил чек — видимо, на подкуп комиссаров. Нансен представил себе «невинную жертву» с метлой в руках.

— Извините меня, но я не разделяю вашего возмущения. Вы, насколько мне удалось понять, находите справедливым, чтобы одни жили не работая, паразитами, между тем как другие принуждены трудиться непосильно. Разумеется, бывшей владелице замка тяжело мыть полы в учреждении, но жалеть ей об этом не стоит. Это лучше, чем продавать себя. Если возраст и здоровье позволяют дамам из общества трудиться и их заставляют это делать, право, тут нет трагедии. И… я очень устал сегодня.

Гость, блеснув пенсне, молча поклонился и вышел.

Нансену не спалось.

Уже одно то, что большевики подняли значение труда в стране, где высшие классы всегда воспитывались в презрении к нему, означало многое. В их Советах — рабочие, крестьяне. Они опираются на миллионы таких же рабочих и крестьян. То, что они затеяли, ново, интересно. В русских условиях все это правильно. Но можно ли представить себе такую же революцию в Норвегии? Разве не вернее было бы добиваться лучших жизненных условий для всех классов? Правда, пока никто не знает, как можно это сделать.

Сон не приходил. Разболелась голова. Нансен, одевшись, вышел на улицу. Резкий, порывистый ветер, бушевавший все эти дни, раскачивал тусклые лампочки. Пронзительно повизгивала железная вывеска с непонятным словом «Церабкооп». В окнах учреждений кое-где еще горел свет. Беспризорный парнишка, курносый, оборванный, вынырнул откуда-то из подъезда, взглянул на Нансена, присвистнул, сказал нахально:

— Эй, дядя, даешь папироску!

Нансен не понял. Он дышал глубоко и жадно. Бодрящая погодка! Шумит над Россией крепкий ветер, выметая старый сор из закоулков, но как сумеют новые хозяева обжиться в огромном, полуразрушенном, продутом сквозняком доме?

Через несколько дней, на прощальном вечере, Нансен сказал:

— С самым теплым чувством я буду вспоминать о тех днях, которые провел в России. Я никогда не забуду Россию и ее народ. Я рад работать с русским народом. Я верю в великую будущность России.

Нансену за помощь в возвращении военнопленных на родину была присуждена международная Нобелевская премия мира.

Эти деньги он истратил главным образом на покупку тракторов и других машин для двух советских опытно-показательных станций, которые должны были обучать крестьян научным приемам земледелия. Почти одновременно Нансен получил крупную сумму за издание своих сочинении и распределил ее между томи же станциями, а часть отдал для помощи греческим беженцам и русским эмигрантам, голодавшим в Турции.

После возвращения из Москвы он написал книгу «Россия и мир». Она была тотчас раскуплена читателями и тотчас же разругана в пух и в прах буржуазными газетами.

Еще бы! Нансен, например, писал в ней, что, вдумываясь в положение России, понял: маятник естественно качнулся от реакционных сил, поддерживавших царизм, далеко влево, до

коммунизма и диктатуры пролетариата. Почему, спрашивал он, так ополчились на Октябрьскую революцию в России? Ведь она привела главным образом к положительным результатам, уничтожив многое из тяжелого прошлого этой страны.

> «Можно спорить относительно развития Западной Европы и относительно дальнейшего прогресса западноевропейской культуры, — писал он, — но не может быть никаких сомнений в том, что русскому народу предстоит великое будущее…
>
> В жизни Европы ему предстоит выполнить высокую задачу.
>
> Я считаю вероятным, что в не слишком далеком будущем Россия принесет Европе не только материальную помощь, но и духовное обновление».

Так честно, смело, открыто говорил человек, много видевший и много передумавший, человек, стоявший у порога нового мира, но не отваживавшийся на решительный шаг.

Голубой океан

Нансену за шестьдесят.

Его дети выросли, у них свои дороги.

Лив нашла счастье с инженером Андреасом Хёйером. Молодые построили себе дом возле «Пульхегды», и вскоре по светлым комнатам уже бегала крохотная золотоволосая Ева. Коре после окончания сельскохозяйственной школы поступил работать в Советско-норвежское общество и месяцами пропадал то на севере Норвегии, то в русской тундре. Одд стал архитектором. Ирмелин мечтала об Академии художеств.

В редкие дни домоседства Нансен возился с внучкой, рисовал, с наслаждением слушал музыку. Русский пианист и дирижер Добровейн, поселившийся в Норвегии, однажды приехал в «Пульхегду»: он давно мечтал увидеть героя своего детства. Нансен подружился с талантливым музыкантом, они часами говорили о России и русской музыке. Добровейн рассказал, как однажды осенью 1920 года, зайдя домой к Горькому, неожиданно застал там Ленина. Ленин попросил исполнить «Аппассионату» Бетховена. Поблагодарив пианиста, он сказал затем, что ничего не знает лучше «Аппассионаты» и готов слушать ее каждый день.

Нансена интересовало все русское. Он перечитывал «русских титанов», советовал Лив:

— Читай Достоевского, но читай серьезно. Размышляй, делай себе пометки. Его нельзя читать поверхностно, он бесконечно глубок.

Тетя Малли как-то сказала Лив, что ее отец, наверное, вылеплен из той же глины, что и древние викинги. Много ли теперь мужчин, которые могли бы на седьмом десятке шагать через три ступеньки, догоняя лифт? А ежедневная холодная ванна по утрам после гимнастики? Бр-р, подумать страшно, а он плещется как ни в чем не бывало. Люди в его возрасте гуляют с палкой — Фритьоф же перед обедом бегает по саду. О лыжах и говорить нечего…

Нет, Фритьоф Нансен еще не устал от жизни! Он полон сил, жажды деятельности. Хотя корабль Лиги наций все глубже засасывает пучина пустословия, Нансен все еще не решается покинуть его борт: ведь даже с худого корабля можно иногда протянуть руку помощи тем, кто в ней нуждается.

Нансена волнует теперь судьба армян, живших в Турции. Турки затеяли ужасающую резню, истребив в некоторых городах все армянское население и разграбив его имущество. Те, кому удалось избежать расправы, рассеялись по всему миру, потеряв

кров и родину. Им сочувствуют на словах, но никто не помогает. Их единственная надежда — Советская Армения. Нансен просит Лигу помочь армянским беженцам. Но Лига не хочет даже говорить об этом, прежде чем Нансен сам не съездит на Кавказ и не посмотрит, как живут советские армяне.

В 1925 году Нансен опять в Советском Союзе. Его видят на открытии оросительного канала в сухой Сардарабадской степи, он любуется дорогой через Дарьяльское ущелье, приезжает на воскресник жителей Махачкалы, аплодирует певцам в рабочих клубах Еревана. Объехав почти весь Кавказ, Нансен затем плывет по Волге до Саратова, узнавая и не узнавая те места, в которых ему довелось быть в голодный год.

Вернувшись в Женеву, он говорит на заседании Лиги:

— Единственное место, где в настоящее время можно устроить несчастных армянских беженцев, — это Советская Армения. Здесь несколько лет назад царили разруха, нищета и голод. Теперь я видел, что заботами Советского правительства в Армении установлены мир и порядок.

В зале шумят, переговариваются. Он видит перед собой безучастные лица и кричит:

— Я умоляю припомнить армянскую трагедию!.. Я заклинаю вас, чтобы ожидания несчастных снова не оказались обманутыми!

Его горестные, страстные слова падают в пустоту. Лига наций не желает, чтобы беженцы переселялись в Советскую Армению.

На следующем заседании Лиги он выступает снова, взывая о помощи людям, ищущим родину. Тщетно!

Нансен не сдается. Он опять и опять требует слова. И однажды ему прямо советуют «больше не беспокоить Лигу армянским вопросом». Не дав Нансену высказаться еще раз, делегаты почти демонстративно принимаются обсуждать вопрос о постройке нового зала заседаний.

* * *

Однажды весенним майским днем в гавани Осло причалил маленький пароход. Школьники-подростки, сопровождаемые учителем, внесли на берег большой ящик. Они спросили, как проехать в «Пульхегду».

Когда Нансен спустился вниз из своей башни, он увидел на полу, на шкуре белого медведя, рельефную карту Арктики. Красными линиями были обозначены маршруты его путешествий. С одной стороны карты стояла мастерски сделанная модель «Фрама», с другой — модель санок, которые он тащил когда-то

через ледяной купол Гренландии. Ребята, смастерившие все это, довольные и смущенные, толпились вокруг. Английские школьники с острова Уайт долго копили денег, чтобы приехать в Норвегию и вручить подарок…

Нансен был растроган, благодарил, показывал гостям разные интересные вещи, снимки, рисунки. Когда школьники уехали, ему показалось, что он не сказал им самое нужное, важное. И вдогонку пошло письмо.

«Вы молоды, друзья мои, — писал Нансен. — Перед вами вся жизнь, со всеми ее замечательными возможностями и приключениями. Я уверен, что кое-кто из вас станет в свое время великим путешественником-открывателем в той или иной области. Мы все в жизни открыватели, по какому бы пути ни шли.

Однако независимо от того, будете ли вы естествоиспытателями или нет, хочу дать вам совет: не отступайтесь от начатого вами в жизни дела до тех пор, пока оно не будет сделано, и сделано хорошо, — что бы это ни было! Отдавайте делу все свое сердце, всю душу. Не делайте ничего наполовину, но доводите до конца в меру сил своих. И не успокаивайтесь, пока не почувствуете, что лучше сделать уже не можете. Просто удивительно, сколь многому можно научиться, выполняя то или иное дело хорошо! Я убежден, что здесь кроется важный секрет настоящего преуспеяния в жизни, и только так вы испытаете удовлетворение, которое рождается из сознания, что ты действуешь как надлежит настоящему человеку. Потому что все мы явились на свет, чтобы выполнить свою часть работы, и выполнить ее хорошо!.. А ведь именно вам предстоит созидать будущее, сделать мир лучше, чем он есть сегодня!»

Может быть, несколькими годами раньше подарок школьников вызвал бы у Нансена смутное чувство недовольства собой. Но теперь он был так кстати! Ведь Нансена снова властно звало дело его молодости.

Он снова был у порога Арктики.

Пришло время, когда человек стал все увереннее прокладывать в страну льдов новые пути.

Одним из первых пошел в арктическое холодное небо Руал Амундсен. Он сдал экзамен на летчика еще тогда, когда «летающие этажерки» робко отрывались от земли. В первый его полет на север сломалась машина. Второй, на двух гидропланах, едва не кончился трагически, но Амундсену удалось все же достигнуть 88° северной широты. Вернувшись, герой сменил самолет на дирижабль. 12 мая 1926 года дирижабль «Норвегия» пролетел над Северным полюсом.

Нансен, избранный бессменным почетным председателем

международного общества «Аэроарктик», куда вошли ученые Советской России, Германии, Норвегии и других стран, разработал план дальнейшего воздушного наступления в Арктике. Не только полет над дрейфующими льдами, но и высадка на них с дирижабля. Не только Северный полюс, но и «полюс относительной недоступности». Не только рекорд дальности полета, но и обширная программа научных исследований.

С каким юношеским увлечением он взялся за дело! Сам придумывал и чертил конструкцию теплой палатки для ученых. Сам отбирал и проверял приборы. Сам лазил во все отсеки строившегося в Германии дирижабля «Граф Цеппелин».

Постройка воздушного корабля обходилась дороже, чем думали, и Нансен отправился за океан, чтобы чтением лекций о будущей экспедиции заработать недостающие деньги.

Летом 1928 года мир взволновала новая трагедия на Севере: катастрофа с дирижаблем итальянца Умберто Нобиле, при которой часть экипажа погибла, часть оказалась на льдинах.

Руал Амундсен, который незадолго до этого объявил, что его жизнь путешественника закончилась, и поселился на покое в тихом доме у фиорда, снова надел прорезиненную куртку. Самолет «Латам» оторвался от поверхности бухты Тромсё и унес Амундсена на Север — туда, где разбилась «Италия».

По странному совпадению это произошло как раз в тот день и час, когда Нансен открыл в украшенном цветами конференц-зале Академии наук СССР в Ленинграде заседание «Аэроарктика».

Нансен говорил о наступлении новой эры в арктических исследованиях, о том переходе от редких, случайных экспедиций к планомерному научному изучению, которое начал Советский Союз. Он сказал, что неудача «Италии» не должна ни на минуту останавливать исследователей.

По его мнению, наиболее существенную помощь итальянцам мог оказать советский ледокол «Красин». От имени собравшихся Нансен пожелал самых больших удач Амундсену.

Утром следующего дня газеты сообщили, что со Шпицбергена почему-то нет сведений о «Латаме». Может быть, Амундсен направился прямо на поиски ледового лагеря Нобиле?

Нансен долго сидел над газетой. Не похоже это на Амундсена — полететь дальше, не пополнив баки горючим!

Не было никаких известий о самолете и в следующие дни. В перерывах конференции люди говорили только об Амундсене.

— У старого полярного волка в запасе сто тысяч хитростей! Он, конечно, преодолеет все затруднения… — твердил моложавый немецкий штурман. — Как вы полагаете, господин

Нансен?

— У «старого полярного волка» в запасе слишком мало продовольствия! — хмуро отрезал Нансен.

…Уже под осень, после того как ледокол «Красин» пробился к лагерю итальянцев и снял их со льдины, рыбаки нашли в море поплавок «Латама», а потом и запасный бак самолета.

Черный траурный креп обвил портреты Руала Амундсена…

Вылет воздушной экспедиции «Аэроарктик» во главе с Нансеном был назначен на лето 1930 года.

Зимой Нансену нездоровилось. В середине дня тянуло прилечь на диван возле рабочего стола. Врач намекнул, что приходит время расплаты за жизнь без отдыха, за жизнь, отданную труду:

— Устало сердце. В общем, надо беречься, побольше лежать в постели. Никаких волнений, легкое чтение.

— Я согласен лежать и читать Джером Джерома. Но сначала мне надо ненадолго слетать к полюсу, — пошутил Нансен.

Однако сильные боли заставили его лечь в постель. Бледный, непривычно слабый, он нервничал, жаловался, что не вправе терять без дела ни одного дня. Его навещали старые друзья — Вереншельд, Отто Свердруп, Хелланд-Хансен.

К весне больному стало лучше. В широкой постели прямо на смятом одеяле валялись книги, свитки морских карт: Нансен, готовясь к полету, пытался предугадать, какими будут в этом году льды у полюса.

В конце марта потеплело. Нансен открывал окно, прислушивался к журчанию ручьев, вдыхал запах талого снега. Потом садился к письменному столу, звал секретаря, совещался с товарищами по будущей экспедиции, писал письма.

Пришел май — прозрачный, яркий, солнечный. Певчие дрозды будили Нансена на рассвете. Ему уже разрешили ходить по саду. Он подолгу смотрел в синее небо. Теперь уже скоро…

Утром 13 мая 1930 года Нансен вышел на залитую солнцем веранду.

Белки, завидев его, попрыгали с сосен на перила за привычной порцией кедровых орехов.

Он сел в плетеное кресло, с наслаждением, глубоко вдыхая воздух весеннего сада и щурясь от солнца. Внезапно голова его опустилась на грудь. Орехи из разжавшейся горсти рассыпались по полу.

Кари, жена Одда, вышедшая в эту минуту на веранду, бросилась к нему. Испуганные белки запрыгали через перила.

Он открыл глаза и силился что-то сказать. Кари показалось, что он хочет произнести имя той, которая ушла из жизни раньше его.

Москва — Норвегия. 1955–1957, 1965–1966.

notes

Примечания

1

Так раньше назывался город Осло — нынешняя столица Норвегии.

2

Почти сорок лет спустя советская экспедиция обнаружила, что острова Евы и Лив представляют собой один остров с двумя горами. Он называется теперь Евалив.

3

В этом бассейне советскими учеными открыт мощный подводный хребет, названный именем Ломоносова, ряд более мелких хребтов, а также ряд впадин.

Впоследствии он был обнаружен и назван порогом Нансена.